

Власов В. Ф.

Будда и Моисей

История спасения мира

16+

Владимир Власов

Будда и Моисей

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Будда и Моисей / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Миссионер из России останавливается у настоятеля буддийского храма Роккаудзи отца Гонгэ, в послушниках у которого находятся двое молодых монахов Хотокэ (Будда) и Мосэ (Моисей). Там же он встречается со своей бывшей возлюбленной Натали, ставшей женой учёного-американца. Вместе они проводят научно-исследовательскую работу по установлению контактов с неземным разумом. Через электронные ловушки им открывается невидимая сторона физического мира. Герои романа вступают в контакт с неземным разумом и знакомятся с синтоистскими богами, совершая удивительное путешествие по всей Японии.

© Власов В. Ф., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие автора	5
Дневник миссионера	9
Продолжение Дня первого «Предупреждение ангела»	13
День второй «Появление Синего Дракона»	23
День третий «Наставление учителя Воплощения»	47
День четвёртый «Путь»	71
День пятый «Дворец морского дракона «Рюгу»	88
День шестой «Красная птица в Эдемском саду»	102
День седьмой «Летающий Заяц»	120
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Предисловие автора

Когда я ещё, будучи студентом Канадзавского университета, жил, учился и работал в Японии, то познакомился в небольшом городке Ёсида-мати префектуры Ниигата с настоятелем дзен-буддистского храма «Роккакудзи» отцом Гонгэ. Он был родом из этого городка, который я скорее назвал бы большим селом, да и назывался-то он словом «мати», как селение, в отличие от понятия «тоси», что означает небольшой городок. В этом городке у него жили родственники, и он приезжал их навещать. Его храм находился высоко в горах Синано, в тех местах, о которых писал ещё в своё время знаменитый писатель Симадзаки Тосон, произведения которого мне также нравятся, как и повести моего любимого писателя Тургенева. Кстати, в их стилях есть много общего, возможно, Симадзаки Тосон писал свои произведения после русско-японской войны 1905 года, находясь под впечатлением от романов нашего писателя, с которым впервые познакомилась тогда японская интеллигенция.

Я встретился с отцом Гонгэ на одной пирушке у мэра. Местное общество было дружное и сплочённое, почти все жители городка знали друг друга. Когда мы разговорились с отцом Гонгэ, и я ему чем-то понравился, он стал говорить мне очень странные вещи. Речь зашла о романе Симадзаки Тосон «Нарушенный завет», и я сказал, что очень интересуюсь народом айну, аборигенами японских островов, о жизни которых писал автор романа. Я знал, что айну, заселявшие острова ещё до прихода на них японцев, отличаются от них внешне, у них растёт густая борода и многие из них голубоглазые. В основном они занимались скотоводством.

Будучи в Японии париями и считавшимися японцами «нечистыми», они как-то вообще выпали из внимания японской общественности. Мне очень хотелось встретить хотя бы одного айну, и тут вдруг отец Гонгэ мне объявляет, что один из его духовных воспитанников, монах Мосэ, является представителем этого народа. Более того, я узнаю со слов Гонгэ, что айну являются одним из затерявшихся в Азии колен евреев, которых когда-то в глубокой древности персы, пленив, увели из Земли Обетованной в Вавилон. Более того, храм Роккакудзи, в переводе означавший «Храм шести углов», имеет своим символ звезду Давида. Когда я это услышал, то почувствовал, что стою на пороге открытия, мировой сенсации. Пирушка продолжалась, и чем больше было выпито sake и пива, тем откровеннее становились наши разговоры с отцом Гонгэ. Узнав, что я изучаю японскую литературу и хочу стать писателем, он сказал, что некоторое время жил вместе с одним европейцем-писателем, который гостил у него в храме и тоже изучал японскую литературу. По вечерам тот писал рассказы о будущем.

– Как? – удивился я. – Он делал прогнозы на будущее, или же был фантастом?

Он рассмеялся и заметил:

– Ни то и ни другое. Он сам предсказывал будущее. Он просто слышал в шелесте листьев дерева шёпот тонких сущностей о будущем нашей планеты. Дерево само разговаривало с ним. Помните, как дело было с пелазгами у древних греком, с которыми тоже разговаривали деревья.

– Он слышал будущее? – я ушам своим не верил.

– Да, – ответил священник. – И очень страшное. Он сказал, что скоро Японии не будет. Вся она разрушится и уйдёт под воду.

– Он кроме вас ещё кому-нибудь это говорил? – спросил я.

– Говорил, но никто ему не поверил, посчитали его сумасшедшим.

– Однако, – признался я, – в такое трудно поверить.

– Вот и они так говорили, – сказал он, кивнув на моих японских друзей, предающихся веселью. – Пир во время чумы.

– А доказательства? – спросил я его.

– Есть доказательства, – сказал он, – я лишился двух своих учеников-монахов. Оба они исчезли, перешли в другое измерение, так сказать, в параллельный мир, или в иное время: в прошлое или будущее – этого я не знаю. Одного звали Хотокэ, а другого – Мосэ.

– Странные имена, – заметил я, – как я понимаю, Хотокэ переводится как Будда, а Мосэ – Моисей. А ваше имя пишется двумя иероглифами как «Воплощение»?

– Совершенно верно, – улыбнулся он.

– Неужели воплощение Будды!? – шутливо воскликнул я.

– Всё может быть, – добродушно рассмеялся он, – я пока сам этого не понял.

– И чем же занимались ваши ученики?

– Дело, которым занимались они, наши власти с американцами засекретили, – ответил он.

– Интересно, что же это за дело такое? – спросил я, ещё больше удивляясь.

– Дело об экспериментах НАСА с электронными ловушками, которые американцы представляли по всей Японии возле самых старых деревьев.

– Зачем? – удивился я.

– Этого они нам не говорили. Проводили какие-то свои секретные эксперименты. Вы же, наверное, знаете, как трепетно японцы относятся к деревьям. Для нас буддистов, но особенно для синтоистов, дух дерева является богом, проводником в прошлое и будущее. Недавно когда-то в древности пеласги, жившие среди греков, также, как и этот писатель, по шелесту листьев дубов могли предсказать будущее. Ведь старые деревья являются самыми древними представителями жителей нашей планеты. А у нас в Японии есть деревья в возрасте нескольких тысяч лет. Таких деревьев больше не сохранилось в мире. И правительство их объявило национальным достоянием и сокровищем. Повсюду в мире деревья вырубаются, а у нас сохраняются. В Японии нельзя рубить деревья. Наша страна – единственная в мире, где площадь лесов увеличивается. Всю древесины мы ввозим в страну из-за границы. Дерево для Японца – святыня, потому что дух деревьев связан с прошлым и будущим, а их жизнь – с мировым вселенским временем. В моём храме тоже есть такое дерево, с духом которого он и общался.

– И что же ему сказал этот дух? – спросил я с замиранием в сердце.

– Он сказал, что приближается время мирового катаклизма. Япония затонет в мировом океане, как корабль. Погибнут почти все японцы. Исчезнет с лица земли Австралия, часть Америки и Европы, половина Азии тоже будет залита водой. Сохранится только Россия с западной и восточной Сибирью. Многие народы там найдут своё убежище.

– Неужели такие пугающие предсказания? – удивился я.

– И всё начнётся с Японии, – ответил Гонгэ, грустно покачав головой, – уже началось.

– Не может этого быть! – воскликнул я.

– Вот, – сказал он, доставая из своей дорожной сумки тетрадку. – Здесь он записал всё, что было, и что будет. Отдаю вам её, можете использовать, как хотите. Всё равно она здесь в Японии никому не нужна. Да и никто не понимает языка, на котором она написана. От неё у меня будут только одни неприятности с властями и американцами. Я специально её захватил с собой, чтобы передать вам. Может быть, вы с ним встретитесь и вернёте её ему. Он так неожиданно покинул тогда мой храм, что забыл некоторые свои вещи. Если вы его встретите, то напишите мне, я перешлю ему всё, что он тогда забыл у меня. Я пришёл на эту вечеринку лишь затем, чтобы встретиться с вами. Ну, а если не найдёте его, то уж пусть эти записи хранятся у вас. Всё равно, по его словам, скоро везде здесь будет вода. Может быть, в вашей стране найдутся благоразумные люди, чтобы подумать о будущем и как-то побеспокоиться о безопасности мира и человечества.

Я заглянул в тетрадь и очень удивился. Она была исписана по-русски почти каллиграфическим почерком.

– Так этот писатель русский? – спросил я у отца Гонгэ.

– Не знаю, кто он по национальности, но выдавал себя за немца. Знал хорошо немецкий язык, потому что носил с собой библию на немецком языке. Может быть, русский, может быть, еврей, а, может быть, немец. Но то, что он был православный, за это я ручаюсь. В деревне Ёсида он хотел открыть православную церковь. Но у него ничего из этого проекта не вышло. Потому что наши жители всегда придерживались традиционной веры, рождались синтоистами, а умирали буддистами. Он имел церковное имя Хризостом, но его все деревенские, почему-то, звали Христом Иесу – Иисусом Христом. Смеялись над ним, но на его проповеди ходили с интересом. Я думаю, что он путешествовал по Японии от русской православной церкви, но вот был ли он священником, я этого не знаю.

Я поклонился ему, поблагодарив за столь дорогой для меня подарок, ещё не совсем осознавая значимость этого дара.

После того вечера мы расстались с отцом Гонгэ, и он как-то выпал из поля моего зрения. Прочитав его тетрадку, вначале я отнёсся к ней как к курьёзу, не очень поверил тому, что там было изложено, но со временем меня стали одолевать сомнения. А может быть, всё, о чём он пишет в ней, и что очень похоже на сказку и местами даже на несуряницу, так мне казалось тогда, происходило на самом деле и может ещё произойти. Поэтому, предавая её гласности с некоторыми моими пояснениями, я снимаю с себя всю ответственность за изложенные там мысли, и надеюсь, что читатель сам сделает свои выводы. Мои пояснения приводятся только там, где нашему читателю может быть неясна мысль или источник, на который в своих рассуждениях ссылаются отец Гонгэ и сам этот таинственный миссионер. И ещё, он пишет о себе в рукописи в третьем лице с вымышленным именем, может быть, из-за своей скромности или конспирации. Я, чтобы не вносить лишнюю путаницу, просто назвал его Христом-спасителем, потому что до сих пор не могу понять, какая ему отведена роль в нашем мире.

Эта книга ещё может помочь тем, кто боится смерти.

Чистосердечно признаюсь, что раньше и я тоже боялся смерти, пока не попал в город Ёсида в Японии. Из разговоров с настоятелем буддийского храма Роккакудзи отцом Гонгэ и записей Христа-спасителя я понял, что наша жизнь неуничтожима, и мы вечны, хотим мы этого или нет. Живя в нашем общем доме, называемом Вселенной, мы путешествуем и попадаем из одного мира в другой, меняя нашу оболочку.

Отец Гонгэ считал, что в нашей жизни, как и во всей Вселенной, нет ни начала, ни конца, и ссылался на мнения древних учёных и философов, познавших мир. Так он говорил, что в своей книге «Значение знаков «Рассуждений и речей» и «Мэн-цзы»» знаменитый философ Ито Дзинсай (1627 – 1705) замечает: «Нынешнее мироздание – это вечное мироздание, вечное мироздание – это нынешнее мироздание. Разве есть у него начало и конец?» Поэтому человек, состоящий из энергии этого мироздания, живёт вечно, переселяясь из одной комнаты нашего общего Дома в другую.

Когда же я ему на это возразил, он привёл слова другого философа, учителя Накаэ Годзю (1608 -1648), который в своём труде «Годзю сэнсэй сэйгэн» – «Благие речи учителя Годзю» говорит: «Поскольку всё множество вещей мироздания творится в свете божеств, сиянии духов, то если высветлить нашу светлую добродетель, обретём свет божеств и высветлим четыре моря (весь мир). Посему всё множество вещей мироздания находится в нашей светлой добродетели. Хотя заблуждающийся и думает, что сердце попросту находится в теле, на самом же деле, тело рождено в глубинах сердца. Посему для просветления взора нет различий между внутренним и внешним, тёмным и светлым, наличием и отсутствием». Поэтому мы никогда не умираем, а просто проходим через врата перерождения, которые ещё называем Вратами смерти».

Читая рукопись миссионера, я как бы заглянул через Врата смерти по ту другую сторону нашего бытия и полностью успокоился насчёт своего будущего. Я понял, что я неуничтожим. Если даже меня положат в гроб и заруют в землю, или взрывом моё тело разнесёт на

части, а также, если я утону, и меня съедят рыбы, или меня кремируют и мой пепел развеют по всему свету, я не умру. Я перейду в другой мир, который является продолжением этого мира. Там, также, как и здесь, я буду находиться между шестью углами – четырьмя сторонами света, верхом и низом. Там меня ждет своё пространство, заключённое в новый «ящик Вселенной» с моими старыми друзьями и новыми знакомыми, с которыми я буду ряд встречи. Возможно, в одном из этих миров я познакомлюсь и с Вами.

До будущих встреч, дорогие читатели.

Автор.

Дневник миссионера День первый «Два монаха»

Какая страна родилась в океане,

Где праздник справляют однажды в четверг?

К её берегам мысль с энергией тянет.

И тянет ковчеги для наций и вер.

Одно из пророчеств Мишеля Нострадамуса о России

Am Anfang schuf Gott Himmel und Erde.

Цель моего путешествия по Японии первоначально состояла в том, чтобы отыскать следы древнего исчезнувшего колена евреев, уведённых персами в Вавилон, для того, чтобы попытаться у них разыскать вывезенные ими святыне книги из Земли Обетованной для исправления Ветхого завета Библии.

Отправляясь из России в Японию, я наткнулся на интересную заметку – «Курьёзы времени» в газете «Времена», в ней говорилось:

«До появления племени Ямато Японские острова были заселены айнами, которые там и поныне занимаются скотоводством. У них растут бороды, и они очень похожи на представителей одного из колен еврейского народа, затерявшегося на просторах Азии. Когда японское правительство поднимает вопрос о возвращении Россией «северных островов» Японии, то, может быть, стоит подумать о возвращении всего Японского архипелага Израилю? Ведь айны-евреи имеют притязания на владение этим архипелагом больше, чем сами японцы, по тому же общепринятому праву первооткрывателей и его первых жителей».

Поэтому в Японии я искал, в основном, следы древней Торы и остатки народа Моисея, и, к своему счастью, наткнулся на самого Моисея. В дзэн-буддистском храме Эйхэйдзи префектуры Фукуи, познакомившись с отцом Гонгэ, я узнал, что у него в северо-восточной горной части острова Хонсю в послушниках ходит сам Моисей. Я тут же сказал отцу Гонгэ, что еду с ним в Синано. Отец Гонгэ показался вначале мне несколько странным человеком. Это я понял из некоторых его рассуждений. Он говорил мне, когда мы вместе с ним ехали из Фукуи в сторону Ниигаты поездом «Синкансэн»:

– Мои монахи, двое учеников Хотокэ и Мосэ, когда перейдут из физического мира в мир иной, воплотятся в двух волнистых попугайчиков Чарли и Ричика. В детстве я держал двух таких попугайчиков в клетке в своей комнате. Эти монахи своим характером очень похожи на тех попугайчиков.

– А где сейчас эти попугайчики, – поинтересовался я.

– Они подошли, но это не важно, – продолжал он. – Впрочем, вернее будет, если я скажу так, что эти монахи и птички, являясь сами по себе прекрасными существами, вначале жили как птицы, а потом воплотились в монахов. Ведь духи существ живут вечно, только с каждым перерождением меняют своё воплощение.

– Интересная теория, – рассмеялся я.

– Но вот только не известно, в кого воплотятся монахи потом, когда вознесутся на небеса, опять в птичек или монахов.

Я захотел сменить тему, но старый бонза настойчиво продолжал:

– Вы скажите, что в моих рассуждениях нет логики, и ещё подумаете, что, я выжил из ума, говоря такие вещи на старости лет. Но прошу Вас, не делайте скоропалительных выводов. Потом вы всё поймёте сами. Я-то уж знаю, что в этом мире из-за непонятого хода времени вообще нет никакой логики.

Я ему ничего не ответил. Некоторое время мы сидели молча, глядя в окна на проносившиеся мимо нас клочки рисовых полей и подступавшие к морю горы.

Отец Гонгэ улыбнулся и нарушил тишину:

– Я вижу, что немного запутал вас, да и сам запутался, не совсем понимая, кто в кого и когда перевоплотился, но это не важно. Так же как ни важно и то, куда течёт время.

– И куда же оно течёт, – спросил его я, тоже улыбнувшись.

– Как-то одна тонкая сущность сказала мне, что в космосе частенько время движется вспять. Вначале звезда взрывается, а потом начинает сжиматься, образуя чёрную дыру, тогда-то течение времени вокруг неё начинает возвращаться в исходное положение. Вначале я не очень этому поверил, но когда позднее познакомился со всем разнообразием миров во Вселенной, то уяснил себе, что, вообще, мир алогичен, и над этим не стоит ломать себе голову. Одним словом, энергия переливается из одного места в другое, как деньги – из одного кошелька в другой. Но всё это тоже не важно. Это говорит о том, что всё в этом мире относительно.

– Вот оно что? – удивился я. – Вы знакомы с теорией Эйнштейна?

– Такой вывод я сделал ещё до знакомства с его теорией, – продолжал он, – и убеждён в этом сейчас, на старости лет, когда потерял всё в своей жизни и продолжаю терять остатки отпущенного мне времени. К сожалению, вся наша жизнь состоит из потерь. Таков уж наш мир. Череду потерь и приобретений сменяется чередой приобретений и потерь, но, в конечном итоге, мы ничего не теряем, а живём вечно, так же, как существуют вечно в пространстве материя и энергия.

Затем он стал мне рассказывать о волнистых попугайчиках, птицах его детства:

– Я родился в большой семье, где кроме меня было несколько братьев и сестер, а также жили два волнистых попугайчика: зелёный Чарли и голубой Ричик. За этими птичками ухаживал я, чистил им клетку, кормил и поил. Братьям и сестрам обычно было ни до них, они настойчиво учились, а я лоботрясничал. Нет, иногда, конечно, они играли с птичками, но чтобы вычистить за ними клетку – ни-ни. Вся грязная работа по уходу за ними доставалась мне. Однако я любил своих птичек. И как я плакал по моему попугаю Ричику, когда его задавила одна из моих сестёр, нечаянно наступив на него в темноте. Я очень скорбел по его безвременной кончине, потому что в жизни он чем-то был похож на меня. Он жил жизнью романтика и поэта, был несколько отрешённым от реального мира. Такие люди и птицы, я думаю, иногда и вам встречаются в жизни. Благодаря Ричику, я чуть было не научился птичьему языку. Даже не обладая задатками полиглота, я бы обязательно овладел этим языком, если бы он остался в живых. Тем более перед этим я начал уже понимать китайскую речь. А уж птичий язык, наверное, не труднее китайского. Ричик любил слушать радио, которое я всегда оставлял для него включённым, уходя из дому. Когда звучали песни, он так искусно подпевал, чирикавая, что я диву давался его музыкальному слуху. Он имел привычку выбираться ночью из клетки и прогуливаться в темноте по всей квартире как лунатик. Эта привычка его и сгубила. Трагедия произошла зимой, и я не стал его хоронить – закапывать в холодную землю. Он любил свободу. И ещё любил купаться. Поэтому я завернул его в мешочек из фольги и спустил на воду нашей незамерзающей реки, как хоронят матросов в море. И он не утонул, а уплыл по мягким волнам по освещенной лунной дорожке в Дальние Дали, во всеобъемлющую Вечность. Я надеюсь, что такое путешествие для него было приятным. Так я простился с моим другом, почти обретая

с ним взаимопонимание. Вообще-то я верю, что существует птичий язык. Язык есть у всех живых существ в природе, даже у деревьев. Важно нам научиться понимать его. Вы скажите, что птичьему языку научиться невозможно. И вообще, спросите меня, существует ли птичий язык? Уверяю вас, такой язык есть, и на нём можно даже сочинять стихи. Просто мы, люди, вообще ничего не видим, что творится вокруг нас. Мы не знаем ни мира, ни жизни тех живых существ, которые живут рядом с нами. Я понял, что птицы общаются между собой на своём языке, когда жил ещё со своими родителями в нашем старом доме. Как-то раз, из-за того, что чердак нашего дома был плохо заделан досками, ко мне в комнату свалился с крыши крохотный птенец, которого я не мог своими силами выходить. Тогда я положил его в корзину, выложив дно сухой соломой, и подвесил на стене нашей бани (офуро). И что вы думаете? Воробьи, услышав писк птенца, собрались на проводах и стали обсуждать между собой, кто будет вскармливать его. Так они решили отдать его одной паре, которая потом и заботилась о нём. Других воробьёв эта пара к птенцу не подпускала.

Мы проехали Канадзаву, где была коротенькая остановка. Когда скоростной поезд отправился, отец Гонгэ продолжал:

– А вы когда-нибудь замечали, как реагируют воробьи на кошку, крадущуюся между грядок?

Я покачал головой.

– Они все хором на низких тонах начинают повторять: «Чук-Чук-Чук» – сигнал тревоги! И все птицы из кустов взлетают в небо, избегая опасности. Я могу привести тысячи примеров их разумной жизни, когда они, общаясь, находят разумные решения. Но речь сейчас не об этом, а о том, что мы, люди, часто не можем договориться друг с другом, если даже имеем общий язык. И уж тем более начинаем враждовать и навлекать на себя несчастья, если наши языки не похожи. Я думаю, что людей на земле не больше, чем птиц. Так зачем же нам враждовать и убивать друг друга?

Вспоминая о своём друге Ричике, а также о двух появившихся у меня позднее учениках-монахах, я подумал, а не найти ли мне человека, который мог бы записать все мои рассказы. Получилась бы хорошая книга о нашем общем взаимопонимании, о том, как сделать так, чтобы нам всем не враждовать, а дружить в этом мире. Ведь наша жизнь такая хрупкая и мимолётная. Может быть, лучше тратить наше время на любовь и на дружбу, а не на ненависть и вражду. Вот только жаль, что излагать свои мысли на бумаге я не могу. Во мне нет писательского таланта. И вот, к счастью, встретил вас.

– Но, зато, вы очень интересно рассказываете, – похвалил я его.

Отец Гонгэ оживился и, улыбнувшись, заметил:

– Рассказывать я умею. Но вот жаль, слово вылетит изо рта и исчезнет. Унесётся куда-нибудь как птичка. А если бы его записать, то оно останется запечатлённым на века. А есть вещи в мире, которые обязательно должны быть записанными, потому что они очень важны в жизни. К примеру, мои мысли о времени. Вот вы, вроде бы как даже священник, или имеете там какое-то отношение к церкви. Я думаю, что вам будет интересно то, что я вам сейчас скажу. Когда Бог говорил о сотворения мира за шесть дней, он имел в виду не земные дни, а вселенские. Было бы глупо думать, читая Святое Писание, что Бог создал мир за шесть земных дней. Тогда ещё и нашей земли-то не было. Он её только создавал. Поэтому и время было другое. Там в глубине Вселенной, где обитает ваш Вседержитель, время течёт не так, как у нас. Там нет месяцев и годов. Есть только Божьи дни. Ведь так?

Я кивнул головой.

– Так вот одна тонкая сущность, прибывшая из того мира, сказала мне по секрету, что сейчас во Вселенной идёт 21244-й день после сотворения мира. Но до сотворения мира было ещё 210 дней, когда Всевышний раздумывал, сотворить ему этот мир или нет. Ведь Бог живёт вечно, и у него нет ни начала, ни конца. Его время бесконечно.

Я ему на это ничего не ответил.

– Так вот, – продолжал он, – в нашей Вселенной с понятием времени дела обстоят совсем не так просто, как кажется на первый взгляд, пояснила мне небесная сущность. Есть время божье, есть время небесное и есть время земное. И каждое из этих времён идёт по-разному. Иногда то или иное время начинает идти вспять или перехлёстывает друг друга. Так, Бог живёт по одним часам, тонкие небесные сущности – по другим, а люди и весь животный мир на земле – по третьим. Поэтому наш земной день не равен ни дню Божьему, ни дню небесному.

День клонился к вечеру. Поезд проехал города Тояма, Касивадзаки и Нагаока. Не доезжая до Ниигаты, мы с отцом Гонгэ вышли на небольшой станции. Там нас ждали монахи Хотокэ и Мосэ, вызванные специально отцом Гонгэ из храма для встречи с нами. Монахи поклонились. И вдруг Моисей вместо приветствия сказал фразу, которая основательно поразила меня:

– И сказал Бог, обращаясь к Моше: «Взойди ко мне на гору и будь там; и я дам тебе скрижали каменные, и Тору, и заповедь, которые я написал для наставления народу». И встали Моше и Йегошуа, служитель его, и взошёл Моше на гору Всесильного. А старейшинам сказал: «Ждите нас здесь, пока мы не возвратимся к вам, вот Агарон и Хур с вами: у кого дело есть, пусть приходит к ним». И взошёл Моше на гору, и покрыло облако гору.

И осенила слава Бога гору Синай, и покрывало её облако шесть дней, и позвал Он Моше на седьмой день из облака.

И явилась слава Бога в виде огня, пожирающего на вершине горы на глазах у сынов Израиля, и вошёл Моше в облако. И был Моше на горе сорок дней и сорок ночей.

Так начался мой первый День на священной горе храма Роккакудзи.

Продолжение Дня первого «Предупреждение ангела»

Настанет день, настанет час, придёт Земле конец,

И нам придётся всё вернуть, что дал нам в долг Творец.

Но если мы, Его кляня, поднимем шум и вой.

Он только усмехнётся, качая головой.

Курт Воннегут «Колыбель для кошки»

Поднимаясь высоко в горы, я увидел небо. Мы взбирались по крутой тропинке, пролегающей между скалами. Монахи несколько ушли вперёд, мы же с отцом Гонгэ шли позади. Отца Гонгэ никак не оставляли воспоминания о его волнистых попугайчиках. Он говорил мне тихо:

– Вот смотри на моих учеников Хотокэ и Мосэ, которых я люблю несколько не меньше моих птичек, и думаю. Человеческое сердце всегда должно быть сострадательным к нашим младшим собратьям на земле: к птицам, животным и насекомым, именно потому, что часто причиной их гибели являемся мы, люди. Мои ученики тоже жалеют птиц и животных. Птиц и людей связывает Небо. Птицы могут подниматься в небо физически, мы же постоянно поднимаемся туда мысленно. Мои ученики тоже частенько воспаряют в небо подобно птицам. Может быть, они и были в своих прошлых перерождениях птицами? Особо их образованием я не занимаюсь, да они и сами впитывают все знания в себя как губка. Поэтому я предоставляю им всегда полную свободу выбора, не понуждая их к учениям никакого из буддийских направлений. Они берут всего понемногу от школ Тайдай, Сингон, Кэгон и Дзэн, которые, так или иначе, изучали Небо. Я думаю, что сейчас они более начитанные, чем многие настоятели храмом – мои знакомые. Но главное их преимущество – это их духовная чистота. На свете нет безгрешных людей, но я считаю их святыми.

Через какое-то время мы, наконец, добрались до храма, стоящего на вершине горы. Позднее я сделал о нём даже несколько записей в своём дневнике. Вот они:

«Во дворе храма Роккакудзи в тени огромного дерева кэяки из породы ильмовых приютилась скромная хижина двух буддийских братьев монахов Хотокэ и Мосэ. Даже в жаркий полдень тень от дерева, которому по приданию было более полторы тысячи лет, хранила прохладу в самой хижине и вокруг неё в радиусе семи метров. Ходила легенда, что это дерево было посажено монахом, прибывшим с островов индонезийского архипелага, когда там ещё блистали в своём величии буддийские храмы, подобные Бободуру. Об исламе в тех местах ещё ничего не было слышно. По той же легенде прах этого монаха после смерти был погребён под корнями дерева. Крона дерева поднималась высоко в небо, и у людей, вспоминающих эту легенду, часто возникала странная ассоциация. Им приходило в голову, что тот самый монах, лежащий под деревом, простирает свои многочисленные руки вверх, чтобы из-под земли прикоснуться к небесной святыне и достичь, наконец, того, чего жаждала его благочестивая душа во время всей его подвижнической жизни. Местные крестьяне говорили даже, что буддизм стал проникать в Японию с появлением в их краях этого монаха. Но имени этого монаха никто не помнил.

Когда ветер шевелил ветви, то братьям монахам, вслушивающимся в шелест листьев, казалось, что до них доносится шепот монаха. Слов они не могли разобрать. Как будто он

вещал из небытия некую сокровенную тайну. Иногда Мосэ пытался постичь это откровение, слушая шелест листвы, но, увы, он был не в силах понять, о чём шептало дерево.

Позднее, осенью, когда наступали холода и листья кэаки начинали облетать, братья монахи с проникновенной грустью подолгу взирали на листопад и думали о скоротечности мира, о том, что сменилось много обитателей храма, опав, подобно этим листьям, но это дерево продолжало стоять, связывая всех живущих с далёким прошлым.

За четырёхсотлетнюю историю храма Роккакудзи не одно поколение бонз отдыхало в этом двореке. Монахи здесь медитировали, вели споры, шутили и смеялись, придавались молитвам и мечтам, уносились в своих фантазиях в заоблачные выси, страдали от холода в зимнее время или прятались в тени дерева от полуденной жары, укрепляя дух чтением сутр, вдыхали запах коры и листьев, слушали шелест листвы. Сколько мыслей посещало умы этих просвещённых монахов, и сколько взоров было устремлено в небо, туда, куда тянулись ветви этого огромного дерева. Как бы там ни было, но все приходили к единодушному мнению, что в этом дереве что-то есть. Рядом с ним хорошо думалось. И ещё, ствол дерева напоминал торс огромного молчаливого великана. Многие монахи, прикасаясь к нему, набирались силы.

Впрочем, сам храм являлся молчаливой тайной, как бы выпадающей из японской действительности. Уже в самом его названии таилась загадка. Роккакудзи – Храм шести углов. Какие углы? Почему шесть углов? Шесть углов не могли представлять углы света, потому как их всегда было не шесть, в восемь. В княжестве Кага князь Маэда четыре сотни лет назад создал «Парк шести сочетаний» – Кэнрокуэн, но и это название не давало объяснения, не подходило к толкованию этих шести углов, так как те сочетания относились к эстетическому восприятию природы.

На фронтоне буддистского храма выделялась шестиконечная звезда, та самая звезда Давида, являющаяся символом древнего народа, живущего на другом конце материка в своей Земле Обетованной».

Первым делом, как только я попал в храм отца Гонгэ, я заинтересовался учением этого храма.

Отец Гонгэ мне рассказал:

– «Учение шести углов» – это учение о шести пределах, где взяты четыре стороны света, а также низ и верх. В нём сравниваются эти шесть пределов во Вселенной при помощи метода экстенсивного толкования с образом «ящика», как приём вспомогательного образного положения.

– Но почему Вселенную вы представляете в форме ящика? – удивился я.

– Почему? – переспросил меня Гонгэ. – Почему я говорю, что во Вселенной существует только единое первоначальное «ки» (энергия)? Это нельзя объяснить простыми словами. Позволю себе это пояснить примером! Вот если мы, соединив шесть досок, построили ящик и плотно закрыли его крышку сверху, то «ки» – воздух и энергия сами по себе наполняют его, и сама по себе рождается белая плесень. А коль скоро появилась плесень, то само собой также зарождаются черви. Это – «ри» (закон) самой естественности. Можно сказать, что Вселенная – это один большой ящик; все предметы – это плесень и черви. Вот что такое «ки». Нет места, где бы оно ни заводилось, нет также места, откуда бы оно пришло сюда. Есть ящик, есть и «ки», нет его, нет и «ки». Поэтому-то мы знаем, что во Вселенной существует единое первоначальное «ки», и только оно! Из этого можно видеть, что нет такого, чтобы сначала было «ри» (закон), а затем рождалось «ки»? То, что называют «ри», напротив, есть только производное от «ки. Ведь все предметы основываются на пяти элементах и на «ин» (покое) и «ё» (движении). Но если доискиваться далее, что же представляет собой основа «ин» и «ё», то мы неизбежно вернёмся к «ри». В этом случае процесс элементарного познания таков, что он не может не породить идеи и воззрения, дойдя до этого момента. Поэтому сунские конфуцианцы и создали свою теорию о беспредельном Великом пределе. Если же рассматривать это в свете вышеприведён-

ного примера, то «ри» весьма ясно до очевидности! Различные теории большинства сунских конфуцианцев о том, что имеется «ри», а уже затем появляется «ки», вплоть до того, что ещё до появления Вселенной раньше всего существовало это «ри», – всё это вымыслы! Рисую змею и добавляя к ней ноги, устанавливаю ещё голову, чего в действительности нет. Всё это изложил более трёхсот лет назад Ито Дзинсай в своём трактате «Точное толкование смысла «Лунь Юя» и «Мэн-цзы».

В первый же день я познакомился с двумя монахами и стал проводить с ними больше времени, чем с отцом Гонгэ. Имея определённую цель, я первым делом спросил у них, как звезда Давида стала гербом их храма.

Сидя в тени дерева и лениво борясь со сном, размягчённые жарой Хотокэ и Мосэ задумались об этом необычном символе под стрекот сверчков. Мосэ, развалившийся на циновке на веранде хижины, смахнув рукавом выступающие на лбу капельки пота, спросил брата Хотокэ:

– Как ты думаешь, что означает эта шестиконечная звезда?

Тот, лениво потянувшись, ответил:

– Не знаю. Когда-то этот символ имел значение, но сейчас он уже ничего не значит.

– Почему? – удивился Мосэ.

– Потому что нашему миру всё это уже не интересно.

– Ты так считаешь?

– Я это вижу.

– Что ты видишь?

– Я вижу, что наш мир подошёл к рубежу, за которым уже скоро наступит конец света.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что человечество уже не знает, куда ему двигаться. Оно само готовит себе гибель. Человеческая мысль исчерпала все свои возможности, она не может найти выхода из тупика, в котором мы оказались. Мы наблюдаем все признаки начинающейся деградации и распада человека, как биологического вида.

– Неужели нет ни одной идеи, способной спасти наш мир от разрушения? – удручённо спросил я их.

– Нет такой идеи, – сказал Хотокэ. – Возможно, каждый из нас имеет какое-то представление о спасении мира. Но идея – это не просто представление, которое находится в голове того или иного мыслителя. Представление становится идеей, когда оно превращается в общественную силу. Однако, в нашем мире, поражённом либерализмом, каждый живёт для себя с присущим ему эгоизмом. Поэтому не может идти речи о спасении мира. Наш эгоизм разрушает этот мир.

– Но ведь есть ещё у людей вера в лучшее будущее, – не сдавался я.

– Вера-то ест, а вот будущего уже нет, – ответил Хотокэ. – Наше внутреннее раскрепощение и духовная свобода закончились полным крахом. И уже поздно что-то изменить. Время упущено, в нашей жизни произошли качественные изменения, а негативные накопления в общественном сознании приняли уже необратимый процесс.

– Ты считаешь, что конец света неизбежен?

– Наступление конца света – всего лишь дело времени. Люди превращаются в животных. Они перестают читать книги, и разучились думать самостоятельно. Весь мир находится в сетях дьявола. Телевидение и СМИ манипулируют общественным сознанием, заполняя кибернетическое пространство рекламой общества потребления и насилием, а не божественными идеями духовного спасения и сохранения мира. Как результат – деградация общества, наркотики, рост национализма, терроризм. Ни в чём нет прогресса, кроме технического совершенствования. Мир становится с каждым днём сильнее, опаснее и глупее. Отойдя от истин Божьей мудрости, мир вскоре сам себя разрушит. А если он не разрушит себя сам, то это сделает кто-нибудь другой.

– Кто? – спросил я.

– Не знаю, может быть, тонкие сущности, а может быть, сам Бог. Впрочем, есть ещё один вариант. К нам приближается планета Нобиру, управляемая анунаками. Ещё шумеры говорили, что раз в три тысячи шестьсот лет они посещают землю и наводят на неё порядок, а потом отбывает дальше по своей траектории, чтобы опять вернуться к нам через тридцать шесть столетий. Последний раз, когда они были, то на горе Синай вручили Моисею скрижали с заповедями, по которым жило человечество вплоть до настоящего времени, и постоянно их нарушало. Вскоре нам придётся держать перед ними ответ. Я думаю, что они, увидев, что творится на земле, не обрадуются, а покончат с нашим миром и вернут свой порядок. Так что, как бы там ни было, а конец нашего света неминуем. И возродится на земле новый Свет – их свет нашего обновления. А всё старое погибнет в пучине огненной.

– Но неужели, ты считаешь, нет никакого выхода? – спросил его Мосэ.

– А какой выход ты хочешь найти? Присмотрись внимательней к той идеологии, которая господствует в этом мире, и ты сам поймёшь, что выхода у нас с тобой нет. Мир движется полным ходом к катастрофе. Да и Всевышнему надоело что-то ожидать от человечества, которое не оправдало его надежд. Самое разумное, что Господь может сделать, это – поставить в нашем развитии точку. И если ничего не удастся изменить на земле анунакам, которых мы принимаем за ангелов, то он попытается где-нибудь на другом конце Вселенной ещё раз произвести свой эксперимент с мыслящей материей. Но вот только жаль, что нас с тобой туда могут не пригласить.

– Откуда ты это знаешь?

– Таково моё предчувствие.

– Твоё предчувствие может быть ложным, – усомнился Мосэ.

– Мы, монахи, отличаемся от простых людей тем, что можем предвидеть будущее. Обретению видеть будущее мы, собственно говоря, и посвящаем всю свою жизнь. Цель нашей жизни – отточить свой ум до такой степени, чтобы он умел проникать в суть вещей. Если мы с тобой этого не достигаем, то можно сказать, что зря едим монашескую пищу. Наша мысль должна уподобиться божественной стреле.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Я имею в виду притчу о самурае Кадобэ-фусэ. Он был беден смолоду. И, несмотря на то, что в то время стрельба из лука была дорогим удовольствием, Кадобэ-фусэ любил стрелять из лука стрелами «мамаки». Даже ночью он тренировался, выдирая дранку из своего разваливающегося домика, обжигал конец её и стрелял при свете луны. Жена с ума сходила от его занятия, соседи только головами качали. «Да если я свой дом на стрелы изведу, кто от этого пострадает?» – говорил он и продолжал стрелять. Кончилось это дело тем, что он извёл свой дом на дранку, но прославился как меткий стрелок. Его пригласил на службу император и назначил придворным стрелком – нориюми. Как-то его отправили в провинцию созывать молодых для борьбы сумо. Кадобэ-фусэ набрал отличных борцов, получил вознаграждение и отправился в обратный путь. А плыли они мимо острова Кабанэ, где имели пристанище пираты. Пираты их увидели и начали преследование лодки. Кадобэ-фусэ достал из дорожной сумки одежду придворного стрелка и облачился в неё. Глядя на него, спутники стали возмущаться: «Ты что, из ума выжил? – спросили они его. – Вместо того чтобы дать отпор пиратам, ты вырядился как петух». Но Кадобэ действовал умно. Когда их судно приблизилось к пиратскому кораблю на расстояние полёта стрелы, он спокойно прицелился и спустил тетиву. Стрела поразила главаря шайки в левый глаз, и тот упал навзничь. Пираты, осмотрев стрелу, обнаружили, что она не обыкновенная, а божественная. И они в страхе бежали. Так и мы, должны оттачивать наши мысли до остроты наконечников божественных стрел, чтобы они не только поражали цели, но и проникали вглубь вещей. Как говорят в народе, попасть не в бровь, а в глаз. Я имею в виду также и зло, творящееся в мире.

– Иметь мысли, острые как стрелы, – ещё не главное, – опять возразил ему Мосэ. – Задача истинного мыслителя – пройти Врата Небес, за которыми начинается Истина. Пока что человечеству этого не удавалось сделать. Самые умные люди разных эпох подходили к этим Вратам, топтались возле них, но так и не могли оказаться по ту сторону.

– Поэтому ты решил пройти эти врата? – с улыбкой спросил его Хотокэ.

– А почему бы и нет? – смело заявил Мосэ.

– Ну что же, желаю тебе преодолеть их, – сказал Хотокэ и затих.

Мосэ повернулся на спину, и долгое время всматривался в крону огромного дерева кэяки, через ветви которого проступало синие бездонное небо, в глубине которого скрывался Всевышний.

– Вот, – сказал он, обращаясь ко мне, – четыреста лет назад у нас был один мудрец по имени Када Адзумамамаро. Он говорил: «Был ли бог до появления мироздания или появился после – не ясно». А вы что думаете?

Я улыбнулся и пожал плечами. Мне не хотелось говорить, так как меня тоже одолевал сон. Вскоре я заснул. Но пока я спал, случилось нечто, что выходило за рамки моего понимания, о чём потом рассказал Мосэ. А произошло вот что:

Прошло некоторое время. Тишину и спокойствие возле монашеской хижины ничего не нарушало кроме стрекота сверчков и размеренного храпа брата Хотокэ. Глаза Мосэ начинали слипаться, его явно клонило ко сну. Глядя на орнамент переплетающихся ветвей кроны дерева, Мосэ то открывал глаза, то закрывал. Мысли путались, его охватывала дрема. Вдруг в кроне дерева что-то зашелестело, как будто горячий ветерок пробежал по его верхушке и коснулся щёк монаха. Мосэ протёр глаза и сел. Недалеко от него на траве стоял ангел в белой одежде и держал в руках огненный меч.

– Кто вы? – испуганно спросил его Мосэ.

– Я – Ангел Смерти, – ответил тот.

– Вы пришли, чтобы забрать мою жизнь? – произнёс Мосэ, едва шевеля побледневшими губами.

– Не только твою жизнь, но и жизнь всех людей на этой земле.

– Но почему? – удивился Мосэ.

– Потому что для них наступил конец света.

– Так неожиданно?! – воскликнул Мосэ. – И нет никакой отсрочки?

– Отсрочка – сорок дней, – ответил Ангел, – через сорок дней пробьёт страшный час, когда вы все предстанете пред Богом.

– Но? – воскликнул Мосэ.

– Никаких «но», – возразил ему Ангел. – Всё взвешено, отмерено, решено. Миру отпущено всего сорок дней.

– И что будут тогда?

– Сбудется общее предсказание: «Когда стороны света сойдутся в одной точке, верх станет низом, а низ – верхом, наступит конец света».

Сказав эти слова, он поднял меч и мир померк.

Последними мыслями в голове Мосэ были:

Будущее исчезнет. Ангел смерти взмахнёт своим огненным мечом. Земля погрузится во мрак через сорок дней.

В этот момент одновременно это пророчество прозвучало во многих уголках Японии, как среди спящих, так и среди бодрствующих.

Так в Канадзаве в церкви свидетелей Иеговы во время общей молитвы один прихожанин вскочил со своего места, поднял руки к потолку и прокричал:

– Когда наступит конец света и мы, став на колени, возденем руки к Небу, и будем вопрошать Всевышнего, за что он насылает на нас небесную кару, но будет уже поздно что-то делать.

Не лучше ли нам уже сейчас обратить внимание на себя и разобраться во всех причинно-следственных связях, чтобы понять, почему всё так происходит.

Прихожане стали его одёргивать, но он был, как бы, не в себе, говорил всякую несвязную несурезицу. Двое сотрудников взяли его под руки и вывели на улицу, где ему полегчало.

В Токио подобную мысль высказал на совещании учёных агентства НАСА профессор токийского университета «Васэда» Миура Кадзээмон, которому впоследствии тонкая сущность откусила голову.

Мне в этот момент ничего не приснилось. Я спал под раскидистым деревом сном младенца.

Когда я проснулся, и Мосэ рассказал нам свой страшный сон, я не придал ему никакого значения. Мало ли что может присниться во сне. Когда же монахи ушли к отцу Гонгэ на медитацию, я вытащил из рюкзака Библию и открыл её на странице «Откровения» святого Иоанна Богослова. Мой взгляд наткнулся на слова: «После сего я увидел иного Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую; земля осветилась от славы его. И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птицы, ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши её. И услышал я иной голос с неба, говорящий: выйди от неё народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах её и не подвергнуться язвам её; ибо грехи её дошли до неба, и Бог воспрянул неправды её».

Я закрыл Библию, лёг на спину и устремил свой взгляд в небо. Окрестности гор несколько изменили свой цвет, от клонящихся к горизонту лучей солнца. Лёгкий ветерок пробежал по кроне огромного дерева. Листья шуршали и трепетали от надвигающейся ночи. Вершины деревьев противоположных гор чётче обозначили свои силуэты на светящейся линии горизонта. Проступали невидимые днём очертания, тянущиеся к светлому небу. Равнины и впадины между гор заполнялись тенью. Я вслушивался в шелест листьев, и вдруг ощутил каким-то внутренним чувством, что дерево разговаривает со мной. Вначале я даже не понял того, что происходит: или мои мысли налагаются на шелест листьев, или шелест листьев с мыслями проникают в моё сознание. Но я явственно ощутил, что эти мысли не принадлежат мне, потому что я раньше никогда не думал так, и вряд ли когда-нибудь ещё буду думать. Мысли как бы проносились в моей голове сами по себе, неведомо, откуда возникая. Я даже не мог помешать их движению.

Мне думалось: «Люди вначале что-то делают, а потом думают. И чем меньше думают, тем больше делают. Сейчас уже никто не думает, но все чем-то заняты. В мире всё происходит автоматически, как рефлексия на раздражение. Все живут сегодняшним днём, не задумываются, что будет завтра, потому что все лишились каких-либо устойчивых внутренних качеств. Люди все управляемы. Но кто и что ими управляет? Не совесть, так как уже давно все её лишились. В данный момент всех занимают только сегодняшние актуальные моменты, как рефлексия на раздражение. Все стали нервными, несдержанными, и с каждым днём всё больше превращаются в неврастеников. Люди в мире все суетятся вокруг огромного Вавилона, который ими всеми манипулирует. Он управляет людьми и всем миром. Одних делает богатыми, других разоряет. Одним помогает строиться и богатеть, других уничтожает. Он всех и всё контролирует на земле и обрёл такую силу, что стоит ему сказать слово, и народы перед ним падают ниц. Он имеет самую сильную армию в мире и сосредоточил в себе все основные богатства. Он постоянно создаёт новые ложные ценности и новую ложную культуру. Но время его падения уже близко. И он это понимает. Поэтому он старается всеми силами отсрочить своё падение. Развязывая на земле войны, он всё больше народов втягивает в конфликты. Сейчас он сосредоточен на местах старого Вавилона, пока он не уничтожит там все народы, он не успокоится, и не будет уже больше их веры. Затем он постарается уничтожить самые многочисленные

народы. Сокращение людей на земле – это его цель. Захват всей земли – это тоже его цель. Но уже близок час его падение. И падение его начнётся с востока. Ибо Вавилон стал великой блудницей. И грехи её Бог видит и помнит, и ему претит её неправда. Все несчастья падут на неё и её союзниц. В один день придут казни, смерть, плач и голод. И будет она сожжена огнём, потому что силён Господь Бог, судящий её. И заплачут и возрыдают о ней цари земные, блудедействовавшие и роскошествовавшие с нею, когда увидят дым от пожара её. Но некоторых царей уже не будет, так как они провалятся или исчезнут под водой. А те, кто сохранится, будут, стоя издали, от страха и мучений её говорить: горе, горе тебе великий Вавилон, город крепкий! Ибо в один час пришёл суд твой. И купцы земные восплачут и возрыдают по ней, потому что товаров их никто уже не покупает. И горе тебе, великий город, ибо в один час погибло твоё богатство. И все кормчие, и все плывущие на кораблях и все торгующие на море встали вдали и, видя дым от пожара её, возопили, говоря: какой город подобен городу великому. И посыпали пеплом головы свои и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебе город великий, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море! Ибо опустел ты в один час. Веселись о сём, небо и святые Апостолы и пророки, ибо совершил Бог ваш суд над ним. После этого все услышат на небе громкий голос как бы многочисленного народа, который говорит: аллилуйя! Спасение и слава, и честь и сила Господу нашему. Ибо истины и верны суды Его! Потому что Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки её. И сошёл в страну самую широкую Верный и Истинный, сидящий на белом коне, который праведно судит и воинствует. Имя ему: Слово Божие. И царство справедливости воцарится на тысячу лет. И новый святой город, сходящий от Бога с неба, примет в себя всех спасшихся. И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло».

Так говорило мне дерево, и в ужасе слушал шелест листьев и не мог понять, почему эти мысли, явно не принадлежащие мне, наделённые необычайной пронизательностью, звучали именно для меня, как бы пророча закладывание камней в фундамент новой цивилизации и культуры. И в этом мягком благозвучном шёпоте листьев сами собой вставлялись пророческие слова откровения святого Иоанна Богослова, которые полные страшного лаконизма и величественности определяли будущее течение времени, могучего порыва всего человечества исправиться и переродиться на основе того же божьего слова.

Я поднялся с земли и пошёл в сторону храма, взволнованный и ошарашенный услышанным предсказанием будущего, предвещающего время создания нового мира, где будут царить истинная красота и мудрость.

Возле храма я встретил наставника Гонгэ и двух его учеников. Они пригласили меня на ужин, который был очень скромный и состоял из маленькой мисочки риса с кусочком солёной редьки дайкон, супа и небольшого кусочка тофу. Был ещё зелёный чай и апельсин.

Мне показалось, что во время ужина Мосэ и Хотокэ были чем-то расстроены. То же самое заметил и настоятель храма отец Гонгэ. Он улыбнулся и весело спросил их:

– Ну что вы головы повесили? Радоваться жизни нужно, а не печалиться.

– Во время медитации в зале богини мудрости Каннон я увидел зловещее предзнаменование, – признался Хотокэ. – Ко мне явился дракон и сказал, что скоро наступит конец этой земли.

Отец Гонгэ рассмеялся.

– Рано или поздно он всё равно наступит. Зачем из-за этого переживать. Радоваться нужно, что мы пока ещё живём и наслаждаться жизнью. Вы молоды, у вас ещё все впереди, а вы уже печалитесь. Вот я уже старик, а радуюсь жизни. А по логике вещей, должно бы быть наоборот. Но, что поделаешь, такова жизнь, рано или поздно она всё равно заканчивается. Но это не значит, что со смертью приходит всему конец. Жизнь неуничтожима, так же, как и наша сущность. После смерти мы всё равно через сорок девять дней войдём в бардо, а потом

опять родимся в этом мире. А вот кем мы станем, это уже зависит от нашей жизни сейчас. Что заслужим, то и получим.

– Интересная философия, – заметил я, – сколько в мире религий, столько и представлений о жизни и смерти.

– А что религии? – подхватил эту тему отец Гонгэ. – Религии необходимы человеку. Если отстранённо посмотреть на мир, то он представляет собой постоянно изменяющийся хаос. Из хаоса мы возникаем и в хаос возвращаемся. Нет ничего удивительного, что человек, чтобы как-то осмыслить этот хаос, ограничивает вокруг себя некое пространство и заполняет его определённым смыслом. Он как бы из своей философии и религии создаёт в этом пространстве свою обитель, комнату, дом, мир. Но все эти миры на поверку оказываются тем же продолжением всеобщего хаоса, они рушатся, вновь создаются, перетекают из одного в другое. Всё, что в мире есть, – это движение. Вот оно необоримо, и мы – путешественники в этом движении. Поэтому, я думаю, что самая разумная философия и религия – это даосизм. Я полагаю, что все религии созданы земным человеком, кроме одной – космической, то есть, даосизма, которую нам подарили сами боги, пришедшие к нам из космоса. В своём развитии мы тоже становимся богами, так как с каждым днём на земле всё глубже постигаем божественную мудрость, которой живёт Вселенная. И, несмотря на то, что все мы разные, и имеем разное происхождение, в богов нас превращает наш развивающийся разум.

– Что вы имеете под понятием, что мы все разные? – спросил я. – И что значит, что у нас разное происхождение?

Отец Гонгэ опять рассмеялся.

– А то и значит, что Мосэ привиделся ангел, а Хотокэ – дракон. И оба они предсказали им будущее, одинаковое будущее.

– Мне, кстати, тоже сейчас дерево предсказало будущее, – сказал я, – и тоже не очень приятное.

– Вот видите, – весело сказал Гонгэ, – разум в этом хаосе самоорганизуется. Он находит разные формы для своего самовоплощения. И земля заселена разными мыслящими существами. Даже мы с вами, являясь как бы общностью на земле, именуемой человечеством, настолько разнородны, что имеем разное происхождение. Ещё не известно, отчего произошли на земле европейцы, африканцы, азиаты и индейцы в Америке. Ведь разные существа видоизменяются, и уж тем более разумные, приобретая определённую форму для выживания в той среде, где находятся. Самая разумная и эффективная форма выживания на суше – это форма обезьяны или птицы, которая может летать, а в воде – форма дельфина или рептилии, которая одновременно может жить как в воде, так и на суше. А под землёй лучшая форма выживания – это форма змеи или червяка. Так что все мы произошли от разных существ. Мы, азиаты, произошли от рептилий и змей, вы, европейцы, – от птиц или других крылатых созданий, поэтому у вас, у всех, длинные носы, а у нас – узкие глаза.

При этих словах добродушный отец Гонгэ рассмеялся.

– Поэтому, вероятно, всегда у нас, у людей, такой антагонизм друг к другу, что мы убиваем друг друга по разным пустякам. Ведь, даже у вас, у россиян, на гербе изображён двуглавый орёл с иконкой на груди, где Георгий Победоносец убивает дракона, то есть нас, азиатов, произошедших от рептилий и драконов.

Отец Гонгэ опять расхохотался. Монахи, слушая наш разговор, тоже улыбнулись.

– Поэтому главное в этом мире для нас, – продолжал отец Гонгэ, – это научиться сосуществовать. Ведь и рептилия, и птица, если они имеют разум, могут жить разумно и дружно, помогая друг другу, а не истребляя друг друга. Мир – намного сложнее, чем он кажется нам на первый взгляд, и чтобы понять его, необходимо не только проникнуть в природу разумом, но и попытаться слиться с этой природой, а не обособляться от неё. Сейчас как раз настает время переосмысления всех наших ценностей, когда мир стоит на пороге глобальных изменений. Нам

нужно не только вместе уживаться, но и приспособливаться к этим изменениям. Тем более, мы не знаем, что потеряем и что приобретём в будущем. Если начнётся вторжение каких-нибудь сущностей в наш мир и истребления нас, то и тогда нам нужно научиться выживать вместе, объединившись.

– А что, может и такое произойти? – спросил я его.

– В этом изменяющемся хаосе, именуемом космосом, всё может произойти, – ответил отец Гонгэ уже без улыбки. – Нам нужно быть готовым ко всему. Ведь сильное поглощает слабое, а слабое, если не может сопротивляться сильному, то растворяется в нём и само становится частью этого сильного. Так происходит во всём мире. Лев состоит наполовину из съеденного барана. Но то, что последнее время мои мысли всё больше и больше занимает, это – то, а есть ли вообще какая-то разумность в этом мире? То, что мир является хаосом, это всем понятно. Но есть ли в этом хаосе какое-то организующее начало, или сам хаос подвержен неким законам самоорганизации. Единственное, что мы можем сказать о нём, это то, что в этом хаосе происходит некое самосовершенствование. Совершенство – вот что неоспоримо существует в мире. Но как оно происходит? Кто-то организует материю, или она сама организуется и совершенствуется. Если об этом задумываться, то начинаешь сомневаться в существовании Бога. В течение миллионов лет живая материя достигла определённого уровня совершенства. Нет, я не говорю о нашей планете. Мы ещё дети, живущие в этом мире, и толком ничего ещё об этом мире не знаем. Но где-то есть такие Знания и такое Совершенство, что нам вряд ли удастся даже приблизиться к их пониманию при нашей жизни. А если так, то все наши цели иллюзорны. Если Истина закрыта от нас напрочь, то, как мы сможем её постичь. Я чувствую, что наше общество приблизилось к некому порогу, за которым последует информационный взрыв, и все наши знания, наука и представления о мире, пойдут прахом. Всё рассыплется как карточный домик, все наши мировые религии покажутся нам таким вздором и таким заблуждением, что жизнь наша потеряет всякий смысл. Это – как комната, к которой мирно тысячами лет жила человек, и вдруг стены пол и потолок разлетятся в разные стороны, и человек, один на один, окажется с бездной и хаосом, не зная ни его законов, ни истинной сути всего этого. Мы окажемся в роли обманутых дураков, обманутых самими собой же. Самая главная идея, которая всех объединяет, может оказаться ложной. Знаете, как писал Герман Гессе в одном из своих рассказов? Человек где-то слышал об одном прекрасном далёком городе. И вот, он решил найти его, посмотреть, и если ему он понравится, то остаться там. Он распродаёт и раздаривает всё, что у него имелось, и уходит на его поиски, идет очень долго, переживает большие трудности, и уже обессиливает от поисков. И вдруг замечает, что заблудился в своём пути, и уже назад никак не может вернуться, и начинает чувствовать, что все рассказы об этом городе являются обманом и вымыслом. И нет никакого города, и никогда не было. Вот так же может получиться и с нашим Богом, когда мы поймём, что нет никакого Бога, а есть Хаос. И этот хаос только с большой натяжкой можно назвать Богом. Есть ещё время, но и время вряд ли, по нашим меркам, можно считать Богом. Есть, правда ещё совершенство. Но что такое совершенство? И как оно соотносится с хаосом в пространстве и со временем? Совершенство знаний? Где они? В чём они заключены? Так и мы с вами, идём, не ведома куда, не знаем даже, что хотим найти.

– Но Бог все же есть, – твёрдо сказал Мосэ.

– Это – твоя позиция, – понимающе кивнул ему отец Гонгэ. – Ты читал Библию и Тору, которые уверяют тебя в этом. Ты шёл в этом направлении всю свою жизнь. И кроме этой цели ничего не видел вокруг себя. Так бывает с каждым, кто заранее в уме прокладывает себе путь, и уже ни на что не отвлекается. Но ты даже не знаешь, кто Бог, и какой он. Ты же не видел его ни разу в своей жизни. Может быть, это и есть тот далёкий прекрасный город, возникающий миражом в твоём воображении.

– Может быть и так, – молвил Мосэ, – но он определяет мою цель и заставляет куда-то двигаться.

– Но куда? – воскликнул отец Гонгэ. – В страну иллюзий?

– аже и так, – твёрдо сказал Мосэ, – если в этой стране есть мои идеалы: доброта и справедливость. Путь это – мечта, идеальный несуществующий мир, он если он делает меня лучше, чище и совершенней, то почему бы мне не создать этот мир на земле. Может быть, даже не я его создам, а те, которых я привлеку к своему движению в этот мир. Да, пусть это – выдумка, но эту выдумку стоит реализовать на практике.

– Как говорил Беранже: «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой», – рассмеялся отец Гонгэ.

Затем он посмотрел на часы и воскликнул:

– Уже так поздно! За беседой мы и не заметили, как прошло время. Ну а сейчас нужно всем спать, а то мы проспим утреннее бдение.

Перед выходом из храма отец Гонгэ задержал меня, сказав:

– Завтра ко мне приезжает супружеская пара Смитов из Америки. Сам американец уже был у меня два месяца тому назад, уговаривал поставить свою электронную ловушку у дерева. Но я отказал ему. Он – из НАСА и имеет какое-то влияние на своё правительство. Это хорошо, что вы у меня гостите, я думаю, что он попридержит свой пыл убеждения. И, может быть, вообще перестанет мне надоедать.

Мы поклонились настоятелю храма и отправились в свои кельи.

Так закончился мой первый день в храме «Шести углов».

День второй «Появление Синего Дракона»

Всем живущим на земле

Умереть придёт пора,

И когда такой конец,

Миг, что длится жизнь моя,

Веселиться жажду я!

Отото Табито (III-349) «Маньёсю»

Und die Erde war wüst und leer, und es war finster auf der Tiefe; und der Geist Gottes schwebte auf dem Wasser.

Утром, во время сна, я почувствовал какое-то движение рядом с моей лесной кельей. Открыв глаза, я выглянул наружу, подняв полог на двери, и увидел, как двое монахов направлялись в сторону храма на утреннее бдение. Были ещё сумерки, четыре или пять часов утра, я опять забрался с головой под фулон и уснул глубоким сном. Мне было необходимо выспаться в то утро, потому что меня ждало такое потрясение, каких в своей жизни я переживал не часто.

Я проснулся, когда солнце уже освещало лужайку перед тысячелетним деревом. Вокруг было тихо. Я вышел из кельи, чтобы прогуляться и размять ноги. Когда я начал делать зарядку, то увидел вдалеке на тропинке поднимающихся к нам из долины двух туристов: парня и девушку с рюкзаками. Я вспомнил, что вечером, перед расставаньем, отец Гонгэ предупредил меня о визите супружеской пары Смитов. Супруги поднялись на лужайку, и у меня бешено забилось сердце. Я видел её.

Да, это была она, моя Натали. Они оба поздоровались со мной по-английски. Я им ответил тем же приветствием. Натали сделала вид, что не знает меня, но я заметил, что, увидев меня, она побледнела. После приветствия Смит и Натали направились в сторону храма. Я остался один, потрясённый до глубины души. Мне нужно было побыть одному, чтобы привести свои чувства и мысли в нормальное состояние. Я был потрясён, подавлен и расстроен одновременно от нахлынувших на меня воспоминаний и ревности, от которой пересохло в горле и сдавило дыхание. Я углубился в лесную чащу. На ветвях деревьев висели огромные пауки, но я не обращал на них внимания. Найдя большой плоский камень на уклоне горы, я уселся и погрузился в раздумья.

Впервые я увидел Натали, когда ещё учился в инязе. Изучая японский и китайский на факультете восточных языков, я пытался сохранить свои знания немецкого и французского, которые изучал ещё в школе. Для этого по вечерам, после работы в библиотеке, я удалялся в одну из аудиторий и читал по часу или полтора немецкие и французские книги. Читал всегда вслух, руководствуясь системой немецкого учёного археолога Германа Шлимана, который полагал, что изучение иностранных языков эффективно лишь тогда, когда человек активно пользуется этим языком, произнося слова вслух, или говорит с воображаемым слушателем. На занятиях мне хватало речевых упражнений на японском, китайском и английском языках, но два языка моего детства и юношества оставались в пассиве, а я хорошо знал, как быстро забываются навыки устной речи, когда этим языком не пользуешься, поэтому ввёл правило в

своей повседневной жизни: посвящать им не менее часа. Эти языки мне нравились, особенно французский. Я считал их языками моей души, поэтому читал на них книги с наслаждением.

В один из таких вечеров, в двери аудитории раздался стук. Дверь открылась, и на пороге стояла с ведром воды и шваброй в руках она, моя Натали, первая и последняя в моей жизни девственница.

– Вы меня извините, – сказала она, – но вы здесь занимаетесь один. Не могли бы вы перейти в соседнюю аудиторию. Мне нужно здесь помыть полы.

Так я впервые увидел эту стройную, худенькую девушку, похожую на подростка, с большими карими глазами и очень симпатичными чертами лица. Она была чуть выше среднего роста и обладала такой очаровательной грацией, что на неё невозможно было не обратить внимание. В институте на занятиях я её не встречал.

Я вежливо извинился и перешёл в другую аудиторию. Через несколько вечеров она опять постучала мне в двери. Я собрался уже перейти в другую аудиторию, но она мне сказала:

– Какой красивый французский язык.

– Да, – сказал я, – он мне тоже очень нравится.

– А я в школе и сейчас в училище изучаю немецкий.

– Моя мама преподавала немецкий в школе, – сказал я, – но она умерла. Поэтому немецкий язык тоже мне дорог, как память о маме, поэтому я никогда его не забуду. Вот здесь читаю книги на немецком и французском языках.

– Как странно, – сказала она, – у меня тоже недавно умер отец, он был музыкантом.

– Я очень сожалею, – сочувственно произнёс я.

– А я учусь в хореографическом училище, и хочу стать балериной, – сказала она. – Мы с мамой живём недалеко от института, по вечерам я подрабатываю здесь в вашем учебном корпусе. Вот.

И она взглядом указало на ведро и швабру.

– А вы эти языки изучаете в институте? – спросила она.

– Нет – ответил я, – на занятиях я изучаю японский, китайский и английский.

– Зачем вам так много иностранных языков? – удивилась она.

– Как говорил Карл Маркс, каждый новый иностранный язык – это ещё одно оружие в жизненной борьбе, – пошутил я.

Но, кажется, она эту шутку не поняла. Поэтому я продолжил:

– Традиционно до революции русские всегда изучали два иностранных языка: немецкий и французский. Это – у нас в крови. Начинали всегда с немецкого, потому что он считался всегда самым трудным. Помните, как у Толстого в романе «Детство, отрочество, юность»? После немецкого уже не один язык не страшен, все другие языки легче его. По-немецки говорили все наши цари, так как брали в жёны немецких принцесс. В какой-то степени немецкий язык был, как бы вторым государственным официальным языком в Российской империи, тем более что со времён Петра Первого в науке и армии работало очень много немцев. При дворе наших царей часто слышалась немецкая речь. Вторым языком был всегда французский. На нём говорила вся аристократия и интеллигенция. Благодаря ему высшие сливки общества блистали остроумием, как говорил Гегель в «Философии духа», французы всех поражали своим стремлением нравиться и остроумием – *bel esprit*.

– И зачем это они делали? – улыбнувшись, спросила Натали.

– Наверное, чтобы нравиться женщинам, – ответил я ей и тоже улыбнулся.

– Но зачем столько языков? – опять повторила она вопрос.

– Потому что, изучая иностранный язык, мы познаём чужую культуру, как бы приобретаем ещё один ум, и на одну и ту же вещь можем смотреть уже многосторонне. Каждый иностранный язык обогащает нас, через него мы начинаем больше ценить свою культуру и бережнее относиться к своему родному языку. Русская передовая интеллигенция всегда относилась

серьёзно к изучению иностранных языков, потому что считала себя частью всеобщей мировой культуры, поэтому не замыкалась в себе, а находила возможности аналитически и многосторонне подходить к решению многих своих проблем. Благодаря такому образованию, девятнадцатый век стал золотым веком в развитии нашей культуры. Вспомните наших писателей, учёных, композиторов, философов.

– Да, – задумчиво произнесла Натали. – Вы, наверное, правы. Но учить иностранный язык так сложно. У меня по немецкому языку выше четвёрки никогда не было оценки.

– Это потому что вы изучаете только один язык, – заметил я. – Как только вы начнёте изучать второй язык, так вам сразу же станет легче. Потому что вы поймёте систему языка, и будете уже изучать язык в сравнении с другим языком. На первом этапе сравнивать иностранный язык со своим очень сложно. Потому что мы как бы находимся внутри своего языка, и не можем обособиться. Но когда вы изучаете два иностранных языка, то становится легче их сравнивать, потому что хорошо видится всё на расстоянии. А через эти два языка и на свой язык обратите более пристальное внимание. Станете уважать его. Тем более, нам можно гордиться нашим языком, потому что он один из самых развитых и совершенных языков в мире, благодаря нашей культуре и истории.

– Я хотела бы изучать ещё французский, – скромно заметила она.

– В чём же дело? – спросил я её. – Начните его изучать.

– Но как? – покачала головой Натали. – У него такое сложное произношение.

– Я вам помогу, – охотно согласился я.

Она посмотрела на меня удивлённо и спросила:

– А зачем вам это надо? Я не смогу платить за уроки.

– Разве всё дело в оплате?! – воскликнул я увлечённо. – Знания вообще должны приобретаться бесплатно. И для меня будет удовольствие заниматься с вами.

Она недоверчиво посмотрела мне в глаза.

– Потому что, – продолжил я, – я сам испытываю большое наслаждение, когда слышу этот язык или говорю на нём. И тем более мне будет приятно научить этому языку такую любознательную девушку, как вы.

От этих слов она покраснела.

– Но, – заметил я, – чтоб меня ни в чём не обвинили, и чтоб никто ничего не подумал о наших встречах, скажите мне, вы достигли уже совершеннолетия?

– Уже давно, – сказала она очень серьёзно.

– Когда? – уточнил я, глядя на её почти детски черты лица.

– Полгода назад, – ответила она.

Я улыбнулся.

С этого времени по вечерам мы стали вместе заниматься французским языком. Её успехи меня поражали. Она имела идеальный музыкальный слух. Буквально всё схватывала налету. Через несколько занятий я стал провожать её до дому. С каждой встречей она мне нравилась всё больше и больше. Возможно, что я уже влюбился в неё. Провожая её домой, я говорил с ней на разные темы, и она всё впитывала в себя, как губка. Кое-что она рассказывала мне сама, но очень сдержанно и, как мне казалось, смущённо. Её смущение мне очень нравилось. Возможно, она считала меня очень начитанным студентом, и прижимала свои знания и способности. Я её постоянно хвалил. У меня возникла мысль, что она влюбилась в меня, но она была настолько сдержанной, что я понять этого не мог, поэтому не переходил границы в наших отношениях. Однажды я её пригласил в театр на оперу, она с радостью приняла моё приглашение. Когда мы возвращались из театра на такси, сидя с ней на заднем сидении, я пожал её руку. Она её не отняла. Я её обнял за талию, она опять никак не среагировала. В тот вечер, провожая её, я впервые поцеловал её. И она это восприняла спокойно.

Через несколько вечеров я пригласил её на бутылку шампанского в один офис, где я по ночам подрабатывал сторожем. В здание никого не было, мы уселись в приёмном зале на кожаном диване возле журнального столика, где я поставил бутылку шампанского и вазу с фруктами. Не знаю, решил ли я соблазнить её сознательно, или всё происходило неосознанно, сейчас мне трудно это понять. Я чувствовал, что она девственница. До этого я не делал таких попыток.

Да, она мне нравилась. Но она казалась мне ещё такой юной, а я был намного её старше. Я учился, и женитьба не входила в мои ближайшие планы. Но один раз я увидел её разговаривающей с милиционером. Милиционер ей что-то весело говорил, а она смеялась. Помню, как меня в сердце кольнула ревность, а в голове пронеслась мысль: «Если не я, то это сделает другой». И этот случай повлиял на мою решимость.

Я налил ей в бокал вина и сказал:

– Я люблю тебя, и знаю, что ты меня любишь, но сейчас я не могу на тебе жениться, потому что учусь. Нам как-то нужно, во-первых, не допустить секс, воздержаться от половой близости. Во-вторых, не нужно, чтобы ты сейчас забеременела.

Мы выпили, я поцеловал её в губы. Она таяла в моих объятиях и отдавалась мне вся целиком. Я стал склонять её голову на валик дивана, она не сопротивлялась, я уложил её на диван и, обнимая, одной рукой сорвал с неё нижнюю одежду. Она инстинктивно хотела освободиться, но я не дал этого сделать, так как сам был очень возбуждён. Я прижал её к дивану и почувствовал нижнюю часть её голого тела. Бёдра и талия были хрупкими и изящными, своими изгибами напоминая скрипку. Я сознавал уже тогда, что держу в своих руках единственную драгоценность всей моей жизни. И я почувствовал, что если бы сейчас кто-нибудь захотел отнять её у меня, то я бы не пожалел своей жизни, чтобы её удержать. Я попытался войти в неё, но не смог этого сделать, она ещё не принимала меня. Я не выдержал напряжения и кончил. Когда я это делал, ногой толкнул журнальный столик, один бокал упал на пол и разбился. Обнимая её, я продолжал целовать её лицо, но возбуждение уже спало, я немного успокоился. Встав с дивана, я посмотрел на осколки разбитого бокала и подумал: «Уж не дурное ли это предзнаменование». Но я уже ничего не мог с собой поделать, если бы даже мне сказали, что после её соблазнения меня ждёт смерть, я бы всё равно был с ней, и умер бы самым счастливым человеком. Она была девственницей.

– Вот, видишь, этого не получилось, – сказала она, как бы облегчённо, – между нами ничего не было.

– Да, – сказал я, – уже поздно. Мне нужно отвезти тебя к маме и вернуться на работу.

Я собрал осколки разбитого бокала. Она встала с дивана и быстро оделась. Я прибрался и вызвал такси. Когда мы ехали по ночному городу, я, обнимая её, спросил:

– Можно к тебе приехать утром?

– Да, – ответила она, – мама уходит на работу в восемь часом.

Отвезя её домой, я вернулся на работу и лёг на тот самый диван, на котором она чуть было не стала женщиной. У меня даже в мыслях не было отступить и оставить её в покое. Утром я приехал к ней. Когда она впустила меня к себе, взгляд у неё был смущённый.

Мы прошли к ней в комнату. В маленькой комнате стояла узкая старая кровать, платяной шкаф, стол и два стула, скромная келья девственницы. Я стал её молча раздевать, она стояла передо мной, покорная как овечка. И это меня приводило в сильное возбуждение. Я раздел её и уложил на постели. Она смотрела на меня испуганно, но не произносила ни одного слова. Я сказал ей:

– Потерпи, сейчас тебе будет немного больно, но через это нужно пройти.

Я с силой вошёл в неё, она вскрикнула от боли. Но я уже находился в ней, она стала моей на всю жизнь.

Я так думал тогда, и, может быть, не ошибся. После этого я каждое утро приходил к ней, как только её мама уходила на работу. Это были самые счастливые часы в моей жизни. Мы любили друг друга. Я любил её не только как женщину, но как своего ребёнка, которого у меня никогда не было. Она же, потеряв отца, относилась ко мне с безропотным послушанием и какой-то благоговейной любовью, может быть, я, и в самом деле, заменял ей тогда её отца.

Иногда я её спрашивал, почему у неё не было до меня парней из её знакомых сверстников, она мне призналась, что с ними ей всегда было скучно. Я спросил, неужели у неё никогда не возникало ситуаций, когда её могли сделать женщиной. Она улыбнулась и сказала, что была одна такая ситуация, когда они однажды отправились с сокурсницами на выступление в другой город. Учитель, опекавший её, поместил её в купе с собой, и ночью попытался овладеть ею, но она так пихнула его ногами, что у того чуть не получилось сотрясение головы.

В том году она оканчивала училище, а я – предпоследний год своего обучения. Летом я домой не поехал, а провёл всё лето с ней, живя в общежитии. Мы вместе уезжали в лес, вдвоём устраивали пикники где-нибудь в укромном местечке, при этом я её раздевал донага, любясь её совершенной фигурой, длинными стройными ногами балерины и изумительной пластикой её движений. Она сидела голенькая на простыне, гармонично сливаясь своей красотой с красотой природы. Я, как художник, любовался ею и сравнивал её с божественной феей, ниспосланной мне с небес на землю. Она всегда меня смущалась, в силу своего строгого семейного воспитания, но безропотно исполняла все мои желания. И это меня очень возбуждало и толкало к таким изощрённым действиям, что я сам удивлялся себе. Она смущалась ещё оттого, что, как ей казалось, мало знала то, о чём я ей рассказывал. Но я говорил ей:

– Не стесняйся, что ты чего-то не знаешь, я тоже многого не знаю, и чем больше узнаю, тем больше чувствую, что меньше и меньше что-то знаю в этом мире. Но у меня последнее время возникло мнение, что и другие знают очень мало об этом мире и нашей действительности, как будто знания эти рассыпаны по всему миру, и каждый знает только небольшую их часть, а собрать все знания вместе мы не в состоянии.

В один из таких дней она мне сказала, что уже не хочет быть балериной, а собирается поступить в иняз, чтобы изучать французский язык.

Меня это несколько удивило, но я с готовностью предложил ей свою помощь в подготовке к экзамену. Осенью она поступила в институт и стала студенткой. Мы могли уже встречаться открыто, но с её матерью у меня произошёл неприятный разговор. Её мать была профессиональной балериной, и обвинила меня в том, что я своим влиянием закрыл ей дорогу к блестящей карьере. Поэтому я всегда избегал встреч с её матерью. Прошёл целый год нашей безоблачной любви, мы духовно, физически и психологически так подходили друг к другу, что я в минуты нашей близости ей говорил, что мы с ней всегда будем неразлучны, как кинжал и ножны. Она была верной мне во всём, и даже многое перенимала из моих привычек и увлечений, так самостоятельно, втайне от меня, начала учить японский язык. Как потом призналась, хотела удивить меня. Когда я узнал об этом, то опять предложил свою помощь, и мы некоторое время занимались вместе. Но японский язык ей давался трудно, она никак не могла привыкнуть к иероглифам.

Но вот наступил момент, когда меня решили отправить на двухгодичную стажировку за границу. Натали очень не хотела расставаться со мной. Перед самым моим отъездом мы даже из-за этого поссорились.

Я уехал в Японию, а она попала на практику переводчицей в Интурист. Я послал несколько писем на её домашний адрес, но ответа не получил. Когда же я вернулся через два года в институт, то узнал, что вскоре после моего отъезда она познакомилась в Интуристе с американцем и вышла за него замуж. Это потрясение было для меня как удар кинжалом в сердце. После этого я её не видел, прошло уже более семи лет, как она жила в Америке. И вот в это утро я увидел её с преуспевающим американским парнем, который официально являлся

её супругом. Я и раньше не мог представить, что она ещё с кем-то могла заниматься любовью, и кто-то мог обладать тем, что принадлежало только мне. Но вот жестокая реальность в то утро продемонстрировала мне весь ужас разрыва с моей единственной любовью в этом мире. Перед моим внутренним взором всплыл фрагмент нашего довольно жёсткого разговора перед расставанием с ней. Она мне сказала в расстроенных чувствах:

– Как ты можешь оставлять меня одну на два года?

– А что, ты не можешь два года прожить без секса?

– Нет, не могу, – сказала она.

– А сколько можешь?

– Два месяца.

– И как нам быть?

– Не знаю, тебе решать.

– Но твоя мама не хочет, чтоб я женился на тебе.

– При чём здесь моя мама?

– Ну как же? Она же твоя мать?

– Но я не собираюсь с ней жить вечно.

– Да, ты такая симпатичная девушка, можешь найти себе очень хорошего парня на это время, – я сказал ей это как бы в шутку, испытывая её, ожидая, что она на это ответит.

– Ты этого хочешь? – гневно спросила она меня.

Я промолчал, удивляясь сам своим словам. Как я мог ей сказать такое, да ещё перед нашим долгим расставанием? Я прикусил язык. В жизни иногда случаются моменты непонимания между очень близкими людьми. Если сразу же не объясниться в такие моменты, то они могут обернуться бедой. Иногда вылетят такие слова, и за них не расплатишься всей своей жизнью. Так и случилось со мной. Она резко повернулась и ушла. Оставалось несколько дней до моего отъезда, я пытался её найти, но безуспешно. Дважды, приходя к ней домой, я наткнулся на холодный взгляд её матери, её не оказывалось дома. Я уехал, так и не попрощавшись с ней. После этого я её потерял окончательно. И вот сейчас, возможно, что они с этим парнем лежат в одной постели и предаются любовному экстазу.

От этой мысли у меня потемнело в глазах.

Я встал и побрёл к своей хижине возле огромного дерева.

К моему удивлению я увидел на поляне Натали, которая прогуливалась одна, без своего мужа.

– Наконец-то, – сказала она, – ты появился. Я тебя уже около получаса жду. Мой муж лёг спать, мы вчера вечером прилетели в Токио и тут же поехали на западное побережье, так что не спали всю ночь. Муж лёг спать, а мне с тобой нужно поговорить. Пойдём куда-нибудь в укромное место.

В противоречивых чувствах я потащил её именно туда, где только что предавался отчаянию. Она несколько не изменилась, стала разве что женственнее. Когда мы оказались возле плоского камня на уклоне горы, я неожиданно для себя обнял её, и моя рука заскользила, как обычно, туда, где были открыты для меня всегда двери. Она не отстранилась, покорная всем моим желаниям, как и раньше. Я расстегнул её джинсы и уложил её на камень. Мы опять соединились после семилетней разлуки.

– Почему ты меня предала? – спросил я, после того как мы, насладившись страстным единением, лежали, обнимая друг друга, на прохладном камне.

– Ты ещё спрашиваешь меня, после того, что я пережила?! – воскликнула она гневно. – Это ты меня предал, уехал на два года в самое трудное для меня время. Ты знаешь, что я воспитываю твою дочь?

– Как? – воскликнул я ошарашенно, сев на камень. – Какую дочь? Почему я ничего о ней не знаю?

– Ты вообще-то и тогда ничего не хотел знать. Ты уже забыл, как предложил мне найти хорошего парня на это время?

– Но я же пошутил тогда, решил просто проверить, что ты мне ответишь.

– Вот и проверил, я тогда и воспользовалась твоим советом, так как сразу после твоего отъезда обнаружила, что беременна.

– Но как же так! – воскликнул я. – Тебе нужно было тут же дать знать мне.

– Как я могла дать тебе знать, когда не знала, куда тебе писать.

– Но я дважды посылал письма на ваш адрес. И думал, что ты на меня сердишься.

– Мама, наверное, уничтожала эти письма, ты бы должен был это сообщить, и попытаться меня разыскать другим путём.

– Я этого не знал.

– Ты никогда ничего не знал, что касалось меня, – обиженно сказала она. – Когда мы гуляли в лесах, ты никогда не брал завтраки и морил меня голодом.

– Но почему ты не говорила мне, что голодна.

– А ты не мог догадаться? Я тогда очень много стеснялась, не могла тебе сказать открыто всё, так как любила тебя очень, и терпела.

– А сейчас ты меня любишь?

– Я воспитываю твою дочь, что тебе не понятно? Если бы не любила тебя, то сделала бы аборт. Но и родить без мужа тогда я не могла. Это такой стыд. К тому же я воспитана была очень строго. Когда ты уехал, я узнала, что беременна. Мне жить тогда не хотелось. Я не знала, что делать. Матери я признаться не могла. Я тогда работала в Интуристе, ходила как помешанная, не могла ни на чём сосредоточиться. А тут подвернулся он, вероятно, я ему понравилась. Он знал французский язык, и попросил заведующую отделом перевода закрепить меня за ним как переводчицу на всё его пребывание. Мы ездили по стране, он постоянно за мной ухаживал, а однажды случилось так, что я выпила немного лишнего, а утром проснулась с ним в одной постели. После этого он сделал мне предложение.

– И ты согласилась?! – воскликнул я, едва сдерживая свои эмоции.

– А что мне оставалось делать? Ведь я не собиралась делать аборт. Он и не знает, что дочь не его.

– Как ты её назвала?

Машей.

– Мэри Смит, моя дочь, ни разу не видевшая своего отца, и даже не знающая, что где-то в России живёт её папа, – мрачно сказал я.

– Ей шесть лет, скоро будет семь. Она очень похожа на тебя, такие же плечи, нос, губы. Даже цвет волос её не мой. Она светленькая, как ты. Я учила её русскому языку, так что она довольно хорошо говорит по-английски и по-русски.

– И как ты спишь с этим Смитом?

– Я закрываю глаза и представляю тебя, и это помогает мне привыкать ко всему.

– Я убью его.

– Лучше убей меня. Он не виноват. Впрочем, семь лет назад ты уже убил меня.

– Ну как же так, – воскликнул я в отчаянье, хватаясь за голову. – Как так всё произошло? Как случилось, что я потерял тебя?

– Ты уехал, бросив меня. Если бы ты перед отъездом сделал мне предложение, ничего бы этого не случилось. Я бы дождалась тебя, если бы даже тебя не было десять лет.

– А как же наш разговор о сексе, когда я спросил у тебя, сколько времени ты можешь терпеть.

– Глупый ты, – сказала Натали, – был глупым, таким и остался. Я тебе это тогда и сказала, чтобы ты что-то предпринял. Если бы ты меня тогда любил, то нашёл бы выход.

– Но я люблю, всю жизнь любил, и сейчас люблю тебя ещё больше.

– И что?

– Оставайся со мной.

– Я тебя тоже очень люблю, но не могу потерять дочь, тем более, что она твоя. Сейчас всё это сложно. Я боюсь, что при разводе муж заберёт её себе, если даже узнает, что она не его дочь. Сделает это из принципа, как делают все американцы.

– Что же делать?

– Не знаю, раньше нужно было думать об этом.

– Я не хочу потерять тебя вторично.

– В нашем мире нет ничего безвозвратно потерянного. И ты не можешь меня потерять, потому что я люблю тебя. Ты был первым мужчиной в моей жизни, и останешься всегда моим единственным и любимым.

– Я бы убил твою мать за то, что она не дала нам соединиться.

– Причём здесь моя мать, тебе нужно только самого себя винить в том, то мы сейчас не вместе. Ладно, сейчас нам нужно думать, как дальше жить.

– Угроздило же тебя связаться с этим американцем. Кто он?

– Он здесь представляет НАСА. Довольно неплохой парень, умный, окончил Гарвардский университет. Работает на правительство, как говорят у них.

– Разведчик?

– Что-то в этом роде, но больше он – учёный. К России относится неплохо.

– Почему?

– Трудно назвать причину, может быть, из-за того, что я с ним.

От этих слов у меня опять перехватило горло.

– Когда я с ним познакомилась, ему было двадцать три года. Он немного младше тебя, и рано лишился родителей, они погибли в авиакатастрофе. Его воспитывал дядя, один из богатейших людей Америки. Я с ним несколько раз встречалась, довольно благородный человек. Я подозреваю, что его дядя из масонской ложи.

– Миша, я так его называю...

– Зови его лучше Майкл при мне, – нервно перебил я её.

– Хорошо. Майкл с детства тоже изучал языки. Когда он со мной встретился в Интуристе, то скрыл, что знает русский язык. Признался мне после того, как я вышла за него замуж. Дядя воспитывал его довольно строго, навязывая ему свои стандарты мышления, но Майкл рано проявил свою независимость мышления и часто спорил с дядей, что того бесило, но спорил так, что вещи, которые он предсказывал вскоре происходили на самом деле. Так что твой соперник очень умный и обладает аналитическим умом.

– А что он здесь делает?

– Я ещё до конца не понимаю всей сложности его работы, но он проводит исследовательскую работу в Японии, связанную с установкой электронных ловушек рядом с большими деревьями. Работа эта засекречена, многих вещей он даже мне не говорит.

– Не доверяет?

– Не знаю. Американцы на русский не похожи. Если что-то нельзя нарушать, то они, не при каких обстоятельствах, не нарушат. Это у нас в России часто мужья делятся с жёнами секретами, а потом удивляются, что секреты просачиваются на Запад. Но иногда он говорит мне такие вещи, которые, я думаю, должны храниться за семью печатями. И вообще, он имеет на многие вещи своё особое мнение, сравнивая Америку с Россией, высказывает очень интересные мысли о современном месте России в мире, такое не всем русским могут прийти в голову.

– К примеру?

– Как-то я была в гостях у его дяди, и он с ним заспорил об американо-российских отношениях, и высказал довольно оригинальные мысли. Так он говорил, что у Америки есть болезнь гигантомании и слабость к огромным масштабам. Что, якобы, многие американцы

верят в то, что Соединённые Штаты захватили весь мир и стали мировым гегемоном, но, на самом деле, самой великой страной в мире можно считать только Россию. Потому что, во-первых, она географически имеет огромную цельную территорию, в несколько раз превышающую территорию Штатов, а не отдельные базы, разбросанные по всему миру. Так что завоевать эту территории не удастся ни одному агрессору. В России настоящая суровая масштабность, истинное тысячелетнее владение землями с развитием на них своей культуры в очень продолжительный период. А это значит, что эта территория составляет единое целое со многими народами, живущими на ней, которые никогда не станут врагами России, так как Россия всегда проводила очень умную межнациональную политику. Во-вторых, межнациональный состав Росси таков, что определяющая нация всегда будет объединять вокруг себя все народы, а не дробить их, как это делается в Штатах. Могут быть временные конфликты, но общая тенденция добросердечия и сотрудничества всегда являлась основным принципом отношения русских к другим народам. И если лозунг американцев, как у римлян, разделяй и властвуй, то у русских – объединяйся и совместно процветай. Каждый народ в России имеет свои земли, объединённые с российской родиной. И родину старшего брата все будут защищать так же, как и свою землю. Сейчас, во времена перемен, эти земли временно отделились, но уже сейчас все опять объединяются в единый уникум под эгидой той же России. Так что России является самой могущественной страной в мире. И в-третьих, с политической точки зрения, Россия выигрывает на мировой арене как лидер, и отыгрывает у Штатов с каждым днём и годом всё больше и больше союзников, потому что Штаты, постоянно создавая очаги напряжения в мире, теряют все свои позиции и обречены на поражение. Закон диалектики. Сила, достигая своих пределов, переходит в свою противоположность – слабость. Американцы стараются любым способом добиться цели. Могут даже ради этой цели положить свою жену в постель противника, я говорю фигурально и имею в виду честь страны, её имидж и отношение к ней мирового сообщества, и часто приходят к обратному результату. Добившись цели, сами себя уничтожают в глазах всего мира. Так что рано или поздно Штаты сойдут с мировой арены, и её место займёт Россия с новой более гуманной внешней политикой. Так что сейчас противостояние Штатов с Россией – не в пользу Штатов. Вот такие вещи он говорил своему дяде.

– Довольно оригинальные.

– Но ты не обольщайся, хоть он и принадлежит к новой когорте людей и старается как-то реабилитировать Штаты в глазах иностранцев, но всё равно он всегда останется американцем, и при всех конфликтах будет защищать интересы Штатов. Есть очень хорошая английская поговорка, которая характеризует всю англосаксонскую нацию: «Если не можешь уничтожить противника, то задуши его в своих объятиях».

– А ты имеешь американский паспорт?

– Да, – ответила она, – но я имею также и российский. У меня двойное гражданство.

– И кем ты себя чувствуешь?

– Конечно же, русской, и всегда буду оставаться ею, защищая Россию. Гражданства могут меняться, а родина всегда остаётся Родиной.

– Значит, и я всегда остаюсь твоим единственным любимым мужчиной, раз я был у тебя первым? – спросил я без иронии, и даже с некой дрожью в голосе.

– Разумеется, – сказала она.

– Но как же ты после меня ляжешь опять к нему в постель?

– Я постараюсь в тот же день этого не делать. И вообще, не знаю, смогу ли я после этого иметь с ним какую-то близость.

Я обнял её и поцеловал в губы. Я понял, что вернул себе мою Натали.

Она посмотрела на часы и сказала:

– Нужно идти, а то нас потеряют, и заподозрят о нашей связи. Давай договоримся, пока я нашу дочь не перевезу в Россию, Майкл не должен знать, что мы любим друг друга.

– Хорошо, – я дал согласие.

Мы встали с камня и поодиночке вернулись к храму. Но прежде чем отправиться к отцу Гонгэ я её некоторое время побродил по лесу среди диких зарослей, приводя свои мысли в спокойное состояние.

Возле Храма на небольшой террасе был накрыт европейский стол, где сидело всё общество, пять человек, на стульях, чему я очень удивился. Раньше отец Гонгэ с монахами принимали пищу за маленькими столиками, сидя на дзабутонах – таких подушечках.

– Наконец-то, вы пришли, – радостно сказал отец Гонгэ, – извините, а то мы начали без вас.

– Это вы меня извините, – сказал я, – вот прогуливался с утра и забрёл в одну чащу, еле выбрался.

Я сел на стул рядом с американцем. Отец Гонгэ с Натали сидели по торцам стола, Мосэ и Хотокэ – напротив нас.

– Вы уже знакомы? – спросил меня отец Гонгэ.

Я пожал плечами.

– Мы видели господина Хризостома утром и поздоровались, – бойко вступил в разговор американец. – Поистине, как говорят у нас, где появится американец, там сразу же возникнет и русский.

– Но если вы не можете нас уничтожить или задушить, то хотя бы обнимите, – резко сказал я, не глядя в сторону американца.

Американец рассмеялся и сказал:

– Ценю вашу шутку. Извините, я не хотел вас обидеть, а сказал это потому, что нас везде преследует один ваш соотечественник по прозвищу Синий Дракон – легендарная личность. Он уже долгое время живёт в Японии, и обрел здесь такие способности, что любой даос бы ему позавидовал. Кстати, вы его знаете?

– Нет, – сухо ответил я.

– С такими способностями хорошо быть разведчиком. А вы, случайно, не разведчик.

– Нет, – ответил я резко, и тут же спросил его, – а вы?

– Ну, что вы! – воскликнул американец. – Я простой учёный, и стою далеко от политики. А вот Синий Дракон мог быть бы разведчиком. Он умеет переноситься на расстояние, внезапно появляется и внезапно исчезает. Как он умудрился такому здесь научиться, а главное – у кого. Я тоже очень часто бываю в Японии, и даже подолгу живу здесь, но мне так и не удалось обрести здесь какие-либо экстраординарные способности. Вообще-то, я всегда преклонялся перед русскими, перед их талантами и способностями. Никто не добивается такого, чего добиваются русские, может быть, в силу их особой удивительной духовности. Самую лучшую литературу и музыку миру дали русские, ну, я здесь не упоминаю французов и итальянцем. Но во Франции кто может сравниться с вашим писателем Львом Толстым, а в Италии – с Чайковским? Всё время я бьюсь над тем, чтобы разгадать секрет феномена русских, и мне это не удаётся. Я слышал сегодня от отца Гонгэ, что вы тоже знаете много иностранных языков, как и я, но вот чтоб по шелесту листьев научиться узнавать будущее – это для меня недостижимо и непостижимо. Вы тоже являетесь феноменом непостижимости русских. Читаете Библию на немецком языке.

– Моя мать была немкой, а эта её библия осталась мне после её смерти. Я с ней нигде не расстаюсь.

– Извините меня великодушно. Я не знал. А вы считаете себя русским или немцем.

– Мой прадед был русским дворянином, а значит, дед и отец тоже. Кем же я могу себя считать?

– Понимаю, – улыбнувшись, сказал американец, – значит, тягу к иностранным языкам вы приобрели от своего дворянства. Я очень сожалею, что в Штатах никогда не было дворян, графов, князей. В этом мы, американцы, перед вами, русскими, выглядим как недоростки,

или, точнее, как нация, неизвестно откуда взявшаяся со своей куцей историей и искусственно созданными своими социальными устройствами. Я завидую вашей стране, и иногда жалею, что не родился русским. Я знаю, что вы создали совершенную церковь. Православие всегда стояло особняком от всех религий, а благодаря России, оно стало мировой религией. Религией будущего. Да-да, я в это искренне верю. И человечество никогда не сможет обойтись без Православия. Религия, вообще, необходима человеку, но религия разумная и совершенная. Ведь всё живое должно создавать свою матрицу, чтобы упорядочить хаос вокруг себя и создать некую оболочку для развития. Это должна быть, прежде всего, духовная оболочка, потому что именно дух формирует материю. Если дух не присутствует, то наступает разложение и загнивание. Религия, как проявление духа, не должна вмешиваться в политику, она должна стоять над человеком и над государством. И цель её – не направлять человека куда-то, а поправлять его, иными словами держать его в соответствующих рамках его развития. С этим лучше всего справлялось Православие, которое всегда являлось самой естественной религией. Её основные задачи и установления – соблюдения рамок, за которые человек не имеет права заходить, если не желает самоуничтожения. Католицизм всегда вёл религиозные войны, навязывал всем народам своё управление в мире, а сам внутри себя постепенно разлагался. Протестантизм в любых своих проявлениях старался разрушать установленные рамки, что, в конечном итоге, проводило к бездумной либерализации и достигло, в конечном итоге, своей кульминации в однополых браках, как результат попустительства и отхода от религиозных норм. И только одно Православие достойно держалось в продолжение всей двухтысячелетней истории, и приносило народам спокойствие и любовь. Ислам всегда прибегал к фанатизму и ни в грош не ставил человеческую жизнь, отличаясь крайней нетерпимостью к другим религиям. Я думаю, что, в конечном итоге, ислам приведёт всех мусульман к уничтожению другими народами, что уже и началось.

– Вы имеете в виду Штаты, – заметил я, – которые сейчас ведут свои основные военные действия в мусульманских странах?

Американец улыбнулся и сказал:

– Не будем говорить об этом. Поговорим лучше о терпимости, но не той, которая не признаёт никаких рамок, а той, которая способствует взаимопониманию. Вот вы изучаете иностранные языки, и как я понял, очень хорошо ими владеете. Что вы чувствуете, когда говорите на чужом языке?

– Я ничего не чувствую, – признался я, – когда я говорю на языке, я даже об этом не думаю, я всегда слежу за своей мыслью, и стараюсь яснее донести её до слушателя.

– Вот именно, – обрадованно воскликнул американец, – со мной происходит то же самое. Слова и выражения не важны, важны мысли человека. Это нас всех объединяет. Но когда мы говорим на иностранном языке, мы как бы становимся сами носителем этого языка с его внутренней системой мышления. Мы преобразуемся и становимся гражданами этой нации. Когда вы говорите по-немецки, вы становитесь немцем, когда говорите по-французски, становитесь французом, по-английски – англичанином или американцем, а когда я говорю по-русски, то становлюсь русским, тем более у меня жена – русская, а значит, я – вдвойне русский, и, может быть, даже больше, чем американец.

Впервые, сидя за столом, я посмотрел в сторону Натали. Она побледнела. Мне хотелось схватить нож со стола и вонзить его в сердце этого нахального Майкла. Я даже представить не мог в своём воображении, как они лежат в одной постели, и он обладает ею.

– Поэтому, – продолжал он, – во всех нас заложены инструменты трансформации, когда мы понимаем суть чего-то, то сами становимся этой сутью. Все мы можем проникнуть в запретное, я это понял здесь на Востоке, всё зависит только от нашего умения концентрироваться. Ведь всё живое обладает своей системой и своими рамками, в которых и функционирует эта система. Если мы научимся взламывать эти рамки, то сможем проникнуть в эту

систему и обретем такие свойства, которые присущи этому живому и одухотворённому предмету, или вещи. Мы можем стать пчелой, муравьём, камней, птицей или деревом. Похоже, что вы уже взломали эти рамки и проникли в сознание и сущность дерева?

Вопрос предназначался мне. Я покачал головой и ответил:

– Не знаю, какие рамки я взломал, и в какую сущность я проник.

При этом я посмотрел на Натали, которая слегка покраснела.

– Я понимаю, – сказал американец, – многое мы не осознаём, особенно, когда проходим через что-то непонятное. Но если нам удаётся одолеть какой-то предел и приобрести какое-то удивительное свойство, то глупо им не воспользоваться и не поставить это приобретённое на службу человечеству. Я предлагаю вам войти в нашу исследовательскую группу и помочь нам в разгадке некоторых тайн природы, а, может быть, и не самой природы, а неких сущностей, с которыми мы хотим установить отношения. Такой специалист, как вы, нам бы очень помог в нашей работе.

– И что же это за работа? – спросил я с интересом у американца.

– Это – секретная информация, но если вы согласитесь с нами сотрудничать, то я вам расскажу всё, что происходит последнее время в мире, и чем очень озадачено моё агентство НАСА. Практически я уже добился у отца Гонгэ согласия на сотрудничество с нами, и уговорил его монахов Мосэ и Хотокэ, которые тоже обладают способностями медиумов-проводников, судя по их рассказам, войти в нашу группу. Дело осталось за вами.

– Но позвольте, – возразил отец Гонгэ, – я не давал вам согласия на установку ваших электронных ловушек возле моего дерева, также, как не даю согласия на участие моих подопечных в вашем эксперименте.

– Но этого пока и не нужно, – сказал американец, – важно, чтобы вы согласились отпустить ваших подопечных с нами.

В это время я смотрел на Натали, которая слегка кивнула мне головой.

– Тем более, – продолжал американец, – вы согласились стать сами нашим консультантом, как изучающий птичий язык. Для нас это может стать очень важным оружием, когда начнут развиваться события.

– Ну, сказать, что я владею птичьим языком, было вы неправильно, – скромно заметил отец Гонгэ, – просто долгое время я наблюдал за жизнью птичек, и особенно занимался своими попугайчиками Чарли и Риччи. Некоторые наблюдения за ними дали мне основание полагать, что птицы несколько не глупее нас, а, может быть, и умнее. Я думаю, что все люди любят этих пернатых существ, потому что они напоминают нам об ангелах, спускающихся с неба. Святой Франциск тоже очень любил птиц, кормил их с рук и общался с ними. Он понимал их язык. А я так до конца и не освоил птичий язык. Смерть прервала жизнь Рички. М-да, смерть – жестокая вещь. Она неминуема и приходит, когда мы её меньше всего ждём. А мы столько времени теряем попусту, растрчивая свою жизнь на всякую ерунду. А когда спохватываемся, то становится поздно. Что поделаешь, физическим бессмертием мы, простые смертные, увы, не обладаем. Это мы должны себе чётко уяснить, и никогда не забывать. Момент мори! – как говорили древние римляне. И мы должны это помнить, и в каждую минуту нашей жизни сознавать, что сами творим свою судьбу. Я вот смотрю на своих учеников, и постоянно думаю об их земном существовании. Ведь оно может быть коротким, если они не будут беречься, а начнут ввязываться во всякие авантюры, желая оставить о себе яркую память не только в моём сердце, но и в истории человечества.

Он с некоторой иронией и упрёком посмотрел в их сторону и продолжил:

– Они так желают спасти мир, что не думают о том, что могут быстро уйти в вечность, вместо их обычных углублённых занятий, чтений и раздумий. Им ещё так много нужно прочитать книг в моей библиотеке, а то последнее время занимаются совсем бессистемно, читают всё, что попадается им под руку. Не знаю, как я буду без них служить богине Каннон и бод-

хисатве Дзидзо. Открыто заявляю, что я недоволен тем, что они решили ехать с вами. Если я им надоел, то пусть они живут в своей хижине особняком от меня. Я не буду им мешать, также как и они мне. Только по утрам мы будем вместе в храме предаваться дзэнской практике созерцания «дзадзэн» (самадхи), сидя в зале мудрости в позе лотоса.

Монахи, слушая излияния старика, едва сдерживали улыбку. В конце концов, Хотокэ не выдержал и сказал настоятелю:

– Мы же поедem всего на две недели. Как только исследования закончатся, мы сразу же вернёмся.

– Этой ночью во сне мне явились мои попугайчики и предупредили меня, что с вами может произойти несчастье. И что лучше вам никуда не ездить, а оставаться здесь.

– А ещё что сказали вам попугайчики? – спросил его американец с улыбкой.

– Они сказали, что вся эта ваша затея с вашими ловушками закончится катастрофой.

Американец, не выдержав расхохотался.

– Но мы хотели бы через этот эксперимент найти истинные начала, – вставил своё слово Мосэ.

– Если вы хотите найти истинный начала, то почитайте свитки второй половины семнадцатого века «Когансёдзэ» – «Предисловие к запискам наглеца» священника Кэйтю. Он там пишет: «Если стремиться найти истинные начала, то они существуют только в поэзии Ямато».

– Вот и прекрасно, – сказал американец, – ваши монахи не только найдут истинные начала в этих свитках, но и извлекут их из нашего эксперимента.

– Я ещё не дал своего согласия, – твёрдо заявил отец Гонгэ.

– А когда вы его дадите? – настаивал американец.

– Пока не знаю, – ответил тот.

Наступила неловкая тишина. Американец повернулся ко мне и спросил:

– Ну а вы как же? Решили участвовать в нашем эксперименте, или вам нужно посоветоваться с вашим правительством?

– Не с кем мне советоваться не надо, – сказал я сухо. – Я сам по себе.

– И что вы решили?

– Я согласен.

– Вот и прекрасно! – воскликнул американец. – Раз дело складывается таким образом, то давайте поступим так. Мне нужно срочно выехать в Токио и уладить там кое-какие дела. Если вы, отец Гонгэ, не возражаете, то моя жена поживёт у вас несколько дней и поработает в вашей библиотеке, найдет материалы, касающиеся вашего храма и этого дерева. И если вы разрешите своим подопечным участвовать в эксперименте, то моя жена с ними и русским выедут туда, куда я сообщу телеграммой. Деньги на их поездку я перешлю. Вы согласны?

– Да, конечно, – ответил отец Гонгэ, – пусть ваша супруга живет здесь, сколько нужно, и пользуется библиотекой.

– Вот и прекрасно, – воскликнул американец и посмотрел на часы, – а я, наверное, успею на поезд до Ниигаты, а там пересяду на самолёт до Токио.

У меня приятно засосало под ложечкой от предвкушения того, что несколько дней мы сможем находиться с Натали вместе, и нам никто не будет мешать.

Американец встал из-за стола, Натали тоже встала. Встали и мы.

– Пойдём, поможешь мне собраться, – сказал он Натали, и они, поблагодарив настоятеля за угощение, спустились с веранды.

Монахи принялись убирать посуду со стола, а мы с отцов Гонгэ вошли в храм.

– Зачем вы сказали американцу, что я услышал предсказание в листе вашего дерева, и что я владею языками? – спросил я его с недовольным видом.

– Вы уж простите, – стал извиняться он, – но эти американцы ведут себя у нас, как дома. Я думал, что, сказав это ему, и указав на вашу заинтересованность деревом, я остужу его пыл,

но ничего не вышло. Он даже вас уговорил работать с ним. Сейчас он будет жать на меня со всех сторон, чтобы я дал разрешение установить здесь их чёртову ловушку. Всё это мне очень не нравится. Да ещё моих монахов соблазнил перспективой проехать по стране. На них я очень зол, не ожидал, что они так легко согласятся.

Я видел, что отец Гонгэ несколько рассеян и находится в расстроенных чувствах, и пытался его как-то успокоить, но это не помогло, и я, оставив его в покое, вышел из храма и тут же встретил американца с рюкзаком, направляющегося к тропинке, ведущей в долину.

– Как замечательно, что я вас встретил, – сказал он. – Вы хорошо знаете эту местность? Если вы меня немного проводите, то не заблудитесь, возвращаясь?

– Нет, – ответил я, – а разве вы не хотите со всеми проститься?

– Времени нет. Да и здесь остаётся моя жена, как бы официального расставания ещё нет, к тому же, нам могут помешать говорить, если пойдут меня провожать.

Мы стали спускаться по узкой тропинке в долину. Он шёл впереди и разговаривал со мной через плечо, успевая смотреть под ноги.

– Раз вы согласились со мной сотрудничать, то я могу открыть вам некоторые секреты. Я не беру с вас подписку о разглашении тайн, потому что вы не являетесь гражданином моей страны, но настоятельно прошу вас не делиться ни с кем информацией, которую я вам расскажу. Я допускаю, что вы работаете здесь на своё правительство, поэтому вы должны являться профессионалом, а значит, знаете, как беречь тайну. Возможно, что в скором времени нам придётся сотрудничать с вашим правительством по этим вопросам, так как ситуация выходит из-под контроля. Дело в том, что НАСА через эти ловушки решило установить контакт с тонкими сущностями, проникающими последнее время в наш мир. Проникновение идёт настолько интенсивно, что впору его назвать вторжением, а всем нам объединяться, чтобы противостоять этому проникновению. Думаю, что вы здесь исполняете ту же миссию, что и я. Можете мне ничего не говорить.

– Так в чём суть проблемы? – спросил я озадаченно.

– Дело началось с того, что я как-то познакомился с одним членом императорского фотографического общества господином Ягисита Хироси, который фотографировал по стране самые старые в Японии деревья. А затем издал альбом с их иллюстрациями. Он фотографировал их в разное время суток и в разных режимах выдержки, и обратил внимание на то, что у него при съёмках стало получаться много брака, и объяснить этого он никак не мог.

Сняв со спины рюкзак, он вынул из него небольшой фотоальбом и показал мне. Мы спустились по довольно крутому уклону, и я успел прочитать только первую страничку предисловия к снимкам фотографа. Там значилось:

«Наша родина Япония облагодетельствована природой, которая одарила её обильным зелёным покровом и богатством смены четырёх времён года. По сравнению с Европой, где преобладает культура строительства из камня, мы воспитаны на культуре дерева и не стараемся покорять природу, сознавая её покровительство и благодеяние, и, можно сказать, умело с ней сосуществуем. Сейчас, когда раздаются крики, что на земном шаре наступает кризис уничтожения лесов, хотелось бы, чтобы в нашей жизни больше придавали значения гармонии с природой и пересмотрели свои взгляды по отношению к ценности лесов...»

– И что дальше? – спросил я его, небрежно пролистав альбом и возвратив его американцу.

– На многих фотографиях, особенно старых деревьев, он обнаружил некие разводы различных цветов, свечения, а также выбросы туманной субстанции от стволов и кроны деревьев. Как будто какая-то энергия исходила от них. Так как он служил в министерстве лесного, водного и земельного хозяйства, то он показал эти снимки учёным, а те заинтересовались этим феноменом и привлекли нас. Мы тут же ухватились за это непонятное природное проявление неизвестной нам энергии и установили электронное оборудование возле этих деревьев, которое начало фиксировать разные воздействия на приборы. Не буду вдаваться в технические

детали, скажу лишь, что деревья источали из себя не только неизвестную нам энергию, но и выпускали некие бестелесные сущности, состоящие из сгустков энергии и тонкой материи. До сих пор мы не находим объяснения этому феномену. Некоторые сущности пытаются войти с нами в контакт, но мы не понимаем их системы коммуникации, иными словами, их языка и способа общения. Поэтому для нас будут очень важны ваши знания и умение. Дело в том, что дерево – это корень жизни и начало всего живого. Здесь, на Востоке, существует особое отношение к миру в силу специфики их отличающегося от западного мышления и неких собственных философских установок. Как вы знаете, в их философии существует пять элементов: огонь, вода, дерево, металл и воздух. Так вот, огонь, вода, воздух и металл создают жизнь в форме дерева, растительности, флоры; а флора порождает фауну – всё движущееся живое. Флора – это то, что имеет корни и место своего постоянного обитания. Дерево – это царь растительности, также как человек – царь фауны. Вот такая выстраивается цепочка и иерархия на земле. Дерево и человек связаны тесными узами меж собой, но каждый имеет свои природные особенности. На земле они являются венцом развития природы. Человек развивается в движении, а дерево – в покое. Так что каждый из двух этих венцов занимает два противоположных состояния. И каждый, извлекая из этих состояний свои преимущества, достигает превосходства над своей противоположностью. Как мы знаем, всё живое развивается благодаря своей памяти, а накопление памяти дерева и человека разнятся. Память в живом организме является своего рода хранилищем информации, где полученная информация постоянно анализируется и создаёт предпосылки для дальнейшего развития. За память у человека отвечает мозг с его извилинами, а у дерева – ствол с его кольцами. Чем больше извилин, тем больше объём памяти, чем больше колец, тем объёмнее информация. Человек за свою короткую жизнь, не успевает проанализировать всю информацию, собранную им в себе, у дерева же срок жизни намного дольше, и информация за этот период анализируется так тщательно, что создаётся своеобразный уникум времени, где прошлое, настоящее и будущее сливаются в едином продолжении. Поэтому деревья способны предсказывать будущее и вещать о прошлом, ибо передача памяти у них существует такая же, как и у человека. Кольца дерева хранят память не только столетий и тысячелетий, но и связаны с будущим ростом, и знают о будущем больше человека. Все комбинации воды, огня, воздуха и металла соединены в памяти дерева. Может ли дерево говорить? Естественно человеческим языком оно говорить не может, но, я думаю, оно способно силой своей энергии и внушения передавать свои мысли другим живым существам. Шелест листьев говорит вам что-то? Вот это и есть язык дерева.

Майкл остановился на небольшой полянке и посмотрел на струящийся между камней ручеёк.

– Мы многого ещё не знаем о природе, – глубокомысленно заявил он, – мы не в состоянии понять, как дерево устанавливает контакт с источниками всякого движения, как оно получает энергию, только ли от солнца, и как эту энергию трансформирует и передаёт дальше. Дерево может черпать информацию из воды, огня, металла, воздуха, в конце концов, даже от живых существ. Деревья сами по себе являются антеннами между землёй и небом. Кстати, я рассматриваю металл как минерал, землю – как лаву, а воздух – как эфир или космос. Мы, занимаясь наукой в Штатах и России, я считаю, упускаем главное – общее виденье мира, выстраивая наше научное восприятие мира из частичек, как бы собирая мозаику общего, и поэтому все наши знания дробные, осколочные и частичные, избыточные ненужными мелкими деталями, которые застилают от нас целое – общую картину мироздания. Наука давно уже потеряла монументальность, если вообще когда-то её имела. В науке много посредственностей. Каждый учёный занимается какой-нибудь маленькой проблемкой, разрабатывает свою общину, как говорят ещё в научных кругах у нас. Из-за узкой специализации мы теряем общее виденье проблем. Но сейчас я хочу сказать о другом. У нас мало времени. Главное для нас всех сейчас – это понять, что за сущности проникают в наш мир? Как они могут влиять на нас?

И какие изменения произойдут в будущем. Для этого мы все на земле должны объединиться перед вторжением в наш мир чего-то чуждого.

– Что вы имеете в виду.

– Это уже совсем секретная информация, о которой я не должен вам говорить, но скажу, потому что, сотрудничая с нами, вы должны знать всё. У нашего правительства состоялся контакт с чужаками, я не могу подобрать другого слова, потому что их нельзя назвать инопланетянами, ибо они уже давно присутствуют на нашей планете, скрываясь от нас под водой и под землёй. Очень скоро к земле прибудет их огромное представительство, что это будет, корабль, планета или сгусток космической энергии, мы не знаем. Возможно, что выброс этой энергии уже идёт от этих деревьев, которая начинает влиять на нашу жизнь. Я думаю, что и ваше правительство находится в курсе этих последних событий. Поэтому мы все должны объединить наши усилия и забыть о наших мелких разногласиях.

– Но почему такая секретность? Почему кроме нас об этом никто ничего не знает?

– Но вы же не хотите, чтобы раньше времени в мире возник коллапс. Тем более вы, представитель духовенства, тогда все наши базисные и настроенные установки полетят к чёрту. Ведь религия создаёт рамки внутри космического хаоса, обустроивая духовную территорию для комфортного существования. Это же философия стремится разрушить все рамки, что, кстати, и успешно делает. Этим религия и философия отличаются друг от друга, и они всегда будут идти вместе, рука об руку, дополняя друг друга. Человек хочет быть в безопасности в своей комнате, но страстно желает выглянуть в окно, чтобы узнать, что же творится в мире, но ему обязательно нужна твердь, на которой он мог бы стоять. Знаете, как у Германа Гессе:

Ведь если мы допустим на минуту,

Что за поверхностью зияют бездны,

Возможно ль будет доверять уюту,

И будут ли укрытья нам полезны.

Будь кроме двух, знакомых нам извечно,

Какие-то другие измеренья,

Никто, твердят, не смог бы жить беспечно,

Никто б не смог дышать без опасенья.

Майкл, процитировав стихи поэта, опять посмотрел на часы и сказал:

– Извините, мне надо торопиться, а то я опоздаю.

Он по-японски поклонился мне и добавил:

– Не обижайте мою жену и присмотрите за ней. Впрочем, она женщина очень самостоятельная и может за себя постоять.

Он повернулся, и, ускорив шаг, стал спускаться по склону горы, а мне захотелось дать ему такого пинка, чтобы он кубарем катился до самой долины.

Я поднимался по тропинке к храму и думал только о встрече с Натали, в эту минуту меня мало интересовал весь мир с его проблемами. Несмотря на жуткую ревность, я в какой-то степени был ужасно счастлив от предвкушения встречи с моей возлюбленной.

Я нашёл её в библиотеке отца Гонгэ. Она, развернув пожелтевший от времени свиток, читала на старо-японском языке записи настоятелей этого храма, сборник с названием «Рок-какурон» – «Учение шести углов». Накануне я тоже обратил на него внимание, но времени просмотреть его так и не нашёл.

– Ну что, проводил моего мужа? – спросила она с улыбкой, повернувшись ко мне. – Он мне поручил, чтоб я к тебе пригляделась.

– Я мне он сказал, чтоб я о тебе позаботился.

– Но так в чём же дело? Идём, будешь заботиться обо мне, – рассмеялась она, вставая.

Мы вместе отправились к нашему заветному камню на уклоне горы, где провели время в объятиях друг друга до самого вечера. Тем временем в храме развивались события следующим образом:

С отъездом Майкла жизнь в храме приняла свой обычный размеренный ход. Время текло медленно и лениво. Монахи так же лежали во дворе храма, прячась от жары в тени дерева и борясь с послеобеденной дремой, и опять вели неторопливый разговор, который обычно заканчивался храпом обоих монахов.

Мосэ, лежащий на веранде хижины, смахнул рукавом выступающий на лбу пот и спросил брата Хотокэ:

– Что ты думаешь об «Учении шести углов»?

Тот, лежащий прямо на траве в тени дерева, потягиваясь и зевая, ответил:

– М-да, много загадок у истории, ответы на которые канули в Лету вместе с ушедшими поколениями. Во втором году правления императора Тэммэй (в 1782 году по европейскому летоисчислению), когда по всей стране проходил погром чертей, храм Роккакудзи был сожжен, потому, как писалось в летописи, что его настоятель оказался чёртом. Он был одним из подручных главного бессмертного Чёрта, обитавшего тогда на горе Ояма в префектуре Тоттори. Все документы, касающиеся «Учения шести углов» сгорели, но последующие настоятели по памяти вроде бы восстановили его, правда, я очень сомневаюсь, что вспомнили они всё, что было в нём изложено ранее. Ты же читал этот свиток у отца Гонгэ, но мне кажется, что он знает больше, чем там изложено. Может быть, где-то он хранит копию той старой рукописи, и никому её не показывает.

– Зачем это ему?

– Мало ли что в ней изложено, не всегда некоторые тайны полезны и пригодны для раскрытия.

– Я слышал, что сожжение храма Роккакудзи принесло Японии несчастья, – заметил Мосэ, – в ноябре следующего года после пожара произошло большое наводнение на реке храма Великая Святость (Дайсейдзи-гава), а ещё через год случился большой неурожай, и умерло много крестьян от голодной смерти.

– Припоминаю, читал об этом в летописи, – заметил Хотокэ, – это именно то время, когда начался разброд в нашей святой вере. На следующий год после смерти императора Тэммэй произошёл раскол между Старыми и Новыми храмами секты Истинного учения Синсю. Раньше наши предки ссылались на то, что все несчастья происходили от чертей, но когда все черти были выгнаны из страны, то несчастья не прекратились. Может быть, причина всего того была не в чертях, а в наших предках?

Мосэ ничего ему не ответил.

Хотокэ, согнав с руки проворного паучка, продолжил:

– Чаще всего так оно и бывает. К тому же до сих пор неизвестно, кем были эти черти. До начала эпохи Мэйдзи японцы всех европейцев считали чертями с длинными носами. Матери пугали своих маленьких детей: «Вот будешь плакать, придёт чёрт и утащит тебя за море в своём огромном кармане».

– Почему в кармане? – удивился Мосэ.

– Так ведь до иностранцев у нас не было карманов, это они придумали карманы, пуговицы, носовые платки и много всякой другой ерунды, которой мы сейчас пользуемся повседневно.

Мосэ рассмеялся.

– В твоих рассуждениях есть здравый смысл, но всё же кое-что здесь не сходится. С приходом к власти сёгуната Токугава началась эпоха закрытых дверей для всех иностранцев. Откуда иностранцы могли взяться в нашей стране, если никто из них не смог бы проникнуть вглубь страны даже на один километр?

– Но ты забываешь, что этот народ мог появиться намного раньше прихода португальцев, испанцев и голландцев.

– И кем же были эти иностранцы?

– Евреями.

Мосэ почесал затылок и улыбнулся.

– Ты хочешь сказать, что Япония во второй год правления императора Тэммэй изгнала из Японии евреев?

– Вот именно.

– Говоришь ерунду.

– И совсем даже нет. Обратимся к истории. В пятнадцатом веке испанцы освободили страну от мавров и изгнали евреев. Куда они могли деться?

– Переселились в Японию? – спросил с иронией Мосэ и улыбнулся.

– Евреи уже жили здесь с незапамятных времён, – ответил Хотокэ. – Есть такое предание, что двенадцатое колено израилюво исчезло где-то на Востоке, и его никто не мог отыскать.

– И когда это произошло?

– Никто этого не знает. Так что евреев часто изгоняли из своих стран те, которые опасались конкуренции с ними. Поэтому евреи всегда старались быть незаметными, приспособливались к культуре того или иного народа, и, сохраняя свою культуру и сущность, становились как бы невидимыми. Ты же знаешь, китайскую пословицу, если хочешь спрятать вещь, то спрячь её в самой себе. Возможно, что они постигли секрет становления невидимыми. Кстати, именно таким секретом и обладали те черти.

– Ты хочешь сказать, что их изгоняли отовсюду до тех пор, пока они не превратились в невидимых чертей?

– Вот именно. А, может быть, на наши острова они вообще проникли в виде невидимок.

– Каким же образом?

– Первое столкновение с ними описано ещё в сказке о Момотаро. Помнишь, как Момотаро нанял за кусок лепёшки Обезьяну, Фазана и Собаку, и вместе они вторглись на остров главного Чёрта, разгромив всё его войско. Тому пришлось, спасая свою жизнь, откупаться подарками.

– Но это же сказка.

– В любой сказке есть доля истины. Но вот только истину нам никогда не узнать.

– Почему же? – удивился Мосэ, повернувшись на бок. – Если задаться такой целью, то всё можно разузнать.

– И как ты собираешься сделать это? – спросил Хотокэ и, разинув челюсти, зевнул.

– Отправлюсь на поиски правды, как это делают бродячие монахи, пытающиеся обрести истину.

– Тогда не забудь захватить с собой обезьяну, собаку и фазана, о которых говорится в сказке, иначе тебе не осилить чертей.

– Вчера я видел Ангела смерти, который предрёк через сорок дней конец света, – молвил Мосэ.

– Конец света – это печально, как сказано в трактате «Удзисюи». Последний раз Конец света ожидался в 1052 году, но он так и не наступил, – молвил Хотокэ и через минуту его храп уже заглушал стрекот сверчков.

Некоторое время Мосэ смотрел на своего спящего товарища, а затем перевёл взгляд на ствол дерева, испещрённый мелкими трещинками, и думал о своём незавидном положении в обществе.

Ещё в те времена, когда жил Кэнко Хоси, в своих «Записках от скуки» он писал, что никого нет незавиднее монаха. Оттого что бонзы галдят во всю мочь, внушительными они не выглядят. А поэтесса Сэй-сёнагон вообще была о монахах невысокого мнения. Она заявляла, что в глазах людей монах подобен чурбану. С одной стороны, монах должен был отказываться от всех соблазнов мирской жизни и быть примером духовной чистоты для всех мирян, но с другой стороны, он тоже был живым человеком, и в глубине души ничто человеческое не было ему чуждо. Даже мудрец Дога замечал, что жажда мирской славы не соответствует учению Будды, но и у праведного отшельника есть, какое-то заветное желание. У Мосэ тоже было своё заветное желание. Единственное, что его беспокоило после сообщения Ангела смерти, – успеет ли он реализовать его в жизни. Его совсем не беспокоила мысль, что вскоре он должен умереть. Нет, о своей жизни он не печалился, но вот смерть других живых существ его беспокоила.

Уж если миру отпущено всего сорок дней, подумал он, то стоит ли печалиться о своей безвременной кончине. Древние полагали, что, если бы наша жизнь продолжалась без конца, ни в чём не было бы очарования. В мире замечательно только непостоянство. Как говорил Кэнко Хоси, «посмотришь на живущих – нет никого долговечнее человека. Есть существа вроде подёнки, что умирают, не дождавшись вечера, и вроде летней цикады, что не ведаёт ни весны, ни осени. Достаточно долог и год, если его прожить спокойно. А если жалеешь, что не насытился жизнью, то и тысячу лет прожив, будешь испытывать чувство, будто это был сон одной ночи. Что станешь делать в мире бесконечной жизни, дождавшись, когда облик твой станет безобразным. «Если жизнь длинна, много примешь стыда». Поэтому лучше всего умереть, не дожив до сорока лет». Поэтому, какая разница? Сорок дней можно прожить также и как сорок лет. Всё проходит как мимолётный сон. Но мир, где мы живём, должен остаться после нас...

Глаза Мосэ начинали слипаться, его явно клонило ко сну. Глядя на орнамент переплетающихся ветвей кроны дерева, Мосэ то открывал глаза, то закрывал. Мысли путались, его охватывала дрема. Вдруг среди листвы дерева что-то зашелестело, как будто горячий ветерок пробежал по его верхушке, и рядом с ним свалилось на землю что-то мягкое, как будто яблоко упало на траву. Мосэ протёр глаза и сел. Недалеко от него, на том же месте, где вчера стоял Ангел Смерти, сидел молодой человек европейской наружности и держал в руке сломанный сук дерева. Мосэ смотрел на свалившегося с дерева человека с нескрываемым удивлением.

– Да кто вы такой? Откуда взялись? И что вам здесь надо? – спросил он его.

Чужеземец рассмеялся.

– Да вот, – признался тот добродушно, – свалился от храпа вашего товарища. Уж очень у него самозабвенно это получается.

Они оба посмотрели на спящего Хотокэ и улыбнулись.

– А что вы делали на дереве? – спросил Мосэ.

– Смотрел на храм Роккакудзи. Я здесь не был уже более ста лет.

– Так долго не живут, – заметил Мосэ.

– Заблуждаетесь, – ответил тот серьёзно. – Я знаю людей, возраст которых уже более двух тысяч лет.

– Назовите мне хотя бы одного.

– Чужестранец посмотрел на толстый ствол дерева кэяки, на ветку, которую продолжал всё ещё держать в руке, затем, отбросив её в сторону, спокойно ответил:

- Ну вот, хотя бы, возьмём человека, который посадил это дерево.
- Вы его знаете?
- Его зовут Онмёо-но-ками – Повелитель Светлого и Тёмного пути.
- Но этот человек умер полторы тысячи лет назад и похоронен под этим деревом.
- Опять ошибаетесь, милейший, – сказал чужестранец и рассмеялся. – Человек, обладающий секретами бессмертия, не может умереть.
- Но об этом дереве есть одна легенда, – возразил ему Мосэ.
- А вы не верьте легендам, – посоветовал европеец.
- Может быть, поверить вам? – иронично спросил его Мосэ.
- А почему и нет? – ответил вопросом на вопрос тот.
- Ну, знаете ли, – возразил монах, – чтобы поверить вашим словам, нужно поменять все наши представления об этом мире. У нас, конечно, есть свои взгляды на вещи. Мы тоже верим в чудеса, но объяснимые с нашей точки зрения.
- В этом мире всё объяснимо, – просто ответил ему пришелец.
- Тогда как вы объясните то, что погребённый под этим деревом человек вдруг ожил и продолжает жить?
- У вас есть свидетели, что его погребли там?
- Так говорят.
- Не верьте всему, что говорят. Этот человек никогда не умирал. Зовут его ещё Красная Птица, и прибыл он с юга.
- С индонезийского архипелага?
- Возможно. С ним я познакомился в Киото во второй год правления императора Тэммэй. Можно сказать, в год разрушения этого храма, который принадлежал чертям. С этого времени прошло уже более двухсот лет.
- Вы хотите сказать, что храм Роккакудзи принадлежал чертям? – воскликнул Мосэ.
- Так мне сказал Развалившийся Сонный Будда – «Канбэ-но-син-сяка» из храма Тэнкакудзан-рёкодзи (Сияния Дракона на горе Небесного Болота), что находится недалеко от порта Сироко.
- Мосэ не знал, что и подумать, до такой степени весь этот разговор казался ему неправдоподобным.
- Так вот, – продолжал между тем тот, – я познакомился с Повелителем Светлого и Тёмного Пути – Онмёо-но-ками в то время, когда он имел в Киото на улице Умэкодзи (Сливовой улочке) в доме с названием Цути-микадо (Врата Земли) астрономическую обсерваторию и лабораторию по производству пилюль бессмертия. Одну из таких пилюль проглотил я и обрёл бессмертие. Но должен сказать, что одну из пилюль бессмертия, которая готовилась тогда для стареющего сёгуна Токугава, украл и разделил со своим подручным Тора (Тигр) главный Чёрт, которого звали ещё Абурауси (Жирная Корова) или Золотой Телец. В результате этого, стареющий сёгун Токугава умер. Тора обрёл бессмертие и стал родоначальником японской мафии «якудза». А Абурауси, этот черт в облики быка, и так обладал бессмертием, выпив же пилюлю бессмертия, приобрёл такую потенцию, что через двадцать лет чертей по всей Японии расплодилось видимо-невидимо. И тогда Будда Канбэ-но-син-сяка приказал мне очистить от них эту землю. Так я приступил к исполнению завета Будды и изгнал чертей из всей Японии, а храм этот сжёг.
- Вы рассказываете какие-то фантастические вещи, – усомнился Мосэ.
- А вы плохо знаете историю Японии, молодой человек, – парировал чужестранец и продолжил, – время от времени я посещаю этот храм и, сидя в густой листве этого дерева, предаюсь воспоминаниям о прошлом.

– Значит, вы утверждаете, что это вы двести лет назад сожгли этот храм и прогнали монахов, проповедующих «Учение шести углов»? – с неприязнью в голосе спросил пришельца Мосэ.

– Не я лично, а мои подручные – Обезьяна, Собака и Фазан. Я лишь отдавал распоряжения. А вот сейчас я наблюдаю, как храм возрождается, а его настоятель преуспевает. Как видно, прихожане не скупятся на пожертвования. Вот и вы, монахи, живущие в этом храме, такие упитанные и раздобревшие, проводите здесь время в лени и безделье. Днём дрыхнете, да так что от вашего храпа можно свалиться с дерева. Что же вы делаете по ночам?

– Ночи мы проводим за чтением сутр. Кстати, по вашей милости вместе с храмом сгорели сутры «Учения шести углов» и нам приходится проповедовать учения других сект. Вы хоть знали, что это было за учение?

– Понятия не имею, да и такой цели передо мной не ставилось? Вообще-то, я – русский и прибыл сюда из Сибири, здесь я прошёл причащения к вечным тайнам и обрёл бессмертие, получив имя Синий Дракон. Дремлющий Будда после моей инициации в сонме небожителей, дал мне задание истребить всех чертей в Японии, что я и сделал.

– И куда бежали черти?

Чужестранец пожал плечами, почесал затылок и, подумав, заметил:

– Насколько я знаю, все они от наших притеснений бежали из крупных городов. Но мы прочесали и сельскую местность. И вот тогда они, почувствовав, что им не будет от нас житья, решили бежать из страны. На западном побережье они мастерили плоты, захватывали торговые корабли купцов и отправлялись через Японское море в Корею, где расселились в провинциях Кёнсан, Чхунчхон и Чола. В горах, вблизи города Тэгу, они даже построили свой Замок Чертей, конструкция которого очень напоминала разрушенную крепость на горе Ояма. И как писали летописи, часто вздыхая, они с ностальгией устремляли свои взоры на восток. Многие из них отправились путешествовать в Китай, Среднюю Азию и Европу, где неплохо устраивали свою жизнь и даже служили при дворах европейских монархов. Некоторые из них устраивали свои поселения на Святой Земле. А вот где искать их следы в Японии – ума не приложу.

Некоторое время чужестранец и Мосэ молчали.

Вдруг пришелец стукнул себя ладонью по лбу.

– А что мы головы ломаем? Следы их можно отыскать на западном побережье Японии в префектуре Тоттори на горе Ояма, которая имеет высоту 1729 метров. Там у них располагался Замок Чертей. Он так и назывался Они-но-сиро. Вам надо отправиться туда и покопаться в его руинах. Может быть, какие-нибудь свитки вы и найдёте в катакомбах крепости. Ведь прошло-то всего чуть больше двух сотен лет. Правда, там был пожар, и крепость была разрушена до основания. Но я думаю, что-нибудь там осталось.

– А вы не поможете мне разыскать людей, которые могли бы что-то знать об «Учении шести углов», или хотя бы вспомнить о том времени, когда наш храм проповедовал это учение?

Синий Дракон задумался, почесал затылок, потом посоветовал:

– Прежде всего, вам нужно разыскать Повелителя Светлого и Тёмного Пути учителя Онмёо-но-ками. У него мудрая голова, и я думаю, что он многое может прояснить.

– А где его можно найти?

– Когда-то он преподавал в канадзавском университете, но последнее время, я слышал, он увлёкся ботаникой и собирался устроиться на работу в ботанический сад на южном побережье острова Кюсю в местечке Ибусуки. Так что, ищите его на юге. Знаете, как у нас, небожителей, говорят: Красная Птица обитает на Юге, Чёрный Воин – на Севере, Белый Тигр – на Западе, а Синий Дракон – на Востоке.

– Синий Дракон – это вы?

Чужеземец кивнул головой.

– И где же вы обитаете на востоке?

– В разных местах. Но чаще всего в Киото, Осака и Токио. Я веду кочевой образ жизни. У меня есть свой цирк, натягиваю палатку возле какого-нибудь большого города и даю представления для детей вместе с моими артистами Собакой, Фазаном и Обезьяной. Кстати, Обезьяна пишет неплохие стихи и сценарии. Кроме цирковых представлений мы устраиваем ещё и театральные спектакли. Если будете в наших краях, милости прошу.

– Спасибо. А чем занимается Чёрный Воин и кто он такой?

– В данный момент он находится на северном побережье острова Хоккайдо и пытается отвоевать у русских Курильские острова. Ходят слухи, что он под именем маркиза Треножника строит Небесную империю. Но на самом деле, он является одиннадцатым князем Маэда Харунага, другом учителя Онмёо-но-ками, который и подарил ему пилюлю бессмертия и сделал небожителем. Однако, я слышал, что после второй мировой войны они рассорились и прекратили всякое общение.

– Вам, как я понимаю, Онмёо-но-ками тоже подарил пилюлю бессмертия? – заметил с улыбкой Мосэ.

– Не совсем так, – ответил с некоторым смущением Синий Дракон, – эту пилюлю у профессора я проглотил по ошибке, думая, что принимаю яд. Был у меня такой период в жизни.

– Значит, Белый Тигр живёт на Западе. А где живёт Абурауси – Толстая Корова? И чем они занимаются?

– Белый Тигр – Тора живёт в Канадзаве и заправляет всей торговлей подержанных машин с Россией. Его организация имеет тесные контакты с русской мафией, через них он поставляет в Японию русских девушек для публичных домов. Абурауси имеет банк в Токио в район Синдзюку и родовое поместье недалеко от столицы. У него есть красавица дочь.

– Значит, вы хотите сказать, что пять бессмертных небожителей живут сейчас в Японии? И одним из них являетесь вы? – спросил Мосэ и улыбнулся.

– Ну, да, – ответил ему Синий Дракон.

– Признаюсь, в Японии я встречался с долгожителями, которым было более ста лет, но впервые вижу перед собой небожителя. Тогда у меня возникает вопрос, почему вы живёте ни на небе, а на земле?

– Ну, во-первых, во всей Вселенной нет лучше места, чем земля. Во-вторых, нас небожителей, не пятеро, а шестеро. Вы забыли о Летающем Зайце, который сейчас живёт на луне, и занимается изготовлением пилюлей бессмертия. Время от времени он спускается на землю, чтобы набрать смолы с камфорных деревьев для своих снадобий, а также встретиться со своими друзьями.

– Вот как? – удивился Мосэ. – Значит, можно ещё где-то купить пилюли бессмертия?

– Не совсем так, – ответил Синий Дракон, – Летающий Заяц не продаёт эти пилюли людям.

– А кому он продаёт?

– Он никому их не продаёт. Не всё покупается в этом мире.

– Но для кого-то ведь он их делает? – удивлённо спросил Мосэ.

– Да, конечно, кое для кого он их делает, – ответил Синий Дракон и вдруг, посмотрев на часы, заторопился. – Извините, я и так вам сказал много лишнего. А теперь мне пора уходить, а то опоздаю на представление.

Он вскочил на ноги, подпрыгнул и плавно полетел вверх как птица, крикнув на лету Мосэ:

– Счастливо оставаться! Если захотите поговорить со мной, то ищите меня в районе горы Фудзи.

– Но постойте! – крикнул ему вслед Мосэ. – Я забыл спросить вас...

Но Синий Дракон уже исчез в голубом небе.

– Чего ты орёшь? – одёрнул его брат Хотокэ, протирая веки и таращась на Мосэ своими заспанными глазками. – Ты так кричишь, что меня разбудил.

Мосэ посмотрел по сторонам, как будто возвращаясь в реальность, и спросил Хотокэ:

– Тебе ничего не показалось?

– А что мне должно было показаться?

– Ты никого сейчас здесь не видел?

– А кого я должен был видеть? Отца Гонгэ? Так он тоже сейчас спит без задних ног. Или священника Хризостома с американкой? Так они ушли вместе на прогулку.

– Ты знаешь, в это трудно поверить, но я только что видел небожителя.

– Это приснилось тебе, – успокоил Хотокэ. – Со мной тоже иногда такое бывает.

Взгляд Мосэ упал на сломанную ветку дерева. Подойдя к ней, он взял её в руки и сказал:

– А это разве не доказательство? Небожитель упал с дерева, сломав эту ветку.

– Так он упал с дерева или с неба? – с иронией спросил Хотокэ.

Мосэ отмахнулся от его шутки.

– Я серьёзно говорю тебе, что видел Синего Дракона, который сказал мне, как разыскать «Учение шести углов».

– Всё это – плод твоей фантазии, – сказал Хотокэ, улыбаясь, – ведь всё, что мы видим, это – продукт нашего сознания. Как там говорится в свитке отца Гонгэ «Хранилище глаза истинного Закона» – «Сёбо гэндзо»: «Все дхармы, вся природа, всё живое на земле – всего лишь сознание, всё друг в друга включено и друг другу тождественно. Все учения гласят: всё равным образом есть одно сознание». К тому же, на нас постоянно влияют разные символы. Вся наша жизнь проходит под знаками символов. И ещё не известно, мы творим символы, или символы творят нас, тем более, если мы их получаем в наследство от наших предков. Ведь и история человеческая складывается из ряда символов. У нас даже простые истории преобразуются в символы. Так вот наслушаешься всяких небылиц, вначале отнесёшься к ним с юмором, и даже посмеёшься, а потом начинаешь в них верить, и попадаешь уже под их влияние. То, что по своей природе не может быть, начинает уже происходить. Самое лучшее, что может сделать человек, это – жить без всяких символов, и не верить в разного рода небылицы.

Но Мосэ вдруг пришла в голову одна мысль, и он воскликнул:

– Я знаю, как уговорить отца Гонгэ, чтобы он отпустил нас попутешествовать с американцами по Японии. Нужно ему сказать, что подлинный свиток «Роккакурон» находится в префектуре Тоттори, и мы его сможем разыскать, а заодно и поможем американцам в исследованиях этих высоких деревьев.

На этот раз Хотокэ отнёсся к заявлению своего собрата серьёзнее.

– Я понимаю, – сказал он. – Иногда во сне снисходят на нас откровения. И что тебе сказал небожитель?

– Он сказал, что я должен отправиться в путь на поиски этого учения.

– И куда же это?

– Пока толком не знаю. Но нужно побывать и на юге, и на западе, и на севере, и на востоке. Хотокэ засмеялся, заметил:

– Это значит, тебе нужно побывать везде, где только можно.

– Вот именно. На юге я должен встретиться с Красной Птицей, на Западе – с Белым Тигром, на севере – с Чёрным Воином, а на востоке – ещё раз с Синим Драконом. Но главное, мне где-то нужно разыскать Абурауси – Жирную Корову. Он, наверняка, знает что-нибудь об «Учении шести углов».

– А ещё с кем ты хочешь встретиться? – спросил его Хотокэ, с интересом разглядывая своего собрата.

– Ещё бы я хотел увидеть Летающего Зайца с луны, – ответил тот.

– Может быть, тебе ещё и на луне нужно побывать? Но для этого тебе нужно записаться в астронавты в Агентстве НАСА, – серьёзно заметил Хотокэ, подойдя к Мосэ и трянув его за плечо. – Проснись и перестань нести чепуху. Нам уже нужно идти к настоятелю за поручениями.

Мосэ не стал возражать брату Хотокэ. Запахнув полы лёгкого кимоно и поправив пояс, он поднялся со своей лежанки и отправился в основную пагоду храма – хондзан – для встречи с настоятелем.

Вот такие события произошли по рассказам монахов в моё отсутствие. Вечером, когда мы все вместе собрались на ужин, отец Гонгэ объявил нам, что отпускает монахов с нами для поиска подлинной копии свитка «Роккакурон» – «Учения шести углов».

День третий «Наставление учителя Воплощения»

Буддийское сердце подобно луне –

Недостойно пыли мирской.

Дар поэта Небу подобен

Своей чистотой.

Und Gott sprach: Es werde Licht! und es ward Licht.

Рано утром, когда я выходил из гостевого домика от Натали, расположенного недалеко от моей хижины, то натолкнулся на отца Гонгэ, идущего на утреннее бдение. Он посмотрел на меня несколько удивлённо, и я почувствовал внутреннюю неловкость. Чтобы как-то оправдаться, я заговорил с ним:

– Не подумайте чего-нибудь такого непристойного, отец Гонгэ, но Натали – моя бывшая жена, временно утраченная, по недоразумению, и которую я верну себе всеми имеющимися у меня средствами. Ради неё я, может быть, и живу в этом мире.

– А я вас раньше принимал за духовное лицо, – сказал отец Гонгэ.

– Но я не принимал на себя монашеского пострига, – заметил я, – тем более, что я напрямую не представляю Православную церковь, но я состою в духовно-светском братстве, занимающимся миссионерской деятельностью.

– Так значит, вы не духовное лицо.

– Ну, как сказать, – запротестовал я, – в Православии священникам вплоть до высших чинов и монахов разрешено иметь жён. А дети в таких семьях всегда считались очень одухотворёнными и вели всегда правильный образ жизни.

Отец Гонгэ рассмеялся.

– Россия, вообще, загадочная страна, – заметил он, – я слышал, что бурятские буддисты решили отменить целибат. Как только это случится, в России с буддизмом будет покончено. Если католики откажутся от целибата, то католичество отомрёт.

– Это почему же? – удивился я.

– Тот, кто встаёт на путь духовного совершенствования, должен отказываться от многих мирских благ. Я понимаю, что в России монахи всегда были самыми сильными в мире получателями небесных знаний, за ними стоят высшие чины церкви, соблюдающие целибат. Но они уже частично отходят от получения небесных знаний, потому что отдаются мирским делам, то есть, управлению церкви, а прочее женатое духовенство, настоятели храмов, всегда были проводниками, распространителями небесных знаний, получаемых от монахов. Они очень часто подвергались мирским соблазнам, и сейчас, наверное, им подвергаются. Вероятно, поэтому во время революции в России духовенство повело себя пассивно и дало возможность прийти к власти безбожникам, а потом за это жестоко поплатилось. Я так понимаю. Может быть, я не прав.

– Наверное, вы правы, – после раздумья произнёс я.

– А я посчитал вас священником-монахом, – признался отец Гонгэ.

– Почему? – спросил я,

– Потому что вы имеете способность по шелесту листьев священного дерева предсказывать будущее.

– Но это произошло со мной впервые в жизни, – признался я.

– Тогда всё понятно, – сказал отец Гонгэ, – вы часто поститесь?

– Ну, я соблюдаю посты.

– У вас, кажется, три основных поста?

– Да, – сказал я, – большой сорокадневный пост перед Пасхой, затем Петров пост и Рождественский.

– И как вы поститесь?

– Ем постную пищу.

Отец Гонгэ опять рассмеялся.

– Какой же это пост, – сказал он, – если вы что-то едите. Пост – это когда прекращают кушать любую пищу, и пьют только воду. Это и называется постом (дандзики) – прекращение еды. Только так можно приблизиться к небесным истинам. Вы когда-нибудь голодали?

– Ну, пару раз, дня по три.

– А часто болеете?

– Случается иногда.

– Тогда всё понятно, я удивляюсь, что у вас открылся дар – по шелесту листы угадывать будущее. Но, может быть, это проявилось единственный раз, такие случаи бывают у людей, особенно в экстремальных ситуациях, когда глас природы прорывается к человеку, минуя чакры. Но чтобы иметь постоянную интуицию необходимо голодать. Это знают все люди, имеющие отношение к восприятию духовных и священных озарений. Если вы хотите сохранить этот дар, то вам нужно налагать на себя посты и аскезы. Ведь предвиденье – непростое дело, а очень упорный труд, борьба с собой, и, можно сказать, духовный подвиг. Вы знаете, почему на моих монахов нисходит озарение, когда они предсказывают будущее?

Я покачал головой.

– По нашему уставу ученья «Роккакурон» мы должны каждый месяц шесть дней перед новолунием голодать, иными словами, поститься. Но главный пост в году у нас сорок два дня, мы его соблюдаем перед началом лета, когда ещё не очень жарко. Можно, конечно, соблюдать пост и тридцать шесть дней – шесть шестёрок, но интуицию монах начинает приобретать всегда на сорок второй день. Можно и голодать дальше, чем больше дней, тем больше человек обретает просветление и святость. Но я своим монахам запрещаю голодать больше этого срока, потому что они молоды, и сам держусь в этих рамках, так как я уже стар. В миру человек обычно не придерживается постов, а занимается только тем, что удовлетворяет все свои прихоти – вкусно и обильно ест, пьёт крепкие напитки, вольготно живёт, наслаждается сексом, курит и творит разные непотребности. Он является рабом своих чувств, и за это расплачивается болезнями. Однако, он понимает, что делает что-то в жизни неправильно, но тут же находит тысячи предлогов и оправданий своего образа жизни. Его ум настолько извращён и изобретателен, что он, чтобы оправдать свои чувства любым способом, пытается обойти нравственность, оправдать себя перед своей совестью. А когда заболевает, то не может найти причину своей болезни. А всё потому, что любая болезнь лечится голодом. Это – закон природы. Но человек никогда ему не следует. Для того, чтобы обойти его, он создал у себя самую развитую отрасль промышленности – медицину, с её фармакологией, хирургией и, Бог знает, ещё чем, совсем забывая о том, что, чтобы выздороветь, всего-то нужно поголодать. В человеке заложен такой же потенциал силы здоровья, как и в любом диком животном. Но диких зверей и животных к голоду принуждают сезонные изменения, когда они не могут найти корма, а у человека еды всегда существует вдоволь, он сам ест вволю, и закармливает домашних животных. Вы знаете, что если регулярно кормить волка, то он на одну треть меньше живёт? Сытая и спокойная жизнь делает организм человека слабым и незащищённым от болезней. Несоблюдение законов природы делает человечество больным. Возьмите хотя бы Америку, это – самая больная страна в мире из-за её благополучия и богатства, ожирение скоро приведёт эту страну к гибели. Чтобы быть здоровым, нужно быть бедным, много трудиться и чаще голодать.

– Но Япония тоже богатая страна, – возразил я ему, – но как я заметил, у вас мало толстых людей.

– Да, – согласился он, – во-первых, японцы очень много работают, а потом наша традиционная пища очень легкая – овощи, рыба и морепродукты, что способствует сохранению здоровья. И потом японцы никогда не переедают. Во-вторых, многие японцы любят спорт, даже в наших школах спортивным занятиям уделяется много времени. Но всё равно, американские стандарты жизни с их обществом потребления последнее время всё более негативно сказываются на здоровье японцев. С этим я борюсь, когда встречаюсь с прихожанами, призывая их всегда к здоровому образу жизни. О каком просветлении может быть речь, когда у человека постоянно набит живот пищей, и питается он обильно и по три, а иногда по пять раз в день. У него даже не возникает чувства голода. Вы знаете, что раньше, даже в Европе, до средних веков питались только день раз, и делали это утром в девять часов и до четырёх часов дня. Остальное время суток организм разгружался, поэтому и болели в те времена реже, так как медицина не была ещё такой изощрённой, и человек полагался на природу, и жили дольше, чем сейчас. Взять хотя бы даосов, ведь многие из них вообще достигали бессмертия. Как говорится в древних китайских текстах, «они питались воздухом, и пили росу». А знаете, для чего им служил один из их постоянных атрибутов жизни, наравне с молельным ковриком, тыква-горлянка?

– Нет, – ответил я, – но об этом я всегда хотел узнать, ведь тыква-горлянка для даосов была как некий символ.

– Совершенно верно, – согласился отец Гонгэ, – эта выдолбленная тыква была их сосудом очищения, сейчас это называют клизмой. Поэтому тело даоса было настолько чистым и очищенным, что в него проникал божественный свет. Даосы светились изнутри. Они не только обладали интуицией, но при помощи небесных знаний, которые получали напрямую из космоса, овладевали многими качествами и способностями, видели будущее, уходили от опасностей, могли переноситься на расстояние, как говорилось, «оседлав ветер», и делали много других чудес, непосильных простым смертным. Но, к сожалению, всё это забыто. Я стараюсь привить своим прихожанам здоровый образ жизни, но мне это не очень удаётся сделать. Они слушают меня, соглашаются, но продолжают жить по привычке, пьянствуют, объедаются. Есть у них один порок, это – пьянство, в городе очень много любителей sake, и я ничего не могу с этим поделать, чтобы отучить их от этой привычки. Дело в том, что наш городок называется Ёсида, как вы понимаете, название означает «Доброе поле». Но первый иероглиф, означающий «добро», по звучанию похож на иероглиф «ёси», что означает «опьянение» и «пьянство». И как-то в головах у горожан смешались два этих понятия, и они подсознательно стали считать, что добрый – это пьяный, а пьяный – добрый. Наш японский язык вообще изобилует множеством омонимов, это – слова одинаковые по звучанию, но разные по смыслу, и это случилось тогда, когда мы заимствовали китайские иероглифы. Ведь был же раньше наш простой японский язык, и мы могли письменно обходиться только катаканой или хироганой, а с приходом иероглифов язык усложнился, как бы получилось наложение, и все наши японские слова получили своих китайских двойников, у нас образовался смешанный язык, и это внесло массу трудностей в понимание. Как-то я насчитал в нашем языке десять тысяч омонимов. И если китайцы свои иероглифы читают с четырьмя тональностями, и всё встаёт на свои места, то у нас тональностей в языке нет, и возникает путаница в понимании. Да вы это знаете прекрасно. Даже в дипломатической практике японцы прибегают к более точному французскому языку, чтобы не было двусмысленности. Так что эта двусмысленность настолько вошла в наше сознание, что у нас начались всякие ментальные заморочки. Например, даже в цифрах число четыре у нас обозначается иероглифом «си», то же звучание, как и у «иероглифа смерти». Поэтому в наших гостиницах вы не найдёте четвёртого номера. В Китае – то же самое. Но вот цифра «девять» в Китае считается самым счастливым и полным числом, потому что звучит по-другому в отличие от японского, а у нас это число означает по звучанию «ку»? – глупость, неле-

пость и вздор, а также горе, нужду, боль. Поэтому мы не считаем это число счастливым. Вот видите, какие заморочки существуют в нашем языке. Но к чему я это говорю? Я хочу всё же как-то отучить жителей нашего городка от обжорства и пьянства. Поэтому хочу обратиться к вам за помощью. Вы хорошо знаете японский, не смогли бы вы в моём приходе выступить с проповедью о вреде переедания и пьянства. Вы – иностранец, может быть, ваша речь как то повлияет на их образ жизни. Расскажите им о постах в Православной церкви.

– Хорошо, – согласился я, – когда это нужно сделать?

– Сегодня вечером, как раз, мы собираемся в городке на богослужение.

Услышав моё согласие, отец Гонгэ сразу же повеселел.

– А знаете, что, – сказал он мне, – у вас прорезался дар, вам ни в коем случае нельзя его терять. У меня есть предложение к вам. Воспользуйтесь нашей методикой просветления. Так или иначе, вы сможете с нами, взаимодействуя, просветлиться и укрепить ваш дар. Я не знаю, как в Православной церкви приходят к святости, но если у вас пока нет своего опыта, попробуйте использовать наш. Ведь он помог моим монахам Мосэ и Хотокэ обрести этот дар виденья будущего. Мосэ будущее видит во снах так же, как американский провидец Кэйси, а Хотокэ, как Шакьямуни, получает небесные откровения в медитации. Вчера они у меня выпросили разрешения присоединиться к американцам с целью помочь им в постижении понимания тонких сущностей, проникающих в наш мир через тысячелетние деревья. Но сегодня я поставлю перед ним условие, чтобы всё это время они постились. Как только они прервут пост, то будут обязаны вернуться в храм. Может быть, и вы попуститесь с ними?

– Было бы неплохо, – согласился я.

– Они вам помогут овладеть практикой очищения и просветления. Вы ближе познакомитесь с буддизмом, разговаривая с ними. И станете настоящим провидцем будущего, понимая шелест листвы деревьев. Но кроме этого вы приобретёте ещё массу качеств и способностей, которые и не снились мирянину.

– Например, какие?

– Пока я вам этого не скажу, всё будет отрываться в вас по степени вашего приближения к совершенству. Но обещаю вам, что вас ждут на этом пути приятные неожиданности. Но никто из посвященных о них не говорит. Все эти качества – их тайна, которую лучше всего не разглашать. Вам, как моему единомышленнику, я открою свою тайну, для того чтобы укрепить вас на этом пути. В жизни я играю роль некоего болтливового простачка, и таким образом отвожу от себя всякие подозрения, но я хорошо понимаю птичий язык, и через него узнаю много небесных откровений. Я никому этого не говорю, а так, намёками, когда это нужно, оповещаю о грядущих событиях своих прихожан. Кто мудрый, тот это понимает, а глупцу и говорить этого не стоит, потому что он всегда поступит с точностью наоборот. Ведь если человек не способен понимать того, что скрывают слова, или что недосказано, а также, что скрыто меж словами или между строками священных писаний, то он никогда не обретёт мудрость, а если случайно и обретёт её, то со временем её всё равно потеряет. Это и есть секрет проницательности и интуиции. Я всегда говорю всем о своих птичках Ричике и Чарли, и меня уже все, наверное, считают за помешанного, или выжившего из ума старика, впавшего в детство. Но посредством этих рассказов я говорю собеседнику или приходу некоторые небесные тайны. Понимающий это услышит, а кто этого не понимает, тому этого и знать не обязательно.

– Это почему? – удивился я.

– Есть такая еврейская притча. Один раввин знал птичий язык. Его прихожанин очень хотел научиться понимать птиц, и попросил раввина обучить его этому языку. Раввин вначале отказывался, но тот так приставал к нему, что, наконец, уговорил его. Хотя раввин и предупреждал: «Как бы раскаиваться тебе не пришлось после этого». Прихожанин освоил этот язык. Как-то дома, сидя во дворе на скамеечке, он услышал, как воркуют голуби: «Сегодня к нашему хозяину ночью залезут воры и обокрадут его». Хозяин расставил по дому слуг и заставил сте-

речь добро всю ночь. Воров не было. На другой день он опять слышит воркование голубей: «Сегодня ночью сгорит дом нашего хозяина, жаль бедолагу». Опять хозяин на ночь расставил слуг с ведрами воды. Пожара не случилось. На третий день слышит, как воркуют голуби: «Как жаль нашего хозяина. Бог решил наказать его, вначале посылал к нему воров, но те не смогли пробраться в дом, затем решил устроить пожар, но и этого не вышло. Тогда он решил забрать его сына. Этой ночью сын должен умереть». Так и случилось, у хозяина умер сын, из-за знания птичьего языка хозяин уклонился от лёгкого наказания и принял тяжёлое. Так что не всем всё положено знать, чтобы избежать большей беды, и не навредить своей судьбе. Нужно следовать пути Недеянья, и принимать все невзгоды жизни стоически.

Рассказ отца Гонгэ произвёл на меня впечатление. Поэтому я спросил его:

– Значит, не все должны знать правду жизни?

– А лучше всего вообще не знать будущего, – признался он, – потому что это такое тяжёлое бремя, и жить даже становится неинтересно, когда всё наперёд знаешь. Я молю небо, чтобы он отнял у меня этот дар, но, к сожалению, обретаемый дар уже никуда не исчезает. Так что, прежде чем утвердиться на пути обретения дара, трижды подумайте, а нужен ли он вам. Оставаясь простым человеком, вы будете намного счастливее.

– Нет, – сказал я, – если передо мной возникает какая-то цель, я уже не могу остановиться. Иду к ней, пока её не достигну.

– Сейчас перед вами два пути, – сказал отец Гонгэ, – один путь – это соединиться со своей женой и дочерью и стать обыкновенным счастливым человеком, другой путь – идти дорогой духовного совершенствования и обретать небесные дары.

– Откуда вы знаете о моей дочери?! – воскликнул я и, кажется, побледнел.

– Извините, – сказал отец Гонгэ, – я невольно выдал ещё свой один дар – проникать в мысли собеседника. Но я никогда не выдаю чужих секретов. Так что, успокойтесь и хорошо подумайте, какой вам путь выбирать.

– Но неужели их нельзя совместить?

– Можно, – ответил настоятель, – но вы столкнётесь с массой трудностей, и в конечном итоге везде потерпите поражения. Я вам советую подумать, стоит ли вам возвращать свою бывшую жену. Сейчас у неё уже совсем другая жизнь, а ребёнка своего вы даже не видели. Дочь ваша не знает о вашем существовании, считает своим отцом американца. Сможете ли вы дать ей то, что способна дать его семья? Не будет ли потом она вас упрекать, что вы поломали её жизнь и изменили судьбу? К тому же, если вы встанете на путь духовного совершенствования, то не сможете посвятить себя этому целиком, имея семью.

– Но я люблю свою жену и буду любить её всю свою жизнь, и думаю, что она меня – тоже.

– Любовь – это благородное чувство, но и опасное, страстная любовь часто переходит в страстную ненависть. Жизнь и отношения между мужчиной и женщиной всегда очень сложны, вам предстоят суровые испытания. И если вы пройдёте через них и сохраните любовь, то вы всё равно никуда друг от друга не денетесь. Так что я предлагаю вам пройти испытание временем.

– Так, наверное, и будет, святой отец. Но сейчас я должен достичь совершенства и укрепить свой дар. Вы поможете мне на этом поприще?

– Помогу, потому что только так вы обретёте свет, – ответил отец Гонгэ, – вы решили отправиться в путешествие вместе с моими подопечными монахами. Во время их пребывания с вами не удивляйтесь их экстраординарным способностям, вы не всегда сможете за ними поспевать.

– Как это? – удивился я.

– Они способны перемещаться по воздуху на далёкие расстояния, это – одно из даров нашего «Шестиугольного учения». Но вы будете всегда знать, где они находятся и следовать за ними вашим эфирным телом. В ваших снах я буду являться к вам и подсказывать, что нужно делать и делиться с вами информацией. Отсюда из храма я буду видеть каждый их шаг. Но

об этом вы никому не говорите, даже вашей возлюбленной, хотя и говорят, что у влюблённых секретов нет. Как только вы скажете кому-либо о наших возможностях, я прерву с вами духовный контакт. Это – моё условие.

– Согласен, – сказал я, не раздумывая.

Отец Гонгэ посмотрел на тёмное небо. На востоке горизонт чуть посветлел багровым отблеском.

– Извините – сказал он, – мне пора на медитацию, а то мои ученики меня уже заждались.

Я ему поклонился. Он прошёл несколько шагов и, оглянувшись, сказал:

– Может быть, вы примете участие в нашей медитации?

Я с готовностью согласился.

По дороге к главному строению Храма «хондзан» отец Гонгэ продолжал говорить:

– В жизни всегда кто-то кого-то любит, но все любят друг друга не одинаково. Чаще всего нет взаимности в любви. Обычно мужчина любит женщину, женщина любит ребёнка, а ребёнок любит своего щенка или попугайчика. Очень часто человек любит то существо, которое зависит от него, и о котором он заботится. В тот год Ричик потерял свою подругу Чарли. Чарли заболела в начале лета, когда цвели одуванчики. У неё начал закрываться глаз. Вначале мы с сестрой не поняли, что с ней происходит, и решили, что Ричик в драке ей поранил глаз. Это предположение вызвало у нас негодование, и даже гонение на Ричика. Моя сестра пыталась его отсадить в другую клетку. Но он упёрся, и не пошёл. Он был очень гордой натурой. Мы просто закрыли клетку с Чарли, а он вынужден был ночевать несколько ночей на клетке. Я видел, что Ричик страдает и не понимает, что происходит. С каждым днём Чарли становилось всё хуже. Вместо глаза уже образовался чёрный нарост, она потеряла свою подвижность и весёлость, даже голос у неё изменился, из звонкого стал писклявым. Мы очень жалели её, но ничем помочь не могли. Последние дни она больше сидела в углу и ни во что не вникала. Ричик проявлял к ней жалость, он, так же как и раньше, чистил ей пёрышки и щекотал шейку. Идя домой со школы, я срывал с газонов цветущие одуванчики и развешивал на клетке, но Чарли это уже не радовало. Потом мы с сестрой поняли, что она болела какой-то своей болезнью, из-за которой птицы умирают, и раскаивались, что зря наказывали Ричика. Однажды, придя домой, мы нашли Чарли лежащей на полу клетки возле кормушки мёртвой, вся спина её была выщипана, повсюду – перья, а Ричик в страхе забился в угол клетки. По-видимому, когда она упала возле кормушки, он пытался её поднять и оживить. Он не мог поверить в её смерть, не знал, как он будет жить без неё, боялся будущего. И потом, когда я уже похоронил её возле нашего дома, Ричик долгое время не мог прийти в себя. Он всё ещё её ждал. Тогда он ещё не понимал, что такое смерть. А позднее он сам погиб. Если бы я в последний день закрыл его в клетке, то такого бы, наверное, не случилось. Последний день я почувствовал его нервозность, он громко чирикал, как будто ругался, и бегал по подоконнику. Возможно, он предчувствовал свою смерть. А может быть, решил, что такая жизнь ему не нужна, и сам бросился под ноги моей сестры. Жаль его! Бедный он, бедный. Сестра мне тоже сказала, что Ричика ей было жальче, чем Чарли, возможно, потому, что она стала причиной его гибели, а может быть, что он в жизни был какой-то несчастный и обделённый.

Слушая его рассказ о попугайчиках, я уже воспринимал его совсем по-другому, чем раньше, помня предыдущие слова об иносказательности его рассказов.

Вдруг отец Гонгэ заговорил напрямую о своих монахах:

– Рано или поздно мои монахи тоже откочуют в мир иной. Это случается с каждым смертным человеком. Но что касается переселения в мир иной Хотокэ и Мосэ, то они видят в этом уходе смысл своей жизни, трактуя его так: смертный час – это рождение праведника в новом, более «высоком» облике. Для них лозунг монаха Мудзю священен: «Если ты учишься ради того, чтобы отойти от мира и постичь бодхи, тебя ждёт великое воздаяние. Если ты учишься ради того, чтобы достичь известности и выгоды, тебя ждёт великое несчастье».

С этими словами мы вошли в зал мудрости богини Каннон. Там уже сидели Хотокэ и Мосэ в сосредоточенно-отрешённых позах и медитировали. Мы с отцом Гонгэ заняли места на дзабутонах и тоже погрузились в медитацию.

После богослужения и медитации отец Гонгэ вдруг выступил с неожиданным даже для меня заявлением:

– Эти ваши странствия закончатся для вас плохо, вы ещё не подготовлены для тяжёлых испытаний. Поэтому я передумал, и не даю вам моего согласия на участие в эксперименте американцев.

Я видел, как вытянулись лица монахов.

– Можете идти.

Они поклонились учителю и молча удалились. Я же продолжал сидеть на дзабутоне и думать: «Что это всё значит»?

Отец Гонгэ посмотрел на меня и улыбнулся.

– Вы, в самом деле, решили их не отпускать? – спросил я его удивлённо.

Он вздохнул и ответил:

– Всё равно они уйдут в это странствие, которое может стать последним в их жизнь. В том-то и дело, что я никак не могу помешать им. Так уж предопределено судьбой. Но всё же последний раз я хочу попытаться их отговорить. Если они проявят твёрдость, то отпущу их.

Я поблагодарил настоятеля за проявляемое ко мне внимание и терпение и, спросив разрешения посмотреть старинные свитки в библиотеке, удалился.

В библиотеке уже сидела Натали, склонившись над древним манускриптом. Увидев меня, она улыбнулась и спросила:

– Ну как?

– Всё в порядке, – ответил я и сел рядом с ней.

Некоторое время мы разбирали свитки по буддийскому канону и делились друг с другом мнениями. Но всё это время у меня не шёл из головы разговор с отцом Гонгэ, состоявшийся утром. Я с интересом смотрел на Натали и удивлялся, как она быстро прочитывает свитки на старо-японском языке и буддийские тексты. За семь прошедших лет она очень продвинулась в своих знаниях и понимании жизни. Она уже была не наивной девушкой, когда-то смотревшей мне в рот и ловившей каждое моё слово, а выглядела зрелой женщиной со своим сложившимся мировоззрением и довольно высокой внутренней культурой. Но от того, что она повзрослела, внешне несколько не изменилась, оставаясь такой же симпатичной и притягательной. Может быть, только к ней добавилась некая женственная обаятельность, смягчившая её угловатость девушки-подростка. Моё сердце опять кольнула ревность. Сейчас она уже принадлежала не мне, а какому-то ублюдку из Америки, новому реформатору мира, который ставит рискованные эксперименты с природой, и даже здесь, в далёкой восточной стране, распоряжается всем, как у себя дома. В душе я ненавидел его, хотя и согласился с ним сотрудничать из-за Натали. Но как она относится к нему?

– Ты любишь своего мужа? – спросил я её.

Она отвела взгляд от свитка и посмотрела на меня своим проникновенным взором.

– О чём ты говоришь?! – обиженно воскликнула она. – Мне казалось, что мы всё уже выяснили с тобой о нём. Зачем ты возвращаешься к этому разговору?

– А он тебя любит? – спросил я.

– Может быть, – сказала она, не отводя своего взора от моего взгляда. – Но что это меняет? Ведь я его не люблю.

– Но ты же семь лет жила с ним.

– По привычке. Почему ты начал об этом разговор?

– Сегодня утром отец Гонгэ заметил, как я выходил от тебя. Мне пришлось ему сказать, что ты являешься моей бывшей женой, и что мы расстались с тобой по недоразумению, и что цель всей моей жизни сейчас – это соединиться с тобой.

В её взгляде блеснула искорка радости и благодарности.

– И что он сказал?

– Он сказал, что мне следует подумать, так как у тебя уже устроенная жизнь, а дочь меня даже не знает, и считает своим отцом американца. К тому же вряд ли я смогу по своим возможностям дать вам то, что даёт твой муж. Дочь ждёт блестящее воспитание и образование, а тебя – карьера.

Натали от этих слов усмехнулась.

– Какой же ты глупый, – сказала она, улыбнувшись, – ты совсем не понимаешь души женщины. Какие возможности?! Какая карьера?! Всё это – второстепенно, если я люблю тебя. Карьеру и возможности я сама себя организую, но с тобой я буду счастлива. И ты же не хочешь, чтобы твоя дочь выросла американкой?!

– Это только в страшном сне может присниться.

– Вот видишь, и я так считаю. Я очень скучаю по России. Я готова жить с тобой в любом городе, в любой деревне. И дочь в России будет здоровее и умнее, чем на Западе. В нашей стране есть сила, и для русских жить за границей – большое несчастье, через полгода уже всё там надоедает и раздражает, какой бы прекрасной жизнь не была. Впервые я почувствовала в Америке, что такое ностальгия.

– Но дочь? Она же там родилась.

– Дочь привыкнет к России и полюбит её. Я путешествовала по многим странам, пока жила там, и уверяю тебя, нет лучшей земли на свете для русского человека, чем его родина. Можно ко всему привыкнуть, можно даже постараться забыть всё, что связано с родиной, но свою русскую душу, вряд ли кто-то сделает американской или французской. Помнишь, как я изучала у тебя французский язык? Некоторое время мы с мужем жили в Канаде. В Квебеке я только о тебе и думала, мне стало там невыносимо, и я попросила мужа вернуться в Штаты. Если бы мы с тобой не встретились ещё двадцать лет, то ещё бы двадцать лет я мучилась, и не находила бы себе места, пока бы в конце концов не вернулась бы в Россию и не нашла тебя.

Я обнял её за плечи и прижал к себе. С этой поры у меня даже не возникало мысли расстаться с ней.

Ближе к обеду я решил ещё раз поговорить с отцом Гонгэ, но меня опередили монахи. Они зашли в Зал Мудрости богини Каннон, мне же пришлось присесть в уголке галереи, откуда я хорошо видел их всех и слышал каждое слово.

Когда оба монаха вошли в зал и уселись напротив него на дзабутонах в позе лотоса, настоятель некоторое время молчал, разглядывая их, как будто видел впервые. Взгляд его был по-отечески ласковым. Со стороны казалось, что он собирался спросить их: «Ребятки, что вам здесь нужно? Что вы от меня хотите?» В эту минуту он напоминал китайского божка доброты, простоты и смирения. Но если бы кто-то проник в его мозг, то удивился бы глубине его мысли, настолько он обладал мудрой проницательностью.

Глядя на своих учеников, Гонгэ думал: вот один из них будет святым, а другой – учёным. Оба они мудрецы, но специалисты в разных областях. Деятельный Мосэ ни минуты не может посидеть спокойно, вечно находится в какой-то суете. Совсем не буддистская черта, всегда взболтан как мутный стакан воды. И мысли бегут у него как кони, и желания суетятся как обезьяны. Но из него получится хороший проповедник, отличный дипломат, мудрый политик, и выдающийся государственный деятель. Недаром у него мать была еврейкой, которую ещё его бабушка вывезла в своей утробе, спасаясь от нацистского истребления. Во внуке её чувствуется предприимчивая натура, еврейская кровь, хотя его дед и был японцем. Правда, он не видел ни отца, ни матери. Мать умерла при родах, а отец сразу же пропал без вести. Мальчик воспитывался

вался в сиротском доме. Но гены везде остаются генами. Всё в его характере приспособлено к работе, к деловым отношениям. И полная его противоположность – Хотокэ. Прекрасный воспитанный японский юноша с манерами самурая, выдержанный, спокойный, пронизательный, склонный к рефлексии. Это – философ. Он великодушен и обладает абсолютным самообладанием. Остроумен и даровит. Из него получился бы истинный святой, учёный или писатель. Он может часами сидеть в одной позе, созерцая какую-нибудь внутреннюю грань некой скрытой в нём реальности. Или оттачивает свою мысль до абсолютного совершенства. Этот умет ждать и замечать в нужное время и в нужном месте то таинственное, что скрыто от умозрительного восприятия других. Его остроумие может блистать подобно самурайскому мечу. Зигзаг молнии и – вот уже готова идея, повержен враг, или решена задача. Да, оба они стоят друг друга, дополняя друг друга, и обоими ими мне нужно дорожить.

Мосэ от долгого сидения и молчания не выдержал, заёрзал и нарушил тишину зала:

– Учитель, – молвил он. – Вчера я видел небожителя.

– Во сне, – тут же добавил Хотокэ.

– Нет, наяву, – настойчиво заявил Мосэ, кивая на Хотокэ. – Я его видел и разговаривал с ним вот так же, как вижу и разговариваю с вами.

– Почему же я ничего не видел? А ведь мы были вместе, – заметил Хотокэ.

– Ты дрых без задних ног.

– Когда я проснулся, ты тоже спал.

– Я не спал, а лежал с закрытыми глазами.

– И кричал во сне: «Подождите! Я забыл у вас спросить...»

Как дети, но оба они избранные, подумал Гонгэ, один другому никогда не уступит, их удел – спасение мира. Им обоим будут тяжелы поражения. Ни один из них не смирится с тем, чтобы быть в жизни на вторых ролях. А жизнь их кончится гибелью или полной победой. Ничего в них нет от истинных буддистов. Даже Хотокэ теряет самообладание, когда спорит. Нет в них той мудрости, которая остужает спорящих.

– Мосэ, – прервал их перепалку Гонгэ, – скажи мне, я хорошо к вам отношусь?

– Да, учитель, – удивлённо ответил тот. – Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Я был с вами строг?

– Не всегда, учитель.

– Я ограничивал вашу свободу?

– Нет, учитель.

– Тогда почему вы меня так не уважаете?

– Мы вас уважаем, учитель! – в один голос воскликнули Мосэ и Хотокэ и склонились в низком поклоне.

– Не думайте, что я за вами не наблюдаю, – строго сказал Гонгэ, – хотя я и завален делами по горло. Каждый ваш шаг мне известен. Я знаю о вас больше, чем вы сами о себе. Но вот сделать из вас настоящих буддистов я никак не могу. Хотя вы проводите дни в аскезе и ограничениях, но по природе своей продолжаете оставаться мирянами со всеми их недостатками и грехами. Оба вы заносчивы и высокомерны. Ваше высокомерие не имеет границ. Вы считаете себя центром земли, на самом деле вы – жалкие мошки (ёвамуси), слабаки. Что вы о себе мните?

– Но учитель, – возразил Мосэ, – вы к нам несправедливы. Все дни мы проводим в учении, а по ночам усердно читаем сутры.

– Ты хочешь сказать, что вы овладели высшей мудростью?

Оба ученика молчали, низко склонив головы. Гонгэ посмотрел на их бритые затылки и, вздохнув, молвил:

– Преподобный Соо-осё тоже полагал, что овладел высшей мудростью. Он упорно, истово молился у Трёх Порогов на реке Кацурагава, требуя от бога-стража Фудо, чтобы тот вознёс его на райское небо Тушита пред очи бодхисатвы Мироку. И хотя бог-страж Фудо прямо сказал

монаху, что «дело это трудное», Соо-осё сломил его своим упорством. И тогда Соо-осё зачерпнул воды в реке, вымыл себе чресла и взгромоздился на шею Фудо. Но когда прибыли на небо Тушита, оказалось, что попасть во Внутреннюю обитель дело непростое, и одного упорства мало. В ворота может пройти лишь тот, кто умеет продекламировать сутру Лотоса. А Соо-осё в этом не преуспел. Глянув вдаль, Соо-осё сказал: «Читать-то я эту сутру читаю. А вот декламировать – никак». Бог-страж сказал: «А вот это стыдно. Такой уж порядок, иначе не пройдёшь. Возвращайся домой. Выучишь сутру, тогда и приходи». Посадил его на шею и доставил обратно на реку Кацурагава. Соо-осё безутешно плакал. Пришлось ему выучить сутру, и тогда уж он осуществил свою мечту.

Монахи переглянулись.

– Вот и с вами может такое случиться. Если вы читали «Предисловие к запискам мудреца» – «Когансёдзё» священника XVII века Кэйтю, то знаете, что есть три главных пути к дворцу солнца: это – синто, Путь Богов; это – буддизм, учение Будды; и это – конфуцианство. На каком из этих трёх пути вы преуспели?

Монахи молчали, не поднимая голов.

– Вы оба мне симпатичны, – грустно сказал отец Гонгэ, – но когда я умру, ни один из вас не сможет заменить меня, стать настоятелем этого храма, потому что вы оба не готовы к этому.

– Но, учитель, – поднял голову Мосэ и опять смело возразил ему, – я как раз хотел поговорить с вами о том, что я смогу раздобыть свитки сутр об «Учении шести углов», утерянных двести лет назад.

Отец Гонгэ с удивлением посмотрел на него и спросил:

– И как ты собираешься это сделать?

– Для начала мне нужно съездить в Ибусуки.

– Зачем это ещё?

– Чтобы встретиться с Повелителем Светлого и Тёмного Пути, профессором Онмёо-ноками, по прозвищу Красная Птица.

– Какую ещё ты блажь затеял? – недовольно молвил отец Гонгэ. – Эту легенду я уже где-то слышал. «Уберечься от огня Красной Птицы, от меча Чёрного Воина, от клыков Белого Тигра, от объятий Синего Дракона, чтобы поразить цель». Так повторяли лётчики камикадзе, идя на таран американских авианосцев.

– Я уже разговаривал с Синим Драконом, – настойчиво заявил Мосэ, – он-то и посоветовал мне встретиться с Красной Птицей.

При этих словах Хотокэ засмеялся и состроил гримасу, однако Гонгэ отнёсся к заявлению своего ученика серьёзно. Он спросил его:

– Где ты видел Синего Дракона?

– В саду храма, вчера. Мы с ним говорили, а затем он улетел.

Гонгэ, немного подумав, сказал:

– Если даже это приснилось тебе во сне, то есть причина, по которой это тебе приснилось. И отмахиваться от неё, как от назойливой мухи, не стоит. Многие прорицатели получают во сне откровения. И идя этой дорогой, свершают благие дела. Может быть, пришло время открыть вам кое-какие тайны.

Хотокэ смотрел на своего учителя широко раскрытыми глазами.

– Не знаю, стоит ли мне говорить вам об этом, но раз вы сами вышли на этот разговор, то мне необходимо дать вам кое-какие пояснения. Когда я был молод, как вы, то тоже стремился отыскать пропавшие свитки «Учения о шести углах» – «Роккакурон». Но чем больше я приближался к цели, тем больше понимал, что лучше этого учения не касаться. Как говорят, не буди лиха, пока оно тихо. Сообщений о тех событиях, которые произошли во второй год императора Тэммэй, вы не найдёте в анналах истории сёгунского дома Токугава, правившего тогда Японией. Его специальные агенты секретных служб – химицукэрай выжгли упоминания

нания об «Учении шести углов» из памяти народа огнём и мечом. Все свитки были уничтожены, храмы сожжены, те священники, которым не удалось скрыться, зарублены. Тогда все дела в политике решались просто: взмах меча – и дело улажено. Наверное, поэтому это событие начало обрастать легендой о якобы имевшем место изгнании чертей из страны Синим Драконом. Власть сёгуната распространению этой легенде не мешала, потому что легенда не отражала сути вещей. Сказка и есть сказка. А суть вещей была намного опаснее, я бы сказал, зловещей. Она угрожала устоям нашего государства и нашей нации. С возвращением императора к власти во время революции Мэйдзи в 1870 году наш храм отстроили вновь, но восстановили только символ, герб храма, само учение нигде отыскать не удалось. В то время на волне прогрессивных веяний, новое правительство делало всё, чтобы не отстать от Запада. Всё, что было запрещено домом сёгуната Токугава, возрождалось. Но когда учёные познакомились где-то с этим учением, то пришли к общему мнению, что оно вредно для Японии. Особенно для её самобытности. И сделали всё от них зависящее, чтобы не дать ему распространиться.

– Но почему, учитель? – воскликнул Мосэ, у которого от рассказа учителя глаза загорались каким-то внутренним огнём. – Что в этом учении было опасным? И кем были эти священники, исповедавшие его?

– Да потому, что наше буддистское учение несовместимо с этим учением.

– Как это? – спросил Мосэ.

– Чтобы это вам объяснить, нужно начать с очень далёкого прошлого, – пояснил учитель, – с того времени, когда наше государство только создавалось.

– Две тысячи лет назад? – спросил Хотокэ.

– Нет, – покачал головой Гонгэ. – Рескриптом императора заявлено, что наша империя возникла две с половиной тысячи лет назад. Так вот, приблизительно в то время и начался спор между двумя великими учениями: буддизмом и иудаизмом. Но иудаизм, как вы знаете, был древнее буддизма. В то время не было ещё ни христианства, ни ислама, а те религии, которые возникали в образующихся государствах, быстро умирали с самими государствами. Одним словом, кроме варваров, существовало две сильных духовных цивилизаций: восточные волхвы и западные мудрецы с идеей Единого Всемогущего Бога.

– Евреи?! – воскликнул Мосэ.

– Да, – кивнув головой, ответил Гонгэ. – Опасаясь влияния единобожия, восточные мудрецы договорились с евреями, что те не будут распространять их мировоззрение на Востоке, а в свою очередь восточные мудрецы дали обещание не проповедовать на Западе. Запад оставался западом, а восток был Востоком. Две философии не смешивались, две религии развивались в своих границах. Восточная философия трансформировалась в буддизм и распространилась из Индии в Индокитае, на Малайском архипелаге, в Поднебесной, Кореи и Японии. Евреи же жили в своей Земле Обетованной, то теряя её, то обретая вновь, пока окончательно не рассеялись под ударом римлян, который сожгли их Иерусалимский Храм. И вот с этого времени началась агония Запада. Евреи, потеряв свою родину, вынуждены были скитаться по другим странам. От их религии зарождались новые агрессивные религии: христианство и ислам. Эти эрзац иудейские религии захватывали мир, насаждали свою культуру. Евреи были везде гонимы. Потом они стали посредниками между Востоком и Западом, но уже не могли влиять на соблюдение договора древних мудрецов. И вот тогда они пытались создать мировую цивилизацию, примирить всех, объединить все культуры в единый конгломерат. Но разве можно органически соединять противоположности? От такого соединения произойдёт взрыв, катастрофа, что приведёт к концу всю мировую цивилизацию. Началу этого конца мы являемся свидетелями.

– Но, может быть, мы этим путём и спасём мир? – вырвалось из уст Мосэ.

– Очень сомневаюсь, – покачал головой, ответил Гонгэ. – Когда я был молодым, я тоже верил, что соединением Востока и Запада можно спасти мир. Но, увы, это оказалось утопией,

потому что на почве этого заблуждения возникает война не культур, а идеологий. Одна система взглядов не способна инкорпорироваться в другую, она может только поглотить её, или быть поглощённой ею. Это и есть вечная борьба духа. Когда в Германии возник Третий Рейх, Тибет сразу же понял, что может спасти Восток, и чтобы разрушить Запад, тибетцы стали помогать Гитлеру. Три тысячи тибетских монахов до последнего вздоха защищали ставку Гитлера. Япония тоже примкнула к Стаальному пакту по той же самой причине.

– Но тогда почему так много евреев было спасено Японией во время второй мировой войны? – спросил Мосэ.

– Я думаю, по гуманитарным соображениям. В то время евреи не имели какой-либо влиятельной силы в мире. У них не было своего государства. Да и синтоистская вера в японском народе была как никогда сильной. Ведь наших традиционных религий две: синтоизм – для жизни, а буддизм – для смерти. Всё гармонизировано и взвешено. Так что иудаизм в Японии в то время не представлял никакой опасности. Опасен был марксизм.

– Но Япония не начала войну с Советским Союзом, как хотела этого Германия, – заметил Хотокэ.

– Это была месть Японии Германии, – ответил Гонгэ. – Когда перед началом второй мировой войны Япония напала на Монголию и просила помощи у Германии начать военные действия против Советского Союза, та вместо помощи заключила с её врагом пакт о ненападении.

– И всё же, я бы хотел найти свитки «Учения о шести углах», – упрямо заявил Мосэ.

Гонгэ усмехнулся кончиками губ и подумал: «Вот и проявляется его еврейская кровь, кровь предков, переданная по женской линии. Моисей, ищущий следы своего народа в пустыне Востока. Моисей, затерявшийся в этой стране. Такого фанатика ничем не остановишь, он дойдёт до своей цели. Не буду ему мешать».

– Хорошо, – после паузы молвил отец Гонгэ, – можешь отправляться на поиски этого свитка, куда хочешь, хоть к чёрту на рога. Но я не могу тебя отпустить одного, бери себе в помощники брата Хотокэ. Всё равно от вас здесь мало толку.

Мосэ оживился, а Хотокэ скривил недовольную физиономию.

– Можете идти, – сказал Гонгэ. – Переночуете, а завтра с утра отправитесь в путь.

Мосэ вскочил с дзабутона, поклонился и, пританцовывая, направился к выходу, в то время как Хотокэ продолжал сидеть.

– Что у тебя? – спросил у него Гонгэ.

Хотокэ низко поклонился и сказал:

– Учитель, не считите меня непослушным, но то, что вы разрешили моему собрату Мосэ отправиться на поиски неизвестно чего – форменное безумие. Я передумал ехать вместе с Мосэ только на поиски этой сутры, потому что в этом случае, я не смогу участвовать в эксперименте американцев, а мне хотелось бы очень помочь в их исследованиях. Прошу вас наказать меня самым строгим образом. Отправьте меня на самые тяжёлые работы. Прикажите дать мне десять ударов палок по пяткам. Но я не вижу смысла следовать его дурацким прихотям. Ему что-то приснилось во сне, и он, очертя голову, ринулся в пустоту, туда, где ничего нет, и быть не может. Не лучше ли ему продолжать заниматься науками, молиться, медитировать, читать сутры святых писаний, а не пускаться на всякие авантюры? Да и мне с ним – тоже. Я понимаю, что у каждого человека есть желания и заветные цели. Но не вы ли учили нас укрощать свои желания, а цели свои соизмерять с благими, но не пустыми делами. У каждого из нас есть своё предназначение, поэтому мы должны следовать ему, а не тратить времени попусту.

После этих слов отец Гонгэ задумался, но потом спокойно и ласково ответил своему ученику.

– Засиделись вы в храме и в городке Ёсида. Поэт Мацуо Басё странствовал бродячим монахом по всей Японии, открывал мир, писал свои стихи. Он научился радоваться жизни,

познавая этот мир. Цель иногда оказывается пустой, но движение к цели всегда наполнено содержанием – самой жизнью. Обе эти цели вы можете совместить. Помочь американцам в исследованиях и попытаться найти эту сутру. Не важно, найдёте вы «Учение о шести углах» или нет. Важно то, что, странствуя и участвуя в его поисках, вы окрепнете и обретёте свои взгляды на вещи, ибо увидите реальную жизнь, которой не могут научить никакие сутры. Отпускаю я вас двоих, потому что он – лошадь, которая может заблудиться и погибнуть, ты же будешь возле него как всадник, управляющий этой лошадью, потому что ты умнее и опытнее его. А что касается предопределения, то нам оно никогда не известно. Прежде чем узнать его, нужно испытать себя, понять, что тебе нужно, какова твоя судьба. Как говорили древние: да осилит идущий свою дорогу. Хотокэ, сын мой, я возлагаю на тебя большие надежды. По правде говоря, я надеюсь, что ты заменишь меня после моей смерти. Ты станешь настоятелем этого храма, но настоятелем, знающим жизнь, чтобы помогать людям. А сейчас иди и помоги Мосэ найти его путь.

Не сказав ни слова, Хотокэ поклонился и вышел из зала.

Через некоторое время я вошёл к отцу Гонгэ. По моему лицу он понял, что я сделал в жизни выбор. Вздыхнув, он сказал мне:

– Судя во вашему виду, можно судить, что великого поста не будет?

– Да, святой отец, – ответил я, – буду придерживаться духовно-светского образа жизни.

– А лекцию по проведению постов в России прочитаете сегодня?

Я согласился. Ближе к вечеру мы вчетвером отправились в городок Ёсида-мати.

Буддистский храм Роккакудзи расположен в горах Синано, довольно далеко от городка под названием Ёсида-мачи. Его жители всегда имели тесную связь с храмом благодаря его настоятелю, который как бы организовал в своём городе часовню этого храма, своего рода филиал «Роккакудзи», и время от времени, приезжая в город, причащал прихожан и совершал необходимые требы. Жителей в этом городке было не много – не более двух тысяч, многие знали друг друга в лицо. Там имелось ещё два буддистских храма. Дайсэйдзи (Храм Великого Запада) располагался на западной окраине города, и Дайтоодзи (Храм великого Востока) – в его восточной части. Кроме этого действовало несколько синтоистских храмов, разбросанных по центральным улицам. Обычно храм Роккакудзи прихожане посещали по большим праздникам, которые здесь отмечались не часто, кроме этого отпевали покойников и молились за упокой их душ. Но в городе Ёсида жители умирали редко, поэтому доход храма был не велик. Однако нельзя было сказать, что этот храм пребывал в упадке, потому что его настоятель, отец Гонгэ, являл собой пример добродетели и участия к нуждам своих прихожан. Он вникал во всех деталях в их жизнь, как истинный священник, и давал им мудрые советы. Многие прихожане относились к нему как к своему отцу.

На вечернее богослужение собралось около двадцати человек. После молебна отец Гонгэ прочитал краткую проповедь, в которой упомянул слова средневекового мыслителя Накаэ Тодзю, который говорил: «По сути своей умение высветлять небесную истинность добродетели сыновней почтительности состоит в том, что, найдя своё место в жизни, осуществлять Путь – это и есть светлая добродетель».

Большинство его прихожан считались преуспевающими жителями, благодаря его мудрым советам. К нему приходили как простые крестьяне, так и известные местные политики и бизнесмены, и с каждым он мог найти общий язык и тему для разговора. Каждый находил в нём интересного собеседника и мог посоветоваться о чём угодно. В любом деле отец Гонгэ слыл знающим специалистом. Все жители города ценили его за блестящий ум и глубокие теологические познания, но чаще всего к нему приходили просто так, поболтать, попутно принося с собой мелкие гостинцы, угощения, подношения и подарки. Этим и жил храм и его обитатели. Отец Гонгэ часто посещал этот городок. Основное время года он проводил службы в

городке. Только единственный раз в году шестого июня его прихожане поднимались в горный храм Роккакудзи, чтобы отметить главный храмовый праздник года.

Несмотря на свой преклонный возраст, посещая городок, отец Гонгэ был подвижным и деятельным человеком. С утра, помолившись, он работал на небольшом участке при часовне, пропалывая грядки с овощами, затем принимал гостей, вёл переговоры, занимался хозяйственными делами, и даже готовил обед, не очень доверяя двум своим монахам, составляющими всю его челядь, которых считал не очень приспособленными к повседневной работе, но с задатками великих подвижников. После обеда он обычно спал часа два, но вторая половина дня у него проходила так же деятельно, как и первая. После сна он обычно беседовал со своими двумя монахами, а в конце беседы давал им задание, которое они должны были выполнить к следующему дню, к моменту его послеобеденного пробуждения. Обычно Гонгэ всегда забывал, какое поручение он давал монахам, поэтому, зная эту его особенность, Мосэ и Хотокэ могли выполнять задание или не выполнять, по своему желанию, не опасаясь, что могут быть выруганы или наказаны настоятелем. Отец Гонгэ относился к своим монахам по-отечески, любил их, и не очень нагружал работой и учением. Он считал, что сам монашеский образ жизни является уже подвижничеством, особенно, воздержание. Достаточно было того, что они проводили время в постижении высших истин, стараясь проникнуть в секреты мироздания.

Закончил он свою проповедь мыслями философа конца 17-го и начала 18-го веков Сато Наоката словами из его трактата «Такудан дзакуроку» – «Различные записи о научных беседах»:

– Если в мироздании имеется два начала «ри» и «ки», то должно быть постоянство и изменение. Постоянство – это «ри», изменение – это «ки». Если говорить о постоянстве как о «ри», то все люди должны быть молодыми, ну, а без этих «ки» не рождаются личности, среди этих «ки» имеются чистые и мутные, светлые и тёмные, поэтому существует различие между мудрыми и глупыми. Хотя и мудрые не могут обойтись без «ки», но поскольку у них главным стоит «ри», дурных изменений не происходит. Поскольку «ки» сдерживает «ри», оно не искажается. В общем, поскольку в человеке «ри» не проявляется в полной мере, постольку «ки» искажает человека. Это же происходит и с чувством долга, которому должны следовать сердце человека и сердце Пути». Зачем я вам это говорю? Я вас очень хорошо знаю. Знаю, что все вы склонны к злоупотреблению мутных «ки», таких как обжорство и пьянство. От этого ваше «ки» ещё больше мутнеет и затемняет ваше «ри» – рассудок, по вечерам вы носитесь по нашему городку и горланите всякие непристойные песни и скабрёзности. И очень мало внимания уделяете очищению вашего «ри».

Среди прихожан раздались смешки.

– Я специально пригласил из России духовного священника, чтобы он вам рассказал, как православные христиане соблюдают посты и достигают высоких ступеней святости. Они не только становятся просвещёнными, то есть, просветлёнными, но и к концу жизни обретают святость и поднимаются в небеса, где попадают в рай и становятся ангелами и в нужный момент опускаются на землю, чтобы помогать людям. Поэтому в холодной Сибири никто не замерзает. А там зимой температура опускается ниже сорока градусов. А это вам не четыре градуса минус – самое суровое наше время зимы. При сорока градусах вы бы все в нашем городе помёрзли без таких ангелов. И всё бы остановилось. Если учесть, что на мир надвигается мировое похолодание, то возможно через десять лет наши острова превратятся в замороженные айсберги. Скажите, как вы будете на них жить? Как будут жить ваши дети? Если к этому времени никто из вас не станет ангелом.

При этих словах Натали улыбнулась и украдкой посмотрела в мою сторону. Взоры всех прихожан были обращены ко мне. Я испытал некоторую неловкость. Хотокэ и Мосэ тоже улыбнулись. Меня пригласили выступить. Я встал и окинул прихожан взглядом. Все смотрели на меня с интересом. В их взглядах я почувствовал доверчивость и благожелательность. Взгляды

их тёмных глаз были чистыми и готовыми к восприятию. Я подумал, что их глаза – это отражение их душ. И ещё я подумал, что их глаза – это открытые двери для проникновения света.

– Сегодня я бы хотел поговорить о свете, – так я начал свою речь, – отец Гонгэ говорил вам только что о просветлении и затемнении сознания, насколько я понял. Но я хочу говорить о том свете, о котором говорил Господь Бог при создании мира: Да будет свет! И стал свет! Так о каком свете он говорил?

Они смотрели на меня удивлённо, как бы стараясь понять, какую загадку я несу в себе, и чем я могу их удивить. Что я скажу такое, что будет для них мудрее слов отца Гонгэ? И я вдруг понял, что нужно им говорить.

– Давайте рассмотрим, – сказал я, – чем христианство отличается от буддизма. Буддизм стремится к просветлению, а христианство – к святости. В чём же разница между этими двумя устремлениями? А разница в том, что просветление формирует взгляд на наш мир, то есть, истинное понимание того, что происходит в мире, и как нужно себя вести, чтобы проложить путь к Истине. Это и есть просветление, в то время как христианство учит людей тому, как обрести не только Истину, но и стать самому этой Истиной, иными словами тем светом, что проникает в нас из глубин мироздания. Вы можете мне возразить, что этому же учит и буддизм. Но святость и просветление разнятся по степени и силе при овладении этим светом.

Далее я попытался, ссылаясь на Иммануила Канта, объяснить им, что святость является полным соответствием воли с моральным законом, но тут же поймал себя на мысли, что вряд ли восприятие крестьян и рыбаков этого городка подготовлено к пониманию европейской философии и теологии, и что, если святость, как совершенство, недоступно ни одному совершенному существу в чувственно воспринимаемом мире ни в какой момент его существования даже на Западе, то уж тем более на Востоке оно не может быть доступно и являться практически необходимым этим простым труженикам прибрежного района Японии.

Даже зная хорошо японский язык, я не смог им растолковать те категории, к которым мы привыкли на Западе. Что уж говорить об осуществлении высшего блага в мире в качестве необходимого объекта воли, определяемым моральным законом как о первом условии высшего блага.

Мне показалось по выражению их глаз, что сказанные мною слова были не совсем поняты моими слушателями, и я подумал, что, чтобы полнее отобразить свою мысль, я должен уйти от абстрактной философии и больше воздействовать на область их чувств, вызывая в их воображении более конкретные образы, но, тем не менее, сделал ещё одну попытку.

Я стал говорить им о понимании Гегелем мудрости и святости, а также о высокой истине субъективности Бога, которая проникает в нас в своём непосредственном виде, в виде света и образа самого яркого носителя этого света, а именно, Иисуса Христа.

Но и тут я видел, что они понимают меня плохо. Вдруг я вспомнил слова Николая Кузанского о свете. Я заговорил уже более вдохновлённо с учётом восточного менталитета и их представления о строении мира из пяти первоэлементов.

Я сказал:

– Как вы знаете, в мире существуют пять составляющих, которые связывают наш мир в единое целое. Это – огонь, вода, дерево, металл и земля. Взаимодействия этих составляющих даёт жизнь и энергию. Давайте рассмотрим отношения между землёй и огнём. Кузанский говорил, что земля относится к огню, как мир к Богу. У огня в этом отношении к земле поистине много схожести с Богом; его потенции нет предела, он на земле всё производит, всё пронизывает, всё озаряет, различает и формирует через посредство воздуха и воды, так что все порождения Земли – суть как бы все новые и новые действия огня "ки", а формы вещей "ри" разнообразны оттого, что по-разному отражают один и тот же огонь. Правда, огонь погружён в вещи, без которых его нет, как нет земных вещей без него, и Бог вполне абсолютен: он как бы абсолютный пожирающий огонь и абсолютный блеск – свет, в котором нет тьмы, как гово-

рили древние. К его как бы огненности и блеске всё сущее пытается по мере возможности приобщиться, как видим у всех звёзд, где находим этот блеск в материальной определённости, а также различительный и пронизывающий блеск как бы в нематериальной определённости – в жизни существ, живущих разумной жизнью.

Это уже было ближе к их пониманию, и я заметил, что они начинают меня слушать более внимательно. Говоря это, я вдруг представил в своём воображении природу мироздания и понял, что она ничем не отличается от представления восточных людей. Более того, эти первоэлементы в моём внутреннем видении преобразились в неких бестелесных Ангелов: Ангела огня и света; Ангела воды; дерево и металл превратились в Ангела воздуха, а земля – в женщину, цветущую, с красивым женским ликом – Матерь-Земли. И все эти три ангела были в услужении у женщины, которая, вероятно походила на Богородицу.

Я посмотрел на Натали и мысленно сравнил её с Богородицей и Матерью-Землёй. И я увидел, что из всех собравшихся здесь людей именно она излучает свет, возможно, потому, что её светом была любовь. И ещё потому, что она была женщиной – самым совершенным существом на земле, способным рожать, так же, как это делает Матерь-Земля.

– В чём же разница огня "ки" и света "ри"? – продолжал говорить я словами Николая Кузанского. – Некоторые раскаляемые вещества устойчиво выдерживают огонь и способны вобрать в себя и его свет и его тепло, потому что их чистота позволяет им преобразаться в подобие огня, пускай в разной, большей и меньшей мере, а другие из-за своей нечистоты, даже если нагреваются, в свет всё-таки не превращаются. Так судья Христос сообщает Вселенной тепло сотворённого разума, после восприятия ею этого тепла различая сверх того и божественный умопостигаемый свет "ри", и через это его посредничество, Бог есть всё во всём, и всё пребывает в Боге, равняясь ему, как только возможно по способности каждой вещи; что-то благодаря большей цельности и чистоте способно воспринимать не только тепло, но и свет, а другое из-за не расположенности субъектов едва принимает тепло без всякого света.

И я подумал: "Обладаю ли я таким же светом, каким обладает Натали"? И усомнился в этой мысли. От Натали исходил природный божественный свет. Между ней и этим светом не было посредников, потому что её свет мог оплодотвориться, чего не способен был сделать свет мой. А это означало, что мой свет был не материальным, но тогда каким?

Я продолжал говорить:

– И ещё. Бесконечный божественный свет "ри" есть сама вечность и Истина, и, желая от него озарения, разумное сознание обязательно должно подняться над мирскими и тленными вещами и обратиться тоже к ценностям истинным и вечным. Интеллектуальный дух, действующий над временем и пространством как бы в горизонте вечности, не может, обращаясь к вечному, превратить его в себя, раз оно вечно, то есть нетленно. Однако поскольку он сам нетленен, то преобразается в вечную Истину не так, что перестаёт быть духовной субстанцией, а так что поглощается вечностью в уподобление ей. Поскольку Христос, как жизнь и Истина, отныне и навсегда бессмертен и жив, то обратившийся к нему обращается к жизни и Истине и, чем жарче обращается, тем выше от мирского и тленного поднимается к вечному, так что его жизнь оказывается сокрыта в Христе. Ведь добродетели бессмертны, правдивость пребывает во веки веков и есть так же Истина.

Так значит, – думал я, говоря эти слова, – я, как и Христос, обладаю не материальным, а лишь духовным светом, который несёт душе бессмертие и превращает наше тело в вечную бестелесную субстанцию. И чтобы стать вечным, нужно уподобиться Христу. Но удовлетворит ли меня такая жизнь? Жизнь без радости, без наслаждений? Я в какой-то мере уже обладаю интеллектуальным светом, и могу управлять своей духовной жизнью. И, наконец, мне предоставлена какая-то свобода. Сохраню ли я эту свободу, став одной лишь духовной субстанцией? Да, мой духовный свет не совершенен, в нём много личного, свойственного только мне, и он далеко отстоит от вечной Истины. Но он весь проникнут любовью к моей единственной в этом

мире женщине, которая пока ещё живёт и здравствует, и которую я могу любить самозабвенно, и быть, наконец, счастливым. Может быть, такая возвышенная земная любовь состоит из любви небесной?

Я смотрел в открытые ясные глаза Натали, и видел в них смысл своего существования. "Она жива, она любит меня, и пока я жив, я люблю её, пусть будет любовь скоротечная, проходящая, но именно она даёт мне столько счастья, что никакое вечное блаженство не может сравниться с ним. Обладать ею и отдаваться ей, проникать в её мысли и самому высказывать ей вещи, может быть даже глупые, над которыми она может смеяться. Но это и есть переплетение наших судеб. Пусть мы недолговечны в этом мире, подобные пузырям на воде, но наш блеск, наше отражение света есть самое радостное, что мы можем испытать в этом физическом мире, и пока мы в нём живём и ощущаем его, о какой вечности может быть речь? Пусть мы излучаем из себя разный свет, но, именно, он создаёт жизнь и движение, именно, он создаёт наш внутренний мир, нашу внешнюю и внутреннюю жизнь".

Думая так, я продолжал говорить другое, и эта двойственность меня убивала. Я не был ещё готов для возвышенной Истины:

– А обращение нашего духа совершается, – говорил я, – когда всеми своими разумными силами он через веру и стремление к чистой вечной Истине избирает её для любви и любит только такую Истину, предпочитая её всему остальному. Но горячо любить Христа – значит проникать в него духовным порывом, раз он не только желанен, а и есть сама любовь. И когда дух по лестнице влечения поднимается к самой любви, он проникает в глубину этой любви – не во времени, а над всяким временем и над всяким движением мирского чувства. Как всякий любящий пребывает в любви, так все любящие Истину – в Христе, и, как всякий любящий любит силой любви, так все любящие Истину любят её силой Христа. Поэтому никто никогда не познавал Истину, не имел в себе духа Христа. И как невозможно быть любовником без любви, так никому невозможно обладать Богом без духа Христова, потому что только силой этого духа мы и можем поклоняться Богу. Оттого неверующие, не обратившиеся к Христу, не вмещающие свет славы его преображения, осуждены на мрак и тьму смерти уже тем самым, что отвернулись от жизни, которая есть Христос. Только его полнотой насытятся все через соединение с ним в его славе.

И тут мне пришла в голову мысль: "А может быть, Натали и есть тот самый могущественный Бог в женском обличии. Ведь любовь земная не противоречит любви небесной. И как может человек испытывать любовь к Богу, если он никогда не испытывал любви к женщине?! Как он может увидеть небесный свет, если на земле он жил впотьмах? Может быть, правы тысячу раз православные священники, служа Господу, когда они имеют свои семьи, любят своих жён и своих детей. Может быть, именно от этого их любовь к Богу удваивает, утраивает их силы, потому что они несут ответственность перед Богом не только за себя, но и за свои семьи, и усиленную ответственность за своих прихожан, которые тоже имеют свои семьи и любят их. И их рассудок не такой эгоистичный и фанатичный, как у тех священников, которые принимают целибат. В них больше любви и человечности. В них больше теплоты и снисхождения. Именно через любовь к ближнему и любимому человеку можно направить свой рассудок на любовь вечную.

Я продолжал говорить:

– А теперь я бы хотел сказать несколько слов о свете рассудка. Для различающего восприятия видимого нужен двойный свет. Не дух зрения даёт имена цветам, а дух его отца, который в нём: этот дух, этот, исходящий из мозга, через зрительные нервы в глаз, сталкивается со встречным видом объекта, и возникает слитное ощущение; жизненная сила души удивляется этому ощущению и стремится различить его. Не тот дух различает, который в зрительном органе, но через него производит различение более высокий Дух.

И тут перед глазами у меня вдруг всё померкло. Всё куда-то провалилось, и меня окутала тьма, может быть, на некоторое время моё сознание отключилось, и я попал в неведомую мне сферу инобытия. Потом я так и не смог дать объяснения тому моему состоянию, которое я пережил. Как будто я потерял сознание, или у меня закружилась голова от чрезмерного перенапряжения. Я слышал свой голос, но ничего не видел. Как будто кто-то закрыл мои глаза. Такое я испытывал только единожды, попав в больницу, когда мне делали операцию. Как будто, говорил я, и вместе с тем, это был не я, а обособившаяся от меня сущность. Может быть, сам Николай Кузанский говорил тогда моим голосом:

– Бог доставляет все средства для влечения к нему. Жизненный дух действует, как различительная сила в духе зрения, а внешний свет даёт видимому способность быть видимым, однако зрение не воспринимает ни самого этого действующего в нём духа, ни света: свет ни из области цвета, раз он не цветной, и поэтому его нет нигде в подначальной глазу области. Свет оку не ведом, тем не менее, он приятен для взора. Как сила, различающая в зрении видимые вещи, есть способный к различию рассудок, так понимающая сила в рассудке есть интеллектуальный дух, а то, что освещает интеллект, – божественный дух. Этот свет есть начало, середина и конечная цель чувства: у чувств нет другой цели, кроме распознавания ощущаемого. Так что жизнь и совершенство, радость, успокоение и всё жизненное каждого чувства заключено в различающем духе. От него чувства имеют всё, что имеют, и когда их органы поражены и в них иссякает деятельность жизни, она не иссякает в различающем духе, откуда они снова принимают ту же жизнь, когда проходят омрачение или болезнь.

Я слышал этот голос, и вдруг понял, что я сам стал духом, я слился с этим духом, и постепенно стал различать вокруг себя разные цвета, вернее даже не цвета, а свечения. Сознание возвращалось ко мне, но это уже было другое сознание, одухотворённое внутренним светом. Я увидел всё помещение, светящееся мерцающим светом и головы моих слушателей, от которых исходили светящиеся нимбы разных цветов. Одни светились ярче, другие бледнее. От Натали исходил яркий темноватый свет, так же как от некоторых японских женщин и девушек. Всех ярче светились нимбы над головами монахов Мосэ и Хотокэ, но ярче всех светился нимб самого отца Гонгэ. Он был таким ярким, что затмевал все другие свечения и, возможно, освещал помещение этим мерцающим светом. Я знал, что, согласно восточной философии женщины должны излучать из себя свет «инь» (покоя), а мужчины свет «ё – ян» (движения). Может быть, поэтому мужской свет сиял ярче, чем женский.

Я продолжал говорить:

– Равным образом думайте то же об интеллекте, который есть свет различающего рассудка, а от него восходит к Богу, свету интеллекта.

"Но чем же отличается мужской свет от женского"? – говоря это, я спрашивал себя.

– Двигаясь так в своём беге путём, открывшемся на примере зрения, вы обнаружите, что наш вовеки благословенный Бог есть так же всё бытие существующей вещи, как различительный свет есть бытие ощущений, а интеллектуальный свет – всё бытие рациональной сферы. Что только от него у творения есть существование, жизнь и движение. Через его свет – и всё наше познание, так что не мы по-настоящему познаём, а он в нас.

Высказав эту мысль Николая Кузанского, я задумался. "Вот в чём отгадка, почему разнятся мужской и женский свет! – внутренне воскликнул я. – А это значит, что женщина является проводником божественного благословенного света, который создаёт всех нас мужчин, и преобразует нас. А это ещё значит, что мы являемся по отношению к женщинам вторичными существами. И получаем от Бога не прямой благотворящий свет, а лишь его производное – свет интеллектуальный, который нас погружает в рациональную сферу бытия. Нам только кажется, что мы умнее женщин, но, если рассматривать наши возможности с этой точки зрения, то мы, мужчины, обречены на вечные блуждания в этой своей рациональной сфере, и то, что мы видим вокруг себя, представляется нам полным искажением действительности. И вместо того,

чтобы прислушаться к голосу женского света, мы им навязываем своё видение этого мира. Этим мы подчиняем их себе и ведём к своим заблуждениям.

И я вдруг в какой-то момент понял, что отстранился от всех старых представлений о свете Божьем. Я как бы открыл в себе потаённую дверь, которая впустила меня в невидимый мир, некую "камеру скуру", из которой я мог наблюдать за всеми и проникать в их головы и мысли. В одни головы было входить довольно легко, в другие – труднее. Всё зависело от открытости человека, от его расслабленности и восприимчивости. Может быть, именно таким путём отец Гонгэ и проникал в чужие мысли. Мне показалось, что я очутился в голове одного японца, который смотрел на меня своим отстранённым взглядом и думал о своей шхуне и о завтрашнем путешествии вдоль побережья к острову Кюсю. Перед моим взором даже пробежали некие картинки его прошлых воспоминаний о поездках: то незнакомый мне небольшой порт в лучах заходящего солнца, то островок посреди бескрайнего моря, окружённого горизонтом. Его глазами я видел себя, стоящего на сцене, его ушами я слышал мой голос, произносивший речь:

– Заметим себе, что благодаря своим чудным делам Бог создал свет, превосходящий простотой прочие телесные создания и служащий той серединой между духовной и телесной природой, через посредство которой этот телесный мир, как бы через своё простое начало, восходит в духовный мир. В самом деле, свет переносит образы в зрение, благодаря чему форма чувственного мира восходит к рассудку и интеллекту и достигает в Боге своей цели. Исхождение мира в бытие тоже произошло таким образом, что этот телесный мир стал тем, чем он есть через причастность свету, и телесные вещи считаются тем более совершенными в телесном роде, чем больше они причастны свету. Точно также, творение, обладающее духом интеллектуальной жизни, тем совершеннее, чем больше причастно свету жизни, а творение, обладающее духом интеллектуальной жизни, – чем больше причастно свету интеллектуальной жизни. Бог есть не приобщаемый бесконечный свет, также светящий во всём, как различительный свет в чувствах; и разнообразное определение этого неделимого и беспримесного света являет разнообразие творений также, как разнообразное определение света в прозрачной среде являет разнообразие цвета, хотя сам свет с цветом не смешивается.

И тут вдруг моё сознание переместилось в голову девушки, сидящей недалеко от этого мужчины. Я видел её глазами ту же сцену, где продолжал говорить я, но чаще всего этот взгляд останавливался на молодом японце, сидящего недалёко от неё с краю переднего ряда, и перед этим взглядом тоже мелькали обрывки воспоминаний: то, как этот парень смеётся, развешивая на плетне связки дайкона, то как, стоя на складной лестнице, срывает жёлтые плоды хурмы и приветливо машет рукой. И всё это происходит на фоне моего голоса, который звучит без всякого смысла, подобно льющей музыке, потому что главное во всем этом действии – ни слова, не смысл, а любовь, простая земная любовь простой земной девушки к простому деревенскому парню. А всё остальное – канва этого действия:

– Отсюда вам видно и легко понять, что как цвет виден только через посредство света, или, иначе сказать, как цвет приходит к успокоению, и своей конечной цели, только в свете своего начала, так наша интеллектуальная природа не может достичь блаженного успокоения иначе чем в свете своего интеллектуального начала. Как не зрение различает, а через него различает различительный дух, так в нашем интеллекте, имеющем способность понимать от озарения божественным светом, его началом, не мы понимаем, и не мы сами собой живём интеллектуальной жизнью, а в нас живёт Бог, бесконечная жизнь. И вечное блаженство в том, что вечная духовная жизнь, превосходящая в несказанном ликовании всякий помысел живых существ, теснейше соединившись с нами, живёт в нас так, как в наших совершеннейших чувствах живёт различающий рассудок, а в чистейшем рассудке – интеллект.

Но вот её взгляд отразился от взгляда этого парня, и тут же потух, как бы исчез, но он не померк, а лишь преобразился в его голове. И я уже переместился в сознание этого парня, и уже с его угла зрения видел эту девушку, скромно опустившую глаза. И опять возник калейдоскоп

картинок их прошлых воспоминаний: девушка в красочном кимоно, любующаяся цветами во время весеннего праздника; улыбающееся девичье лицо на фоне залитого водой рисового поля; фигурка девушки в лёгком кимоно юката у бочки с горячей водой офуро. И всё это видение было вызвано одним блеском девичьих глаз ответной любви, на фоне которой опять звучал мой голос:

– Нам ясно, что неведомый Бог влечёт нас к себе, побуждая светом своей благодати. Его невозможно обрести иначе, чем если он явит себя сам. Но он хочет, чтобы его искали, и хочет дать ищущим свет, без которого они не могут его искать. Хочет, чтобы искали, и желает, чтобы нашли, поскольку хочет открыться ищущим и явить сам себя. Его поэтому ищут тоже с желанием обладать, и бег умозрительного искания ведёт бегущего к покою и начальной цели движения тогда, когда желание ищущего максимально. Мы верно идём к достижению премудрости, лишь если полны величайшего стремления к ней. Ища так, мы ищем верного пути, где она несомненно откроется, явив сама себя. И нам не дано никакого иного пути, и никакого другого пути не завещано нам во всём учении стяжавших премудрость святых.

И тут меня осенило: только что я обрёл новый дар. Я научился входить в чужие мысли и чувства. Я мог входить в головы людей и проецировать их мысли и чувства в свой мозг, проникать в их сознание. Я неожиданно для себя овладел искусством познавать Истину одновременно с разных ракурсов и уже видеть её не субъективно, а реально исключая квази-объективное содержание эмпирического опыта и теоретического понимания. Каким-то чудом я приблизился к восприятию той Истины, о которой мечтал Аристотель, когда в её понимании происходило полное соответствие знания вещам, как видение вечного и неизменного абсолютного свойства идеальной квинтэссенции объекта, о чём так мечтали Платон и Августин, как соответствие мышления ощущениям объекта, которым бредил Юм, и наконец, как мечтал сам Иммануил Кант, как согласие мышления с самим собой, с его априорными формами. Истина, наконец-то, превратилась для меня в реальную правдоподобность как полное соответствие действительности в той очищенной форме, в какой воспринимал её сам Вседержитель.

"Неужели, – внутренне воскликнул я, – это случилось?! И я только что стал богом". Если я обрёл способность проникать в мысли всех людей, знать, что они думают, чего желают и как поступят, то я достиг самой высокой степени просветления. Но сравнялся ли я с Господом Богом? И тут я посмотрел на Натали с полной уверенностью, что проникну в её мысли и посмотрю на себя её глазами. Но не тут-то было. Я видел её прекрасное лицо, яркое сияние, исходящее от её головы, но проникнуть в её мысли я не смог. Я видел её улыбающийся немного ироничный взгляд, но войти в её голову я не был в состоянии. Она смотрела на меня хоть и с любовью, но немного насмешливо, и это останавливало меня. Она сама являлась для меня Богом, объектом, загадкой, которую я так и не мог разгадать. Любовь мешала мне это сделать, она прятала от меня её сущность и заставляла меня почувствовать свою ущербность.

И тут я понял, что я ещё очень далёк от совершенства. Я перевёл взгляд на монахов и на отца Гонгэ и испытал то же чувство бессилия, как и с Натали. Более того, я почувствовал, что их яркий свет подавляет свет, излучаемый мной. Я продолжал говорить истины, которые когда-то высказывал Никола Кузанский:

– Гордые, самонадеянные, мудрецы в собственных глазах, полагавшиеся на свой разум, в надменной заносчивости считавшие себя равными Всевышнему, замахнувшиеся на божественное познание, – все они заблудились, потому что преградили себе путь к премудрости, решив, что в ней нет ничего неизмеримого их умом, обессилили в своём суемудрии, привязались к дереву познания, не поняв Древа Жизни. И для философов, не почтивших Бога, не было иного конца, кроме гибели в своём тщеславии.

Да, это была горькая истина для меня. Я вообразил о себе нечто, что ни только не соответствовало Истине, но и было полным доказательством слов богослова, своего рода иллюстра-

цией порицания таких самонадеянных гордецов, как я. И он был прав в своих мыслях, которые я продолжал излагать перед слушавшими меня японцами:

– Но кто понял, что достичь премудрости и вечной духовной жизни можно, лишь если она будет дана даром благодати, и что по великой благости Всемогущего Бога он услышит призывающих его имя и они будут спасены, – тот достиг смирения, признал своё незнание и устроил свою жизнь как подобает стремящимся к вечной премудрости, а это – прославленная святыми жизнь добродетельных, неотступных в стремлении к другой жизни.

В этот момент я говорил больше для себя, чем для них, вспоминая слова великого мыслителя средневековья: «Вы понимаете тем самым, что никакая добродетель, никакое благочестие, никакой закон, никакой образ жизни не даёт нам праведности, при которой мы по заслуге получали бы этот высший дар. Из трудов, сопутствующих верному сподвижнику, мы можем почерпнуть знаки, по которым узнаётся не блуждающий, а идущий по пути. Кто всем желанием стремится познать вечную премудрость, тот ничего не любит больше её, боится пренебречь ею, в сравнении с ней всё считает ничтожным, вменяет ни во что и презирает, все силы посвящает тому, чтобы угодить возлюбленной премудрости, зная, что ей нельзя угодить, если связать себя другой, преходящей мирской премудростью или чувственными удовольствиями. Оставляя всё, он поэтому спешит к ней в пылу любви, как лань стремится к потокам вод, как подобная душа к Богу. Тогда не за какие-то совершенные нами дела мы удостоиваемся несравненного сокровища его славы, но он любит любящих его, потому что он есть милость и любовь, и отдаёт себя душе, чтобы она вовеки обладала им, наилучшим благом».

Я опять посмотрел в глаза Натали. Но в этот момент она смотрела на меня печально и с тенью некоего сожаления. О чём она думала в это время, мне было не известно. Я не мог проникнуть в её мысли. Её душа была закрыта от меня. Может быть, она думала о своей дочери. Я поразился тому, что между самыми близкими людьми всегда существует некий барьер. И чем сильнее любишь этого человека, тем больше он становится загадочным. Может быть, в этом и кроется один из законов любви. Мне нужно было уже заканчивать свою лекцию, которую, как мне показалось, поняли не многие. В завершение я произнёс последние слова, которые мне пришли на ум из трактата Николы Кузанского:

– Если мы пришли в этот мир, чтобы искать Бога, то из его имени у ищущих Бога, вы увидите, что какой-то путь его поисков существует. Если вступите на него, это будет ваш путь, и вы лучше поймёте, как он отраден своей высшей красотой и обилием увенчивающих его плодов. Упражняйтесь же в непрестанных делах и созерцательных восхождениях, и найдёте пажити все более богатые, подкрепляющие вас в пути и день ото дня всё более воспламеняющие ваше стремление. Наш разумный дух несёт в себе силу огня, он послан Богом на землю не для чего другого, как чтобы пылать и возрастать в своём горении. Он возрастает тогда, когда пробуждается удивлением, подобно тому как ветер, вея на огонь, раздувает его и переводит его возможность в действительность: постигая деяния Бога, мы удивляемся его вечной премудрости, и внешний ветер этих деяний и творений столь различной силы и действенности превращает наше стремление в любовь к Создателю и в созерцание его премудрости, чудно устроившей всё.

Говоря эти слова, я вдруг видел, как воодушевились души моих слушателей. Неужели, – подумал я, – я увлёк их в некую незнакомую для них сферу, где они жаждали обрести покой и просветление. Многие из японцев улыбались. Я вдруг радостно понял, что некоторые сказанные мною вещи проникли в их сознание.

– Но как начинать это делать? – спросили они меня.

– А начинать это нужно со своего тела, – сказал я, посмотрев на отца Гонгэ, который радостно кивнул мне головой. И я продолжил своё выступление:

– Иисус Христос рекомендовал людям голодание для очищения сознания и исцеления тела. Так в древнем манускрипте "Евангелие Мира от Иисуса Христа от ученика Иоанна" гово-

рится: "Наше тело – это храм божий, поэтому вы должны очистить этот храм, чтобы Владыка храма Бог Отец смог поселиться в нём и занять место, достойное Его. Чтобы избежать всех искушений тела своего и сознания своего, которые исходят от сатаны, удалитесь под сень Неба Господня. Возродите себя сами и воздержитесь от принятия пищи! Ибо поистине говорю Я вам: лишь постом и молитвой могут быть изгнаны сатана и зловредность его. Вернитесь в дом свой и поститесь в одиночестве, и пусть никто не видит, как вы поститесь. Поститесь же до тех пор, пока Вельзевул и вся порча не покинут вас, и все Ангелы Матери нашей Земли придут служить вам. Ибо поистине говорю Я вам: пока не совершите вы поста, – не освободитесь от власти сатаны и от всех болезней, исходящих от него. Поститесь и молитесь с усердием, от всего сердца, надеясь получить силу от Бога Живого и от Него исцеление своё. Во время поста избегайте Сынов Человеческих, а вернитесь в общество Ангелов Матери нашей Земли, ибо тот, кто ищет усердно, найдёт.

– Но мы не можем ради этого оставить свои семьи и своих детей, которых нам нужно кормить, – возразил мне один молодой мужчина, сидящий в первом ряду. – Ведь для того, чтобы долгое время поститься, нужно нигде не работать. А на что жить? Это нужно стать даосом, чтобы ничего не делать.

Я остановился в нерешительности, не зная, что ему ответить. Но тут же ко мне на помощь пришёл отец Гонгэ. Встав с места, он обратился к мужчине, прервавшему моё выступление:

– Прежде чем дораста до поста, вам нужно вначале покончить с обжорством и пьянством. А то вы сначала тратите деньги на sake, а потом их тратите на лекарство и лечение. Я знаю, что вы все часто болеете, и из-за своих непотребностей и излишеств теряете каждый сезон от недели до десяти дней, проводя их в постелях. Но если вы прекратите эти непотребности, и замените их воздержанием и постом, то больше сделаете работы дома и так поможете своим семьям. Поэтому давайте дослушаем умные слова нашего заморского гостя.

Сказав это, отец Гонгэ, сел на своё место и кивнул мне головой. Я продолжил свою речь:

– Ищите чистый воздух в лесу, или в поле, ибо в них найдёте Ангела воздуха. Разуйтесь и снимите ваши одежды, и пусть Ангел воздуха обнимает всё ваше тело. Потом дышите глубоко и медленно, чтобы Ангел воздуха проник в вас. Поистине, говорю вам: Ангел воздуха изгонит из тела вашего все нечистоты, которые осквернили его снаружи и изнутри. И тогда все плохие запахи и нечистоты выйдут из вас, как дым от пламени, который вьётся в воздухе и теряется в океане небес. Ибо поистине говорю Я вам, Ангел воздуха есть святой, он очищает всё осквернённое и превращает в нежный аромат всё, что испускает дурной запах. Никто не сможет предстать перед лицом Божьим, если Ангел воздуха не пропустит его. Действительно, всё должно обновиться через воздух и Истину, ибо тело ваше вдыхает воздух Матери-Земли, а дух ваш вдыхает Истину Небесного Отца.

И тут я, произнося эти слова, впервые подумал об отце Гонгэ как о Небесном Отце, а о Натали – как о Матери-Земли. Ведь не случайно же некоторые абстрактные символы в нашем представлении преобразуются в конкретные образы. Кем является отец Гонгэ для своих прихожан, если они называют его Воплощением? И кем являетесь для меня моя возлюбленная Натали, которая родила мне дочь и сможет родить ещё мне других детей? А Ангелом воздуха мне вдруг по аналогии представился монах Мосэ, который всё время куда-то стремится, подобно ветру и всегда с собой приносит что-то новое и чистое.

– После Ангелов воздуха ищите Ангела воды, – продолжал говорить я. – Снимите обувь вашу и одежду вашу и позвольте Ангелу воды обнять вас, всё тело ваше. Отдайтесь полностью в его руки, баюкающие вас, и столько раз, сколько дыхание ваше заставит колебаться воздух, пусть тело ваше, качаясь, колеблет воздух. Поистине, говорю Я вам, Ангел воды изгонит из тела вашего все нечистоты, которые загрязняют его как снаружи, так и изнутри. Но не думайте, что достаточно того, что Ангел воды обнял вас только снаружи.

Говоря эти слова, я посмотрел на монаха Хотокэ, который как никто подходил для роли Ангела воды, потому что он в разговоре подобно свежему холодному ручейку очищал и освежал мысли своими мудрыми и чистыми замечаниями. При разговорах с ним я внутренне ощущал очищение от всего наносного и привнесённого. А его принципиальная холодная рассудительность возвращала меня всегда в состояние реальности и заставляла смотреть на мои мысли и поступки более объективно и непредвзято. Есть в этом мире люди, к которым не может прилипнуть грязь, и более того грязь смывается от одного прикосновения к ней этих людей. К таким людям, вероятно, и принадлежал монах Хотокэ.

– Поистине, – продолжал я, – говорю вам, внутренняя грязь ещё более страшная, чем грязь наружная. Поэтому тот, кто очищается только снаружи, оставаясь нечистым изнутри, похож на гробницу, украшенную блестящей роскошью, но внутри наполненную грязью и нечистотами. Поистине, говорю Я вам, позвольте Ангелу воды осветить вас также изнутри, чтобы вы избавились от всех грехов прошлых своих, и тогда вы станете изнутри таким же чистым, как речная пена, играющая в лучах солнца. Чтобы достигнуть этого, достаньте большую тыкву, снабжённую опускающимся вниз стеблем, длинной в человеческий рост, очистите тыкву от её внутренностей и наполните речной водой, нагретой на солнце. Повесьте тыкву на ветку дерева, преклоните колена на землю перед Ангелом воды и введите стебель в себя, потерпите, чтобы вода потекла по всем вашим кишкам. Оставайтесь коленапреклонёнными на земле перед Ангелом воды и молитесь Богу жизни, чтобы он простил вам все ваши согрешения, и просите Ангела воды, чтобы он освободил ваше тело от всех нечистот и болезней, наполняющих его. Потом выпустите воду из вашего кишечника, чтобы с ней устранить всё, что происходит от сатаны, всё нечистое и зловонное. И вы увидите собственными глазами и почувствуете собственным носом все мерзости и нечистоты, которые осквернили храм тела вашего. И поймёте вы также, сколько грехов обитало в вас и терзало бесчисленными болезнями. Поистине, говорю Я вам, освящение водой освободит вас от всех болезней. Каждый день своего поста повторяйте это очищение водой до того дня, пока вода, истекающая из вас, не станет столь же чиста, как пена реки. Тогда погрузите тело своё в текучие волны реки и в ней, в объятиях Ангела воды, возблагодарите Бога за то, что он освободил вас от грехов. И это святое очищение Ангелом воды означает воскресенье к новой жизни. Ибо с этого времени глаза ваши начнут видеть, а уши – слышать.

Говоря это, я видел, как все прихожане слушали меня с большим вниманием и уже не отвлекались на свои побочные мысли. Их глаза словно приклеились к моему взгляду, и я почти на физическом уровне почувствовал, что через их взоры я посылаю в их души некий свет, нет, не мой личный, но свет яркий, который дошёл от нас через две тысячи лет от самого Иисуса Христа. Этот свет проникал в их головы, и свечение над их головами становилось ярче и однороднее.

– Однако, – заканчивал я свою речь, – после этого очищения не грешите больше, чтобы в течение целой вечности Ангелы воздуха и воды могли обитать в вас и служить вам в любой час. Но если после этого останутся в вас следы нечистот, учитывая ваши грехи прошлые, призовите Ангела света солнечного. Разуйтесь, снимите свои одежды и позвольте Ангелу света обнять ваше тело. Потом вдыхайте воздух медленно и глубоко, чтобы Ангел света смог проникнуть к вам внутрь. Тогда он изгонит демонов, подобно тому, как по возвращении хозяина домой грабители спасаются бегством из покинутого жилища, один через дверь, другой – через окно, а третий – через крышу – каждый спасается, как может; а также покинут тело ваше демоны болезни, все прошлые грехи, вся грязь, все хворобы, которые оскверняют храм вашего тела. И тогда Ангелы Матери-Земли овладеют вашим телом настолько, что Владыки храма смогут вновь войти в него; тогда все скверные запахи покинут в спешке ваше тело через дыхание ваше или через кожу вашу; загнившие воды изойдут изо рта вашего, через кожу, через органы выделения. И увидите вы все это своими собственными глазами, почувствуете собственным

носом, ощутите собственными руками. И когда все грехи и нечистоты будут удалены из тела вашего, тогда кровь ваша станет такой же чистой, как кровь Матери-Земли, подобно пене в потоке, играющей в лучах солнца. И дыхание ваше станет таким же чистым, как благоухание цветов; ваша кожа станет такой же чистой, как кожица фруктов, розовеющих сквозь листву деревьев; свет ваших глаз станет таким же ясным и блестящим, как сияние солнца в голубых небесах. И тогда все Ангелы Матери-Земли будут служить вам. И ваше дыхание, ваша кровь, ваша плоть станут единым целым дыханием, кровью и плотью Матери-Земли; и дух ваш также станет единым с Духом Отца Небесного. Ибо поистине, никто иначе не сможет достигнуть Отца. Отдавайтесь ангелам и боритесь с демонами, и помните, что на всё есть воля Божия.

Окончание моей речи было встречено бурными аплодисментами. Я получил всеобщее признание у жителей городка Ёсида, которые после этого стали называть меня меж собой Иесу-Курисуто, Иисусом Христом, так как моего духовного имени Хризостом никто из них не смог запомнить. Натали после этого выступления шуточно назвала меня Ангелом света.

Уже ночь в темноте мы поднимались в горы к храму Роккакудзи, над нами горел яркими огнями Млечный Путь. Натали с монахами Мосэ и Хотокэ ушли несколько вперёд, и я слышал их весёлый разговор и смех. Мы с отцом Гонгэ шли следом и разговаривали. Отцу Гонгэ понравилось моё выступление. Он говорил:

– Это хорошо, что вы в конце заговорили об ангелах, помогающих людям в их пути к просветлению. Народ привык в своих устремлениях опираться на конкретные образы. Вы заметили, что каждый из нас сияет своим собственным светом? У кого-то он ярче, у кого-то темнее. В этом Восток и Запад сходятся во мнениях. Даже на примере европейской культуры одни великие люди сияют своим ярким светом, другие же – отражённым. У одних – свет со знаком плюс "ян", у других – со знаком минус "инь". Это проявляется во всём: в музыке, литературе и искусстве. Например, Моцарт излучал свет "ян", а Сальери – свет "инь". Эту разницу света ещё можно сравнить с золотом и серебром. В русской поэзии Пушкин был золотым поэтом, а Лермонтов – серебряным. То, что светится радостью и призывает к счастью, можно назвать золотом, а то что погружено в печаль и переживания – серебро. В наших глазах ваш писатель Толстой является для нас светлым золотым писателем, а вот Достоевский – серебряным, излучающим тёмный свет, в нём чувствуется надрыв. Мы и о своих писателях так же судим. Для нас, среди наших основоположников современной литературы, Мори Огай является писателем со знаком "инь", а Нацумэ Сосеки сияет светлым светом "ян", он несёт нам надежду на счастье и покой. Наверно, поэтому японцы его портрет поместили на тысячеиеновой банкноте. Очень важно знать, каким светом мы сияем, несём ли мы людям радость или несчастья. Но каким бы светом мы не сияли, все мы являемся звёздами и движемся в одном направлении, как этот Млечный Путь, который в темноте нам помогает отыскать нашу дорогу.

Мы с отцом Гонгэ посмотрели на чистое ночное небо, залитое звёздным сиянием. И несмотря на то, что луны не было, вся местность была хорошо видна. Мы поднимались в гору к храму, туда, куда нас вёл Млечный Путь. Небесный свет освещал нам дорогу.

День четвёртый «Путь»

В полном слиянии Неба с Землёй -

Изначальной Истины суть;

Пришли в равновесие Вода и Огонь,

Родился Великий Путь.

Und Gott sah, dass das Licht gut war. Da schied Gott das Licht von der Finsternis und nannte das Licht Tag und die Finsternis Nacht. Da ward aus Abend und Morgen der erste Tag. Und Gott sprach: Es werde eine Feste zwischen den Wassern, und die sei ein Unterschied zwischen den Wassern. Da machte Gott die Feste und schied das Wasser unter der Feste von dem Wasser über der Feste. Und es geschah also. Und Gott nannte die Feste Himmel. Da ward aus Abend und Morgen der andere Tag.

Эту ночь я провёл с Натали в гостевом домике. Когда она уснула рядом со мной, я, глядя на её полубогажённое тело, подумал, что женщина похожа на цветок. Когда этот цветок закрыт, то он является для нас загадкой, и только в часы любви он раскрывается перед нами. И в этом цветке мы находим свой путь, своё продолжение и смысл жизни.

В жизни мы видим много цветов, наслаждаемся их ароматом, прикасаемся к ним, срываем, лишая их девственности, помещаем в сосуды с водой в своей комнате, а затем с печалью наблюдаем, как они вянут на наших глазах, теряя свою красоту и привлекательность. В этом мире всё преходящее: цветы, женщины, любовь, привязанность. Может быть, потому я так люблю её, что мы долгое время были в разлуке, но не настолько долго, чтобы мой любимый цветок успел увянуть. Смогу ли я сохранить к ней любовь на всю жизнь?

Мне вспомнился разговор отца Гонгэ, пред тем как мы расстались этим вечером. Он говорил:

"Между старостью и детством есть определённая связь. На старости лет человек опять превращается в ребёнка, а его время закольцовывается. В этом возрасте у него возникают те же привязанности, которые он имел в детстве. Так произошло, что моя любовь переключилась с волнистых попугайчиков на моих учеников. Волнистые попугайчики чем-то похожи на нас, на людей. Они тоже любят поговорить на своём языке. Слушая разговоры моих монахов, я вспоминал щебет птиц моего детства, и моё сердце наполнялось нежностью, как в те далёкие годы.

Мои ученики читают разные книги, но больше всего тратят время на разные праздные разговоры. О чём они только не говорят. Иногда я тайно наблюдаю за ними, подслушиваю их разговоры. У меня вызывают улыбку их рассуждения в дзэнском духе о притче о пятистах обезьянах, о том, что с помощью концепции «хондзи-суйдзюку» Конфуция и Лао-Цзы можно причислить к пантеону буддийских божеств; об их особом толковании девятого свитка сочинения «Дзодансю» («Собрание разных бесед»), написанного в 1305 году монахом Мудзю; о смысле буддийской ступы Гаутамы; о высшей милости богини Каннон; о благодати чтения сутр и так далее. Они наивно верят, что головные боли императора Гисирагава, правившего страной с 1155 по 1158 год, объяснялись следствием дурной кармы. Слушая их разговоры, я часто вспоминаю трели моих волнистых попугайчиков. Так иногда любовь к птицам переключается на любовь к ученикам".

Вспомнив эти слова отца Гонгэ, я подумал: "А вдруг я потеряю Натали, на что тогда переключится моя любовь?"

Мои мысли обратились к монахам, после того, как я вечером расстался с отцом Гонгэ. Некоторое время я провёл в их обществе, дожидаясь часа, когда мог незаметно пробраться к Натали в гостевой домик.

В темноте Хотокэ и Мосэ сидели на веранде своей хижины, спустив ноги во двор, и смотрели на звёздное небо, начинающееся сразу за кромкой кроны дерева, нависшего над хижинной. Половина неба была закрыта деревом, но другая юго-восточная половина, была достаточно хорошо высвечена звёздами, по ней проходил Млечный Путь. Казалось, если забраться на дерево, то можно коснутся пальцами Небесной Реки. Глядя на небо, Хотокэ дружелюбно заметил Мосэ:

– Я знаю, ты склонен к мечтательности. А у всех мечтательных людей рано или поздно начинаются галлюцинации. Им видится то, чего в этом мире не существует. В их сознании реализуется плод их воображения. Эти галлюцинации часто играют с ними злую шутку. Им наяву кажется, что что-то происходит, когда, в самом деле, ничего нет. Они начинают верить в иллюзию. Вот ты вообразил себе невесту, хочешь сорваться с места ради какой-то призрачной цели, и меня за собой тянешь. Может быть, откажешься от своего безумного похода на юг?

– Ты можешь со мной не ехать, – сказал Мосэ, мечтательно потянулся и, заложив руки на затылок, лёг на спину на дощатый пол веранды.

– Уже поздно, что-то менять. Учитель сказал, чтобы я тебя сопровождал, – ответил Хотокэ.

– Я не нуждаюсь в сопровождающих, – сказал Мосэ.

– А вот Учителю так не кажется. Кто знает, что с тобой может случиться в дороге. Я думаю, что ты вообще не в своём уме, если у тебя случаются видения.

Мосэ перевернулся на бок, уперев голову рукой, посмотрел на небо.

– Ты хочешь сказать, что ты знаешь этот мир? – спросил он Хотокэ.

– Ну, в какой-то степени я его знаю. Мне кажется, что никто не знает этого мира наверняка, – задумчиво молвил Мосэ, глядя на звёзды. – Часто мы не принимаем наши видения всерьёз, а может быть, как раз в такие моменты, мир перед нами и раскрывается. Вот ты во время медитации закрываешь глаза, и как бы отстраняешься от этого мира, рвёшь с ним всякие связи, стараясь проникнуть в пустоту. И вдруг происходит просветление – сатори. И перед тобой возникает свет другого мира. Ты как бы преодолеваешь границы и попадаешь в другой мир, мир не физический, а духовный, в котором совсем другие измерения. Даже учёным трудно понять, что такое материя, время и пространство. До сих пор они не могут в этом разобраться. Я уже не говорю о том, что они совершенно произвольно трактуют электричество, хотя им повседневно пользуются. Они приспособливают электромагнитные волны для своих нужд, не вникая в их суть.

– Они не понимают природы вещей, – сказал Хотокэ, – а пытаются нам объяснить мир и, как ты, утверждают, что знают этот мир, хотя ничего о нём не знают.

– Может быть, ты знаешь мир?

– Я тоже его не знаю, но хочу познать. Хаяси Радзан в своём сочинении "Ёрита Гэнно" – "Собрании сочинений Хаяси Радзана" на рубеже шестнадцатого и семнадцатого веков уже говорил: «Существует учение, согласно которому Великий Предел – это «ри» (строение), а «ин» и «ё» (тёмная и светлая энергия) – это «ки» эфир. В Великом Пределе имеется основа и «ин» и «ё», то есть, минус и плюс. В «ин» и «ё» также не может не присутствовать Великий Предел. «Пять постоянств» – это «ри», «пять первоначал – это «ки». На этом, видимо зиждется взгляд, согласно которому «ри» и «ки» неразделимы. Хотя это и означает, что я возвращаюсь к идеям Чжу Си, я буду твёрдо их отстаивать».

Высказав это, он зевнул. Далеко на юго-востоке из-за гор поднимался огромный багровый диск луны. Некоторое время оба монаха молчали. Молчание нарушил Мосэ, сказав:

– Весь этот мир наполнен тайнами. И Вселенная полна загадок, а наша земля – сосредоточенье этих тайн и загадок. Может быть, поэтому человек возник на земле, стараясь их разгадать.

– Да, – согласился Хотокэ, – во Вселенной очень много всяких чудес, и на нашей земле их не меньше. Ты только подумай, какие электромагнитные поля возникают на земном шаре. Вращение земли вокруг своей оси и вокруг солнца, вращение луны вокруг земли, движение земной коры, перемещение атмосферных потоков, геомагнитные поля – всё это порождает такие завихрения энергии, такие энергетические сферы, которые встретишь не везде во Вселенной. Вся материя, которая нас окружает, – это тоже энергия. И мы с тобой состоим из энергии, только у нас с тобой разные колебания. А представь, что есть такие существа, у которых колебания в тысячи раз быстрее, чем наши, или в тысячи раз медленнее. Тогда они становятся невидимыми для нашего глаза.

– Но тогда и мы невидимы для них, – улыбнулся Хотокэ.

– Вот именно! – воскликнул Мосэ. – А это значит, что вместе с нами существуют параллельные миры, которые находятся в том же пространстве, что и мы. Но мы о них даже не догадываемся. И может быть, наша энергия после нашей смерти перетекает в то их пространство, и начинает просто вибрировать с другой частотой.

– Но это уже из области фантастики, – усмехнулся Хотокэ.

– Вот когда ты смотришь телевизор, переключая с канала на канал, ты меняешь частоту воспринимаемой тобой энергии и не удивляешься. Почему же ты сомневаешься, что если мы научимся менять частоту своего физического состояния, то не сможем перемещаться в другие миры? Возможно, кто-то уже освоил это искусство и стал с нашей точки зрения бессмертным. Ведь что такое бессмертный? Или иными словами даос? Это тот человек, который научился управлять своей энергетикой, переноситься мгновенно на далёкие расстояния, исчезать и появляться, изменять погоду, превращаться в те или иные вещи. Такому бессмертному всё под силу, потому что не им управляет энергия, а он – энергией. Ему и воздуха не надо, потому что его энергия и есть его воздух. Недаром у нас в Японии живёт столько богов.

– Да, – согласился с ним Хотокэ, – Фудзивара Сэйка приблизительно в то же время сказал: «Японский путь богов также исправляет наши сердца, и высшей своей задачей синтоизм считает помощь народу и сострадание в его бедах; приверженцы Пути Юя и Шуня также считали это своей высшей задачей. В Китае такой Путь называют путём конфуцианства, в Японии – Путём богов; названия Пути разные, но его суть – одна».

– Вот видишь! – воскликнул Мосэ. – Это только доказывает наличие многообразия в мире.

Луна поднялась над землёй и приняла бледно-матовый цвет. Глядя на неё, Мосэ заметил:

– Я вполне допускаю, что сейчас Летающий Заяц находится на луне и в данный момент толчёт в серебряной ступке пилюли бессмертия.

Они оба рассмеялись.

Вскоре я их покинул и проник в гостевой домик к моей возлюбленной. В тот ночной час, лёжа рядом с ней недалеко от буддистского храма, я вдруг подумал о бессмертии, вернее, о том пути, который нас вёл к бессмертию.

Но что я представлял собой? И что представляла собой эта прекрасная женщина, спящая рядом со мной? Мы оба были маленькими пылинками огромного мира, дождевыми пузырьками, возникшими в океане жизни, отразившими его красоту и спешащими исчезнуть. Но этот краткий миг жизни нашего существования был наш, и он принадлежал только нам. И я вдруг ощутил всем своим существом реальность этого мира и полное наше присутствие в нём. Я подумал, что также, как не уничтожим этот мир, мы тоже не уничтожимы в нём. И если мы

присутствуем в нём в настоящем, то и в прошлом мы всегда находились в нём, и будем в нём и в будущем. Это, наверное, и есть вечность нашего присутствия в этом мире.

Я наклонился над Натали и поцеловал её в щёку. Она чуть пошевелилась, но глаз не открыла, не смогла пробудиться, выйти из состояния забыться. Через некоторое время и я погрузился в него.

Мне снилось, что я попал в воронку, которая постепенно сужалась и уходила в бесконечность. Эта воронка была похожа одновременно на чёрную дыру, на раскрывшийся цветок и на женщину, отдающуюся мужчине. В этой воронке, несмотря на то, что она сужалась, не было ни темноты, ни полумрака. Откуда-то струился свет, но не похожий ни на солнечный, ни на электрический, это был живой свет, как тёплый свет души, свет времени бесформенного существования. И этот свет вливался в меня, наполняя меня своей энергией и жизнью. Я чувствовал себя в нём как в чистом роднике, бьющем из самых глубин древности, где всё ещё было бесформенным и бестелесным. Этот свет походил на сон, а также на летучую материю, состоящую из света, из которой можно было лепить всё, что угодно душе. Я сам был частью этого света, постоянно изменялся и перевоплощался, повинуюсь скрытым порывам. И я подумал, что этот сон и есть моё возвращение к первоистокам, может быть, для того, чтобы его увидеть, нужно умереть, как мы умираем каждый раз, когда любим женщину, отдавая им частичку себя. Да, мы превращаемся в мельчайшие семена, корпускулы, растворяемся в этом свете, смешиваемся с другими частичками, меняем свою форму и становимся другими, вместе с тем сохраняя свою сущностную субстанцию.

Где-то растёт моя дочь, которую я ни разу не видел в глаза, но которая каким-то образом является мной в другой изменении, и она чувствует то же самое, что и я, и мы связаны с ней кровными узами, и если у неё будут дети и потомки, я тоже буду присутствовать в них. Поэтому мне так дорога эта женщина, которая лежит рядом со мной, полуобнажённая и прекрасная, потому что она является для меня Вселенной, через которую я могу проявиться и потом проявляться ещё тысячи и тысячи раз, и которая, также как и я, связана с прошлым и будущим. И нигде не обрывается эта связь. Потому что в это Вселенной есть живой свет, который формирует каждый раз нашу душу, и заполняет её собой. И вы в нём перерождаемся каждый раз человеком, птицей или животным. Мы становимся цветами, кустами, деревьями, странствуем в необозримом мире, заполняя всё жизнью. Тысячи раз умираем и тысячи раз рождаемся. Наша единая и единственная душа постоянно путешествует по свету, меняясь и перевоплощаясь. С ней мы плаваем, летаем, бегаем и ползаем, проникая во все уголки мира. Мы, обладая этим светом и этой летучей субстанцией, называемой душой, связаны с единым и вечным, с тем, что является в нашем представлении Богом. Мы сами являемся этим Богом, потому что мы владеем этим миром, являясь его частичкой и постоянно наличествуя в нём. Мы умираем и тут же воскресаем, мы постоянно проходим через эту воронку, напитываясь её энергией. Мы постоянно входим и выходим в этот мир через неё, но обретая каждый раз новую форму, мы отделяемся от этого света и используем только ту энергию, которую получили от рождения. И нам не понятно многое в этом мире, особенно те вещи и существа, которые также, как и мы, получают свою форму. Мы теряем связь с этим первоисток и строим догадки о том, что может выйти из этой воронки, которая связана, каким-то образом с Сокровищницей Вселенной. И те огромные деревья, которые последнее время начинаю исторгать из себя эту живую энергию, принимающую разные формы, нас заставляют задуматься, на какие чудеса способна ещё природа, которую мы совсем не знаем, потеряв с нею связь.

Тут я проснулся. Брезжил рассвет. В спальне ещё по углам прятались ночные тени. Голова Натали лежала у меня на плече. Я осторожно, чтоб её не разбудить, высвободил руку и опустил её голову на подушку. Затем я бесшумно встал с постели, быстро оделся и выскользнул из гостевого домика, чтобы не компрометировать свою возлюбленную.

Но тут я увидел монахов, сидящих в позе лотоса на веранде их хижины. Они сосредоточенно медитировали. На всякий случай я им поклонился. Возможно, что они меня заметили. Я прошёл к своей хижине и привёл себя в порядок.

Через некоторое время появился отец Гонгэ. Услышав его голос, я вышел к монахам. Он говорил им:

– Я договорился с одним судовладельцем, он возьмёт вас на борт своей шхуны и высадит близ Ибусуки. Сегодня утром капитан Тако направляется с грузом в Кагосима. Так что не теряйте времени, быстро собирайтесь и ступайте в порт Оцу-минато.

Увидев меня, он обратился и ко мне:

– Вы тоже можете с ними ехать и взять с собой американку. Завтрак я вам уже приготовил.

Гонгэ положил на пол веранды четыре коробочки бэнто – завтраки, завернутые в платок фуросики.

– Это всё, что я могу вам дать, – добавил он посмотрев на монахов, а потом на меня. – Если уж вы отправляетесь в дорогу, то вам придётся жить подаянием, как и полагается странствующим монахам, и заботиться о себе самим. Желаю вам благополучно вернуться ко мне. Буду молиться за вас.

– Учитель, – сказал, виновато опустив голову Мосэ, – простите, что из-за моей прихоти мы покидаем вас.

Отец Гонгэ улыбнулся и сказал:

– Если твоему желанию познания не дать свободу, то, я чувствую, оно сорвёт с фундамента весь этот храм.

– Что вы такое говорите?! – воскликнул, испугавшись, Мосэ.

– Да уж так оно и бывает, – ответил тот и продолжил, – один богач, обитавший где-то у горы Сиги кормил иногда мудреца какой-либо немудрёной пищей. Чтобы не нарушать своего уединения, мудрец неведомым образом направлял свою чашу богачу по воздуху, тот наполнял её чем-нибудь, и чаша тем же путём возвращалась обратно. Однажды богач сидел у себя в амбаре и, видимо, пересчитывал нажитое. Внезапно появилась чаша и, залетев прямо в амбар, остановилась перед богачом. Жадный богач не совладал с собой и в сердцах забросил чашу подальше в угол. Потом он вышел из амбара и запер его, забыв о чаше. По прошествии некоторого времени мудрец решил вернуть чашу назад. Его мистических сил хватило на то, чтобы вместе с чашей поднять в воздух амбар. Благополучно совершив перелёт на вершину горы, амбар приземлился поблизости от хижины мудреца. Летающий амбар видели многие люди, изумлялись от увиденного чуда и приходили в трепет, но мудрец совсем не считал себя сверхчеловеком. Жадный богач просил мудреца вернуть амбар на прежнее место, но тот решил оставить амбар там, куда он прилетел, содержимое же амбара, мешки с отборным рисом, он с готовностью вернул богачу тем же воздушным путём. Они взмыли в небо и подобно птицам перенесли на прежнее место. Мудрец проявил полное бескорыстие, несмотря на настойчивые предложения богача, он категорически отказался оставить себе больше риса, чем ему было нужно для пропитания.

Сказав так, он повернулся и ушёл.

– М-да, – задумчиво произнёс Мосэ, – как говорил Накаэ Тодзю в своём трактате «Окина мондо» – «Вопросы и ответы старика»: «Путь Великого учения состоит в высветлении светлой добродетели».

Солнце уже поднялось высоко и становилось жарко. Наскоро умывшись и помолившись, Хотокэ и Мосэ надели свою монашескую одежду, а мы с Натали собрали дорожные рюкзаки. Перед уходом мы хотели попрощаться с учителем, но в храме его не оказалось, и мы поняли, что приход настоятеля и был прощанием. Взяв посохи, монахи отправились в путь. Мы последовали за ними.

Через час мы добрались пешком до порта Оцу-минато. Судно уже собиралось к отплытию. Утренний бриз полоскал на мачте какую-то выцветшую тряпку, отдалённо напоминающую флаг. О ржавые бока шхуны бились невысокие волны. С Японского моря тянуло желанной прохладой. Средних лет капитан шхуны с трубкой во рту, но по виду больше походивший на обычного крестьянина, принял нас приветливо. Я узнал в нём одного из слушателей моей вчерашней лекции. Расплывшись в простодушной улыбке, он крикнул нам весело с корабля:

– Забирайтесь, ребята, места всем хватит. Если не утонем, то доплывём. За что же вас отец Гонгэ отправляет так далеко? Провинились, наверное? Едете замаливать грехи?

Монахи ему поклонились, мы с Натали помахали ему рукой. Затем мы поднялись на шхуну. Капитан, не сходя с мостика, показал нам пальцем наше место под тентом прямо среди укрепленных тюков и приказал матросу отчаливать. Монахи ещё раз поклонились, но продолжали оставаться на корме, наблюдая за действием команды. Мы с Натали устроились среди ящиков.

Вся команда судна состояла из капитана и двух человек, его помощников: молодого парня, которого я тоже видел накануне, лет двадцати двух и древнего старика, который едва передвигал ноги. Парень и старик обличем походили друг на друга, как будто это был один и тот же человек, только в разном возрасте. Глядя на них, вспоминалась сказка об Урасима Таро, рыбаке, который когда-то вышел в море молодым парнем и, заблудившись, вернулся домой уже седым стариком. Парень убрал сходни и отдал швартовые, старик запустил мотор, капитан стал выруливать шхуну из порта в открытое море. Через некоторое время, передав руль парню, капитан подошёл к нам и монахам, расположившимся возле нас, чтобы ближе познакомиться.

– Здесь в порту меня зовут Тако (осьминог). Такая моя кличка, – сказал капитан, подавая нам руку. – А прозвали меня так, не потому что я сдаю кровь, а потому что в любую бурю всегда могу удержать шхуну против любой волны. Эти два моих помощника – мой отец и сын, так что этот корабль – наш семейный. Возим всякие грузы на юг и на север, этим и живём. До Кагосимы будем плыть два дня.

– А почему ваш отец и сын не очень похожи на вас? – задал Мосэ не совсем корректный вопрос.

Капитан, рассмеявшись, ответил:

– Потому что я похож на осьминога.

Затем, немного подумав, ответил уже, как будто, серьёзно:

– Когда-то и я был похож на них, пока не попал в лапы чёрта.

– Как это? – удивился Мосэ.

– Был такой период в моей жизни, – сказал Тако.

– Ушёл в море, а вернулся, меня никто не узнал, так я изменился.

– Как Урасима Таро?

– Верно, – ответил Тако и опять рассмеялся. – Только находился я не в подводном дворце у Морского Дракона, а в подводной лодке пирата Тора, который грабил и топил суда в районе индонезийских островов. Захватил он меня на моей лодке в море, когда я рыбачил, лодку потопил, а меня взял к себе в рабство, матросом. Я же потомственный матрос. Мой дед воевал ещё с русской эскадрой адмирала Рождественского в русско-японскую войну. А отец, – он кивнул в сторону машинного отделения, – на подводной лодке топил американские и английские корабли в проливе Гуадалканал, что возле Австралии. Тора работал на Абурауси (Толстую Корову), может быть, слышали?

– Ещё бы не слышать? – охотливо отозвался Мосэ. – Я его сам разыскиваю.

– Поквитаться? – участливо спросил Тако.

– Нет, что вы! Я даже в глаза его не видел. Хотел спросить его об одном учении. Называется «Роккакурон» – «Учение шести углов». Может быть, вы его читали?

Тако покачал головой и сказал.

– Читать я его – не читал, но слышать о нём – слышал.

– От кого? – оживился Мосэ.

– От Тора. Он частенько нам о нём рассказывал, когда мы скитались по южным морям. Говорил, что это учение пришло откуда-то с юга. Может быть, из Калимантана или Бали. Это учение позволяло предвидеть будущее. А бандитам и пиратам, которые не могут полагаться на случай и рисковать, ох как нужно было такое учение.

– Значит, Тора занимается пиратством? – уточнил Мосэ.

– Раньше занимался, а сейчас сошёл на берег. Его подводная лодка затонула, когда ушла в рейс без него. Её потопили американцы, когда им надоело терпеть его разбой на море. Может быть, он в тот раз предвидел гибель экипажа и не поплыл с ними, не знаю. В то время я уже сбежал с лодки. Пока я добирался домой, прошло десять лет, меня никто не узнал, ни сын, ни жена, ни отец. Так я изменился. Когда занимаешься не своим делом, то всегда меняешься.

– И что это за люди такие, Тора и Абурауси? – спросил Хотокэ, до этого молчавший.

Капитан посмотрел на него и серьёзно ответил:

– Я думаю, что оба они – черти. Только один будет посильнее другого. Оба они связаны с нечистой силой.

– Почему вы так думаете?

– Однажды, когда я уже был в рабстве у них, мне довелось увидеть силу их колдовства.

– Какого колдовства? – удивился Хотокэ, начинающий проявлять интерес.

– Я видел, как они подняли со дня моря затонувшую русскую эскадру и ввели в порт Канадзавы. Это были настоящие военные корабли времён русско-японской войны. С заходом солнца корабли рассеялись, как утренний туман. Что-то там у них не сработало с колдовством. Многие члены банды утонули в заливе. Тогда наша подводная лодка находилась вблизи порта, нам даже удалось несколько бандитов спасти. Ходили слухи, что корабли им помешал удержать на плаву какой-то новый небожитель, появившийся из России, под именем Синий Дракон.

Во время этого разговора капитан вытащил свою чёрную трубку, набил её табаком и закурил. Едкий табачный дым стал стелиться за кормой, как из трубы океанского лайнера. Солнце стало припекать так сильно, что капитан предложил нам опустить тент ниже, и прилечь на ящики с товаром. Покурив, Тако выбил из трубки пепел себе в ладонь и сменил рулевого. Судно взяло курс на юг. На горизонте море и небо сомкнулись в единый путь.

Монахи произнесли слова молитвы: "Наму-амидабуцу". Хотокэ произнёс:

– И всё же странно, что он за десять лет смог так измениться, что его не узнали даже родные. Как это может такое быть?

Мосэ ему ответил:

– Изменения человека не зависят от времени, также, как и его дела. Как говорил Сато Иссай в "Записи раздумий" – «Гэнси року»: Небесный Путь совершается во времени, людские деяния от времени не зависят. Всё неизбежно. Невозможно ничего не приблизить, ни отодвинуть. Человек иногда, отрываясь от своих корней, полностью меняется, даже внешне.

Монахи развернули фуросики и пригласили нас с Натали позавтракать вместе с ними. Когда мы поели, и они выбросили коробки в море, то их тут же потянуло на сон. Развалившись на тюках, они тут же уснули. Мы с Натали уединились на корме в тени рубки и улеглись на палубе. Я обнял Натали за плечи.

– Ты не сожалеешь, что мы отправились вместе с ними? – спросил я, поцеловав её в шею.

– С тобой – хоть на край света, – ответила она улыбаясь.

– Незабываемое время мы провели в этом храме, – сказал я, – даже жаль уезжать оттуда. Такое чудесное и такое странное место. Но самое удивительное это – то, что мы там с тобой встретились возле того огромного дерева. Только сейчас я понял, что это – дерево жизни. Помнишь место из Библии, когда Ева дала вкусить Адаму плод с дерева познания? Этот плод Адам вкусил, но Бог, испугавшись, что Адам может вкусить также плод с дерева жизни, изгнал

их из Эдема. У меня сейчас такое чувство, что мы сами покинули этот Эдем, так и не вкусив плода жизни. Этой ночью мне приснился странный сон. Во сне я почти проник в тайну жизни, лёжа рядом с тобой, но потом мой сон прервался. И сейчас я понял, что знания о мире мы все получили, а вот, что такое сама жизнь, никто из нас до сих пор не знает. Если мы сейчас это разгадаем, то сможем обрести бессмертие. Там, возле того дерева у меня открылись необычные способности, мне почудилось, что я научился проникать в будущее, видеть и узнавать то, о чём раньше даже мечтать не мог. И эти два монаха могут помочь нам проникнуть в эту тайну. Это знаменательно, что здесь в этом уголке земного шара соединились Запад и Восток в своём стремлении понять, что же представляет собой природа, и что есть жизнь. Я думаю, что наступило время узнать все тайны, которые так долго скрывал от нас Бог.

Натали улыбнулась и с некоторой иронией в голосе спросила:

– Ты надеешься на это?

– Увидим, – уверенно ответил я.

Некоторое время мы лежали молча, пока сон не сморил нас, и мы спали как дети в люльках, убаюканные волнами.

Когда мы проснулись, уже стемнело. На небе зажгались звёзды. К нам подошли монахи и, сев на палубе, устремили взоры к небу. Слева, далеко на горизонте, проплывали огоньки берега. Небо и море быстро окутала тьма, лишь всполохи света сверху и снизу напоминали, что в этой тёмной массе существуют ориентиры пространства. Впереди на мостике маячила спина капитана, который, казалось, дремал, вцепившись в штурвал. Мотор монотонно работал. Отец и сын, вероятно, спали. Море было спокойное, корабль мягко скользил по набегаящим волнам.

– Чем будем питаться завтра? – подал голос Мосэ. – Завтраки мы съели, а ужина, как видно, не предвидится. Надо было пригласить на завтрак капитана, а то мы слопали всё сами, ни с кем не поделились, как-то некрасиво получилось.

– Это уж точно, – улыбнулся Хотокэ. – Поступили с тобой как невоспитанные свиньи и тут же завалились спать. Что капитан о нас подумал? С завтрашнего дня начинаем поститься, объявляем «танзики» – пост. Эту ночь проведём в молении прямо здесь в море под открытым небом. Такого ночного бдения посреди моря у нас ещё не было.

Повернувшись лицом к северу, они сели в позу лотоса и приготовились к медитации. Мы с Натали сидели чуть в отдалении и не мешали их бдению.

Но вскоре услышали за спиной шорох и обернулись. К ним подошёл сын капитана с подносом, где стояли четыре чашки.

– А где европейцы? – спросил он у монахов.

– Они спят, – ответил Мосэ. – Не буди их, проснутся сами поедят.

Сын капитана не заметил нас, мы оставались в тени.

– Меня зовут Исаму, – представился он монахам. – Дед просил меня передать вам еду, и европейцам – тоже.

Монахи поблагодарили и подняли с подноса свои чашки. Молодой человек скрылся в темноте, но тут же появился вновь, неся чайник и четыре кружки. Монахи, уплетающие рис за обе щёки, поблагодарили его во второй раз.

– Исаму-тян, – сказал Мосэ, когда тот собирался встать, – посиди немного с нами. Тебе не скучно такому молодому всё время проводить в море? У тебя, наверное, есть девушка?

– Да, – охотно ответил Исаму. – Она живёт в порту с родителями. Её зовут Юкико, может быть, слышали? Отец у неё рыбак. А сама она торгует в лавке овощами. Мы любим друг друга и хотим пожениться. Да вот только отец против этого брака.

– Почему? – удивился Мосэ.

– Да, уж очень они бедные, да и детей у них много в семье. Отец говорит мне, свяжешься с бедными, всю жизнь бедным проживёшь. Мы сами-то не богаты. Кроме меня у отца ещё две мои младшие сестры. Был ещё маленький брат, но год назад умер, уж очень хилым он родился.

Так что денег хватает только-только самим прожить. Отца десять лет с нами не было, дед нас растил, а сейчас он совсем старым стал, но вот и ему приходится работать. Но я всё равно на ней женюсь. Уж очень девушка хорошая, да и любит меня. Как только заработаю денег, так женюсь на ней. Но с отцом много не заработаешь, он всё себе забирает, то есть, не совсем себе, а в нашу семью. Так что у меня ничего не копится. Прямо не знаю, как быть дальше. Хотелось бы мне уже свою семью создать. Вот вам хорошо. Вам денег не нужно. Семей у вас нет. Живёте в своё удовольствие. Но вот я не пойму, как вы обходитесь без женщин. Ведь по канонам вам нельзя иметь связи с женщинами?

Мосэ с Хотокэ переглянулись и улыбнулись.

– Ты прав, – ответил Хотокэ. – женщин нам иметь нельзя.

– А как же вы терпите? – спросил парень.

– В этом и состоит смысл воздержания, чтобы одолеть свою плоть.

– Я бы так не смог, – заметил Исаму. – Мы с Юкико уже живём как муж и жена, но пока в тайне. Но жениться мне на ней всё равно скоро придётся, потому что она забеременела. Вот отец узнает, меня убьёт. Один раз мы уже переживали с ней. Думали, что залетели. Но сейчас уже точно, месяцев через семь родит ребёнка.

– А её не тошнит? – спросил Мосэ.

– Недавно два раза её вырвало. Я попросил её сходить к врачу, сдать анализы на беременность. Вот вернусь, узнаю результаты. Что-то у меня на сердце тяжело. Недобрые предчувствия.

– Пойди и откройся отцу, – посоветовал ему Хотокэ. – Конечно, он тебя поругает, но думаю, поженит вас.

– Да я уже сам об этом думал, – признался Исаму. – Вот вернёмся из рейса, узнаю результаты анализов и выложу ему всё. Пусть делает, что хочет, а я всё равно на ней женюсь.

– Ну и правильно, – сказал Мосэ. – Так и поступиай.

Исаму собрал с палубы их чашки и кружки и, поклонившись монахам, сказал:

– Вы уж не обессудьте, ужин европейцев я оставляю здесь, как проснутся, пусть поедят, а я немного посплю, а то отца у руля нужно будет сменить под утро.

Монахи поблагодарили его за угощение и пожелали спокойной ночи. Из-за горизонта поднималась кроваво-багровая луна.

– Ты только посмотри, – сказал Мосэ, указывая на луну. – Никогда не видел её такой красной.

– Это к непогоде, – заметил Хотокэ и добавил, – быть шторму.

– Быстрее бы добраться до Ибусуки, – вздохнул Мосэ.

– Завтра уже будем там.

– Но когда же мы доберёмся до истины?

– Как сказал Накаэ Годзю: «Наука о сердце – Путь движения от обыкновенного человека к мудрецу», – ответил ему Хотокэ.

Монахи поправили свои одежды и углубились в медитацию.

Мы продолжали оставаться в тени. Натали и в самом деле дремала у меня на плече. А я думал об этом пареньке Исаму и его невесте Юкико, в головы которых накануне мне удивительным образом удалось проникнуть.

Прошло несколько часов. Луна поднялась высоко в небе и осветила всё море. Волны плавно перекачивались по бортам, стоял штиль. Звёзды из-за света луны сияли не так ярко. Но зато само море как бы ожило под действием лунного света. Волны играли бликами и переливались, за кармой на воде тянулась небольшая белая полоска следа от судна. Море источало из себя таинственное сияние и ласкало взгляд своей сонной красотой. Мосэ и Хотокэ, казалось, почти слились с предметом своего созерцания и растворились в нём. Сзади них опять послы-

шались шаги, они обернулись и увидели в лунном свете седого старика. Шаркающей походкой он подошёл к ним и присел на корточки:

– Вы чего не спите ребята? – спросил он. – Выспались днём?

– Да, отец, – ответил Мосэ, – вот люблю себя ночным морем.

– Ну-ну, любуйтесь, – сказал старик. – А у меня что-то кости ломает.

– Наверное, к перемене погоды.

– Успеть бы нам доплыть до места, а то шторм разыграется, – заметил старик.

– Если будет сильный шторм, та ваша посудина выдержит? – спросил старика Хотокэ.

– Чему быть, того не миновать, – ответил тот. – Я вот пережил тихоокеанскую войну, а в то время уцелеть было значительно труднее. Так уж повелось, кому назначен смертный час, тот никуда от него не денется.

– Но почему же, – не согласился с ним Мосэ, – всё зависит от самого человека. У каждого человека есть выбор.

– Выбор – выбором, а судьба есть судьба, – ответил тот. – От своей судьбы не уйдёшь.

Мосэ ему не стал возражать. А старик, как бы продолжая эту мысль, начал свой рассказ:

– В то время я служил ещё молодым на подводной лодке «I-26». Помню середину ноября семнадцатого года правления Сёва, когда мы дрались с американцами за Гуадалканал. Вот было тяжёлое время, никому не желаю пережить ту войну ещё раз. В октябре у нас там, на острове полегла вся 2-я дивизия, а в первой декаде ноября была переброшена 38-я дивизия. Ребята сражались как черти, но у них кончались боеприпасы и наши решили отправить несколько транспортов под прикрытием военных кораблей. Бои шли в проливе Железное Дно, куда и направили нашу подлодку. Разведки у нас и у американцев работали хорошо, мы знали о каждом шаге друг друга. Только за одну ночь мы потеряли линкор «Хиэй» и два эсминца, американцы потеряли крейсер «Атланта» и четыре эсминца. Тот день 14 ноября выдался особенно жарким. Американские самолёты с аэродрома Гендерсон и авианосца «Энтерпрайз» атаковали наши корабли и потопили крейсер «Кинагуса», мы это услышали по радио и пришли в такую ярость, что готовы были драться с американцами врукопашную. А американцы атаковали нас ещё и своим флотом и потопили линкор «Кирусима» и ещё один эсминец. После боя они вели свои повреждённые суда на ремонт в доки. Мы вошли в пролив Железное дно и сразу же были атакованы глубинными бомбами с эсминца «Стерретт». Выждали немного и, всплыв, увидели крейсера «Сан-Франциско» и «Джуно». Так вот, мы выпустили все свои торпеды по «Сан-Франциско», но они прошли по носу его и попали в борт «Джуно». Тот сразу же затонул, никто не спасся. Вот как бывает, целились по одному, а попали в другого. Так что судьба сама решает, кого забрать, а кого оставить.

Мосэ и Хотокэ молчали, задумавшись. Старик продолжил:

– В этом проливе кроме нас находилось ещё четыре наших подлодки. Так американцы от злости так проутюжили глубинными бомбами этот пролив, что не осталось ни одного нетронутого метра. Две наши подлодки были потоплены, а мы уцелели. Вот что значит судьба.

Монахи молча слушали старика.

– А вот другой случай, – продолжал старик, вдохновлённый вниманием слушателей. – Когда мы воевали за Гуадалканал, в тоже время будущий президент США Джон Кеннеди служил простым капитаном на торпедном катере и выходил в ночное время на задание, чтобы помешать нашим переброскам боеприпасов, техники и живой силы на остров. Американцы называли наши ночные поставки «токийским экспрессом». Однажды ночью в полной темноте наш эсминец на полном ходу протаранил торпедный катер Кеннеди, который взорвался и тут же пошёл ко дну. Представляете, сам Кеннеди был на капитанском мостике, удар пришёлся в середину катера и расколол его надвое, и, тем не менее, Кеннеди спасся, выплыл на берег и некоторое время скрывался в джунглях, потому что эта местность контролировалась нашими солдатами. Местные туземцы помогли ему добраться до американцев. Пережив такие ужасы и

опасности, он всё же остался живым, вернулся на родину, стал президентом страны и послал своих людей на луну. А погиб он в мирное время на вершине своего могущества от пули в Далласе, окружённый своими людьми, которые его охраняли. Вот что значит судьба.

Мосэ и Хотокэ сидели задумчивыми. Старик, глядя на них, покачал головой, встал и сказал.

– Ну, бывайте, ребятки. Спокойной ночи. Пойду, попытаюсь заснуть, а то мне уже трудно работать, устанешь за день, а сна нет. Не по мне уже эта работа.

– Спокойной ночи, – монахи поклонились старику, – и спасибо за угощение.

– А, чего там, – махнул рукой старик и поплёлся в машинное отделение.

Когда он ушёл, то Натали проснулась. Я предложил ей подкрепиться, но она отказалась, я тоже не испытывал голода.

Монахи же решили вздремнуть, и разместились прямо возле тюков на палубе под тентом. Там они проспали до утра. Мы же, выспавшиеся днём, глаз не могли сомкнуть, проговорили до утра.

То, о чём мы с ней говорили, так или иначе определило всю нашу судьбу и наши взаимоотношения. Сейчас по прошествии определённого времени, я не знаю, стоило ли мне тогда говорить с ней обо всём этом, или нужно было уклониться от темы разговора. Я опять вспомнил мой ночной сон. Вспомнил воронку, похожую на цветок и женщину, и то, что очутившись в этой воронке я чуть было не познал самую сокровенную тайну природы. Мне вспомнился отрывок из книги одного любимого мной писателя, но я никак не мог вспомнить названия этого произведения. Он писал о некоем отвлечённом таинственном пути в недра. Может быть, он имел в виду то же самое, что привиделось и мне прошлой ночью. Ведь и он тоже всматривался в чашечку голубой лилии и сравнивал её с устами женщины, и не только с устами. И он тоже шёл светлой тропой снов к затаённым сумеркам недр цветка. Душа его заглядывала в те врата, где явление становилось загадкой, а зрение – проведением. И перед ним тоже отворилась та чашечка цветка, став необычно огромной, как врата небесного дворца, и он погрузился в прекрасную бездну мира, влекомый чарами, – туда, где всякое ожидание должно было исполниться и всякое прозрение стать истиной. То же самое произошло и со мной прошлой ночью. Но жаль, что утро прервало моё путешествие. И сейчас, лёжа рядом с моей любимой женщиной на палубе плывущей по волнам шхуны и всматриваясь в звёздную глубину Вселенной, я страстно захотел повторить это путешествие.

Небольшое облачко закрыло луну и небо сразу потемнело, в темноте явственно проступили звёзды.

Я обнял Натали за плечи и за талию и поцеловал её в губы. О, эти уста, открывающие Вселенную! Как там говорил этот писатель? "Всякое явление на земле есть символ, и всякий символ есть открытые врата, через которые душа, если она к этому готова, может проникнуть в недра мира, где всё становится единым. В этих вратах за этими символами обитают дух и вечная жизнь".

Я склонился над головой Натали и прошептал ей в ухо:

– Что ты чувствуешь?

– Бесконечность, – ответила она, глядя в глубину ночного неба.

В её глазах отражались звёзды. Она сама была скрытым продолжением этой Вселенной.

– Ты думаешь, нам удастся постичь Истину? – спросил я её.

– Не знаю, – ответила она, – но я не верю в мистику. Только наука нам поможет объяснить многое.

– Ты веришь в науку? – спросил я.

– Только она может примирить всех в сфере мышления.

– Или рассорить, – возразил я ей.

Она улыбнулась и заметила:

– Ты думаешь, что эти буддисты способны открыть Истину? Но ведь они принимают существование за истинное зло. Для них всё существующее – лишь призрак. Верховное бытие для них – пустота бесконечного пространства. Переходя от одной степени к другой, они достигают высшего конечного блаженства несуществования, в котором находят полную свободу. Но разве это истина?

– А что же это? – спросил я, смеясь и подраживая её.

– Не знаю, – ответила она вполне серьёзно. – Но думаю, что до истины может докопаться только наука. Ведь наука, как говорил Герцен, это – тоже всё познающий дух, опирающийся на сферу мысли и разума, где истина есть предлежащая разуму действительность. Наука освобождает сущее от случайности, внося свет во мрак, раскрывает вечное во временном, бесконечное – в конечном и признаёт их необходимое существование. Наука растворяет в себе личность, она безлична, как и сама истина, и поэтому не впадает из-за крайностей в непоправимые ошибки. А в буддизме часто субъективность доминирует над объективностью. Для человека наука – это момент, по обеим сторонам которого жизнь; с одной стороны – стремящаяся к нему – естественно-непосредственная, а с другой – вытекающая из него созерцательно-свободная. Да, в науке постоянно идёт борьба идей и гипотез, но сама наука является вечным посредником, примиряющим противоположности обличем их единства. Она примиряет их в себе и собою сознанием себя правдой борющихся начал.

– Но в буддизме происходит то же самое, – возразил я. – Взять хотя бы учение школы Хуаян, где в конечном итоге все противоположности сходятся, а вся материя, при ближайшем рассмотрении, оказывается пустотой. Так что я не вижу никаких противоречий между наукой и буддизмом.

– А я вижу, ты решил меня позлить, – сказала Натали, рассмеявшись.

– Давай произведём такой эксперимент, – вдруг предложил я, – заключим своего рода пари, я буду болеть за монахов, а ты за – НАСА, посмотрим кто из них быстрее сможет постичь истину и овладеть ситуацией.

Натали приняла это пари. Только после того, как мы заключили его, я подумал, что совершил большую глупость, потому что весь мой жизненный опыт подсказывал мне, что женщине никогда нельзя противоречить. И так-то мужчины и женщины принадлежат к разным мирам, уже сама физиология нас разделяет, поэтому мужчина должен всегда стремиться сблизиться с женщиной, находить с ней общий язык, убеждать её, покорять своим умом, создавать для неё более прекрасный мир, чем он есть на самом деле. Я тут же понял свою ошибку и пожалел, что заключил с ней это дурацкое пари, потому что оно могло разделить нас на враждующие лагеря и привести к катастрофе. Я знал, что никогда не нужно спорить с женщиной. Спорить с женщиной, это – всё равно, что спорить с самим Богом, ибо женщина сама является всей Вселенной. И поэтому мы, мужчины, должны научиться говорить с женщиной на одном языке. Я робко попытался исправить положение, сказав ей:

– Давай абстрагируемся от науки и религии, посмотрим на знания как бы со стороны. Ведь в душе человека есть два источника поступления информации. Ещё древние китайцы говорили, что у человека есть две души: разумная (хунь) и телесная (по). Первая, по даосской концепции, связана с эфиром Неба, который находится внутри нас, и как бы является нашей интуицией, а вторая связана с эфиром земли, то есть, со внешнем физическим миром, над изучением которого и трудится наука. Китайцы говорили, что после смерти первая, лёгкая рассеивается в небе, а вторая, тяжёлая, соединяется с землёй. Так вот знания нам дают обе эти души, только смотрят они на вещи под разным углом, земная душа нас знакомит с формами реального мира, а небесная душа проникает в сущность этого мира. Земная душа нам рассказывает о физике, химии, биологии, строении материи, а небесная душа говорит об потенциальной энергии, заложенной в вещах и скрытых силах мира.

– Всё это – заблуждения, – ответила Натали.

– Но почему же, – робко возразил я ей, – представь только зарождение нашей Вселенной, когда возник этот физически мир после большого взрыва и стал расширяться, создавая пространство. Но ведь до этого физического пространства существовала точка, откуда всё вышло, так называемое, первоначало, исток всего сущего. Наука способна объяснить всё, что случилось после взрыва, но что лежит в основе Первоначала, она вряд ли сможет когда-либо представить, потому что нужно войти в другие координаты мышления. Понять, наконец, что такое антиматерия, если эта запредельная точка содержит её в себе. Но я сомневаюсь, что наука сможет понять антимир, свою полную противоположность реальности. Ведь такие понятия, как "ничто" и "нигде", всегда были для науки загадками и думаю, что с её координатами они так и останутся для неё белым пятном, вернее, тёмным пятном. Поэтому так или иначе, нам приходится абстрагироваться от действительности, чтобы проникнуть в ту точку, откуда вышли современные знания о мире. А это можно сделать только интуитивно, вспоминая те запредельные знания, которые нас выпихнули из той первоначальной точки, и в которую мы опять вернёмся, когда мир схлопнется.

– Но это же – абсурд, – заявила Натали, – все наши представления о мире будут до тех пор ошибочны, пока мы с помощью науки не раскроем все секреты мироздания. Только тогда мы объясним, что это за точка, и как она действует.

– Чжуанцзы назвал эту точку дворцом "Нигде", – заметил я и процитировал его слова:
И моя мысль в дворце том от всего бы отвлекалась,

И вместе с ней я мог бы уходить и возвращаться,

Не знала б она предела, куда б не направлялась,

И вместе с нею странствиям я смог бы отдаваться.

Натали рассмеялась и заметила:

– Ты – поэт, но не учёный. И все те, кто создают религии, тоже поэты, но не учёные. И мы всегда будем говорить на разных языках.

– Но Клод Бернар сказал, что он убежден, что придет день, когда физиолог, поэт, философ и теолог будут говорить одним языком и начнут понимать друг друга.

Натали улыбнулась и сказал:

– Но это будет ещё очень нескоро.

Мы замолчали. Близился рассвет. Лёгкая дремота смыкала наши веки.

И я понял, что у меня есть два пути удержания Натали возле себя: или я принимаю её точку зрения, даю ей возможность одержать над собой победу, и как бы становлюсь её рабом; или я убеждаю её в своей правоте, вновь завоёвываю её сознание, и безраздельно подчиняю её своей воле, как я однажды уже сделал во время нашего знакомства.

Я понял, что в этом мне может помочь только отец Гонгэ. И он тут же предстал передо мной, как будто вышел из того легендарного дворца "Нигде", существующего в моём подсознании. Он сразу же задал мне вопрос:

– Задумайся над тем, почему люди науки постоянно бьются над разгадкой Истины? И чем ближе они к ней приближаются, тем недоступней она им кажется.

Я пожал плечами.

– Для человека науки с его экспериментальными методами всегда всё будет непонятно и туманно, потому что он не видит цели, ради чего он познаёт этот мир. Познание ради познания – это заколдованный круг, который ничего человеку не принесёт, потому что с его точки зрения причина и цель жизни навсегда останутся непроницаемы для его разума. У него никогда не появится представления о цели мироздания. Он будет всегда двигаться к неизвестной истине, не подлежащей определению и остающейся для него недоступной. Так думали евро-

пейцы Огюст Конт и Спенсер. Но истина на Востоке была совсем другая. Истина пребывала у восточных людей в них самих, в началах их разума и во внутренней жизни их души. А душа для них была единственной божественной реальностью и ключом, отмыкающем Вселенную.

– Да! – воскликнул я. – Я так это и думал.

– Сосредотачивая свою волю в сердце, – продолжал отец Гонгэ, – развивая свои скрытые способности, они приближались к тому великому очагу жизни, которого назвали Богом. Свет же, исходящий из Него, освещал их сознание, приводил их к самопознанию и помогал проникать во все живые существа.

– Именно так! – опять воскликнул я, – я испытал уже влияние этого света и научился проникать в головы простых крестьян и рыбаков.

– Вот видишь, – сказал отец Гонгэ, – это только подтверждает истинность моих слов. Именно так поступали Моисей, Будда, Иисус, потому что они были воспитателями умов. Они будили спящие души и создавали вокруг себя совершенные общества. Но что нам даёт наука с её позитивизмом и скептицизмом? Она разрушает человеческие души, так как в своей основе даже не признаёт их существования. Она лишает нас идеала, веры, высшего света, без чего нет будущности человека, потому что нет ни энергии, ни воли, ни самой свободы души. Именно поэтому Истина недоступна человеку науки. Ведь вера, как сказал мудрец, это – мужество духа, который стремительно бросается вперёд, уверенный, что найдёт Истину. Насколько я знаю, даже у вас, христиан, дух – это единственная реальность, а материя – лишь его внешнее выражение, изменчивое, мимолетное. Она как бы является динамизмом духа в пространстве и во времени. Само творчество вечно и непрерывно, как сама жизнь. И сам человек – это производное духа. Ведь можно представить картину мироздания модели как микрокосмос, чем и является человек, который по своей тройственной организации разделён на дух, душу и тело. Он есть подобие и отражение макрокосмоса Вселенной – мира божественного, мира человеческого и мира естественного, который в свою очередь есть тело Бога, абсолютного Разума, соединяющего в своей природе: Отца, Мать и Сына, иными словам, сущность, субстанцию и жизнь. Вот почему, по-вашему, человек – образ и подобие бога, может стать его живым Глаголом. Ведь так же?

– Совершенно верно! – воскликнул я.

– Человек обладает искусством находить Бога в себе, – продолжал отец Гонгэ, – развивая тайные глубины и скрытые способности сознания. Человеческая душа бессмертна и развивается по нисходящим и восходящим линиям в зависимости от телесного или духовного существования. Перевоплощаясь, она эволюционирует, достигая совершенства, освобождается и возвращается к чистому Духу, к Богу, ко всей полноте Его Сознания. Так же как душа возвышается своей человечностью, так же она поднимается и над законами перевоплощения, когда начинает сознавать свою божественность. Всё то же самое происходит и на Востоке. Законы духовного развития для всех одинаковы. В духовном совершенствовании мы постоянно расширяем свой горизонт. Наша душа нацелена на бесконечность. Внутри нас раскрываются бездны бессознательного, из которых мы исходим, и в которые устремляемся. Нас очаровывает беспредельность, и мы испытываем блаженный трепет перед манящей целью необъятного пути к бессмертию, к небытию, к нирване. Мудрец говорил, что человек рождён в углублении волны, и не имеет представления о широте океана, расстилающемся впереди и позади него, но когда его тело поднимается над гребнем волны, то он успевает охватить взором весь необъятный простор океана и его величественный ритм, а взор, измеряющий глубину небесного свода, отдыхает в тишине лазури.

И тут на какое-то мгновение в моём представлении исчез образ отца Гонгэ, его заменила картинка. Я явственно увидел огромное море и плывущую в волнах фигурку Натали. Море бушевало, и головка Натали то поднималась на гребень волны, то опускалась в её впадину. От этого видения у меня сжалось сердце. И я подумал, что именно так Натали и плывёт по жизни

со своим духовным багажом, то поднимаясь на гребень своей духовности, то, под влиянием Майкла опускаясь в воронку. И для того, чтобы её вытащить из этой пучины, я должен напрячь все свои силы: интеллектуальные, психические, физические, ментальные, и переубедить её, обратить в свою веру, передать ей моё желание познать совершенную Истину, а не дроблённую научную, которая постоянно подвергается уточнению и исправлению.

Я вновь услышал голос отца Гонгэ, он говорил:

– Ты стоишь на правильном пути. Истина не доступна обычному человеку. Обычно ею владели мудрецы – Великие Мудрецы, Первые Посвящённые земли в тайны Неба. До сих пор отголоски этой Истины можно услышать, читая священные писания между строк во всех великих религиях. Нужно только найти их и понять. Все эти куски Истины, разбросанные по разным религиям, можно собрать в единое целое. Ведь все мудрецы, создающие эти писания, говорили об едином и об общем. Когда эта Истина у человека, посвятившего себя её поиску, развёртывается перед его духовным взором, то она совсем не похожа на те учения, которые дают эти церкви и религии, потому что их учения состоят из догматов. Но Истина не состоит из догматов, она подвижна и целостна, и её не стоит дробить догматами, потому что любое деление, как и в науке, отдаляет человека от восприятия общего и единого. Когда мы ощутим эту Истину, единую и неделимую, то перед нами откроется её скрытая сторона, потому что мы начнём проникать в неё, и не в её частички, а в её общее целое, и мы тут же увидим, как начнёт проявляться внутренняя сеть вещей, и познаем всю глубину трансцендентной Истины. В своей духовной практике, ты уже близко подобрался к тому порогу, за которым перед тобой откроется эта Истина, но тебе ещё не достаёт в твоей медитации глубокого внутреннего размышления и созерцания при полном отвлечении всех чувств от земных впечатлений.

Отец Гонгэ в ту минуту намекал мне на что-то так ясно и открыто, но я так и не понял его намёка. А если бы понял, то, может быть, предотвратил мою будущую личную катастрофу. В тот момент я был ещё непосвящённым в совершенную Истину, и мой мозг не был в состоянии считывать с текущей информации знаки будущих изменений и надвигающихся событий.

– Ты поднялся всего лишь на одну ступеньку, – продолжал отец Гонгэ, – ты научился проникать своей интуицией в головы и мысли простых людей, но тебе ещё не известно искусство приводить душу в сознательное соприкосновение с различными видами духов и умение влиять на них. Ты сам всё ещё стоишь на фундаменте ортодоксальной науки, хотя современная физика уже незаметно подошла к идее отождествления материи с понятием силы, что уже стоит близко к пониманию духовного динамизма. И учёные уже при объяснении света, магнетизма и электричества допускают наличие невидимой тонкой и совершенно невесомой материи, которая наполняет мировое пространство и проникает во все тела. Они называют её эфиром, делая робкий шаг по направлению к мировой душе. Учёные пребывают в замешательстве от этого открытия, потому что тоже приблизились к порогу, за которым открывается неизвестный им мир. И ты едешь с моими монахами к высоким деревьям для исследования этого мира, этой новой разумной жизненной силы, воздействующей изнутри, но каким-то способом отделившейся от форм и выбившейся наружу. На этом пути вам придётся разгадать много тайн, чтоб понять это явление. И первая из них – это то, почему эта энергия повела себя так на земле. Вам предстоит проникнуть во внутреннюю суть природы, которую можно назвать потусторонней по отношению к нашим физическим чувствам. Но без этой сознательной жизненной силы невозможно объяснить появление даже самой ничтожной органической клеточки в мире неорганическом. Сам человек является подобием Мировой Души и деятельного Разума, стоящий на пике своего развития среди всех других земных существ. Он раскрывает всю полноту божественной мысли гармонией своих органов и совершенством своей формы. Итак, вы должны проникнуть в потусторонний мир, в эту истинную отчизну души, где нет аналогий с земными понятиями, и где существуют свои законы, которые каким-то образом влияют на нашу земную жизнь в виде животного магнетизма, сомнамбулизма и различных вне бодрствующих состоя-

ний души, начиная с ясновидящего сна и двойного зрения и кончая экстазом. Перед вами раскрывается дверь в невидимый мир, и если вы подберете ключи к этой двери, то, входя в неизвестное, должны укрепить свой дух, потому что там, в этом неизвестном, к которому раньше вы стремились с помощью поэзии, музыки и литературы в поисках дуновения бессознательной эзотерики, вы можете столкнуться с такими чудесами, что всё ваше мировоззрение перевернётся, и вы почувствуете, если ни страх, то ничтожество и нереальность земной жизни. Перед вами откроется то потустороннее, в которое раньше вы отказывались верить. Я надеюсь, что вашей интуиции удастся подняться до сверхчувственных истин, не имеющих ничего общего с земным разумом, противоречащим его поверхностным представлениям того, что изольет на вас сверхсознание. Вы столкнётесь со сферой инобытия.

– Но не уничтожит ли нас эта сфера!? – испуганно воскликнул я.

– Я думаю, что нет, – ответил отец Гонгэ, – человек неуничтожим, а человечество представляет собой сферу сознания как частицу Мировой души. Если даже что-то теряет форму, оно остаётся в определённом коде навечно в общем информационном поле и может проявиться в любое время, когда настанет такая необходимость. Куда-то уходя, мы лишь продолжаем свой путь. Один ваш европейский мыслитель сказал, что каждая сфера бытия стремится к более высокой сфере, потому что благодаря своим откровениям и предчувствиям она уже достигает той сферы. Идеал, в какой бы форме он не был, есть только предвиденье, пророческое прозрение в это высшее существование, к которому стремится каждое живое существо. Это высшее существование бывает всегда более внутреннее по своей природе и более духовное. Внутренне это живое существо уже готовится к проникновению в высшую сферу. В этом ему помогает энтузиазм и экстаз – некие мимолётные взрывы глубин внутреннего мира души, похожие на извержения лавы из кратера. Вся жизнь человека и всего человечества только приготовление и преддверие к этой жизни духа. Человек идёт к этому многими ступенями посвящения. Он – как ученик жизни, который несёт в себе будущего ангела. Он работает над ускорением расцвета своей души, потому что божественная Одиссея не более как ряд метаморфоз, где каждая форма, как результат предшествовавших, является одновременно и условием для последующих форм. Божественная жизнь есть ряд последовательных смертей, когда дух сбрасывает свои несовершенства и свои символы и отдается растущей силе притяжения, исходящей из неизреченного Центра всех сил – "из Солнца разума и любви".

– Но я слышал, – перебил я отца Гонгэ, – что те сущности, которые проявляются рядом с деревьями с электронными ловушками, не всегда обладают человеческими свойствами, а иногда и враждебно относятся к человеку. Я полагаю, что они прорываются в нашу сферу из низшей сферы.

– Всё зависит от того, на что настроены эти ловушки, – ответил отец Гонгэ, – если они настроены на диапазон низшего мира, то они и будут извлекать в нашу сферу сущности низшего мира, который могут нас уничтожить как враждебную им субстанцию. Что я вполне допускаю, наблюдая за превалирующей в мире англо-саксонской моделью развития, которая насаждает насилие и духовное вырождение. В этом вы и должны разобраться. Человек по части тонкого мира ничего не знает. Мы даже не знаем хорошо нашу собственную сферу. Как говорил Ламартин, человечество подобно ткачу, работающему на станке времени с изнанки. Придет день, когда, взирая на другую сторону ткани, человечество узрит картину дивную и величавую, вытканную на протяжении веков его собственными руками, причём, само оно не видело ничего, кроме путаницы нитей на изнанке ткани. В этот день человечество преклонится перед Провидением, проявляющем себя в нем самом. Так что я считаю ваш путь к великим деревьям символическим и последовательным. Рано или поздно такое должно было случиться в истории человечества. Ведь Великие Посвящённые поэтапно подвели человечество к восприятию Высшей Истины. Как сказал один француз о том, что Рама указал человеку лишь вход в храм, Кришна и Гермес дали к нему ключ, Моисей, Орфей и Пифагор показывали внутренность

храма, Будда указал на сокровища этого храма, а Иисус Христос ввёл в его святилище. Вам же предстоит постигнуть умом суть этого святилища. И тогда придёт время духовного возрождения и социального преобразования, наука познает Истину, к религии вернётся ее нравственная мощь, а искусство творчества возродится, превратившись в одно гармоническое целое.

Вдруг меня разбудил резкий порыв ветра. Я открыл глаза и увидел серый рассвет и кружащиеся вокруг шхуны смерчи вихря. Натали рядом со мной не было. Я вскочил на ноги и едва удержался на палубе от сильного порыва ветра. Так начинался этот день.

День пятый «Дворец морского дракона «Рюгу»

Я в церковь не хожу. Молиться – не молюсь.

Что в этом проку?

Я вижу этот мир, и искренне дивлюсь,

И верю в Бога.

И если скажет кто, что рай и ад крошечный –

Его творенье,

Кивну ему, подумав, делом грешным,

Всё – заблуждение.

Und Gott sprach: Es sammle sich das Wasser unter dem Himmel an besondere Örtter, dass man das Trockene sehe. Und es geschah also. Und Gott nannte das Trockene Erde, und die Sammlung der Wasser nannte er Meer. Und Gott sah, dass es gut war.

Вдруг меня разбудил резкий порыв ветра. Я открыл глаза и увидел кружащиеся вокруг шхуны смерчи вихря. Натали рядом со мной не было. Я вскочил на ноги и едва удержался на палубе от сильного порыва ветра.

Держась за поручни, я огляделся.

Монахов, как видимо, тоже разбудил хлопок от резкого порыва ветра, сорвавшего тент над их головами. Тент, как гигантская птица, улетел в море. В лицо мне ударили струи ливня попеременно с солёными брызгами волн. Мне показалось, что я лечу в пропасть, но затем меня подбросило так, что я на некоторое время ощутил себя в воздухе. Вдруг потемнело. Схватившись руками за стропы грузового крепления, я огляделся. Было непонятно, день это или ночь. Бушевал шторм.

Я шаг за шагом, перебирая поручни руками, перебрался с кормы к центральной части шхуны к монахам, держащимся за канаты грузового крепежа.

– Где американка? – крикнул я, стараясь перекрыть грохот ветра.

– Не знаю, – сказал Хотокэ, – она же была с вами.

– Наверное, спустилась в кубрик, – сделал предположение Мосэ, – женщинам опасно оставаться на палубе в такой шторм.

Волны вокруг поднимались как горы. Казалось, ещё мгновение и стена воды накроет наше утлое судёнышко. Мотор судна работал с надрывом, в его работе слышались перебои. Тако стоял на капитанском мостике, стараясь всей своей тяжестью тела удержать руль и не завалить судно на бок. Держась за поручни, к нам с трудом пробирался Исаму. Порывы ветра валили с ног. Стараясь перекрыть вой ветра, Исаму призвал нас спуститься в машинное отделение. Палубу заливала вода.

– А американка уже там? – спросил я его.

– Не знаю, – ответил он. – Там – дед. Она, наверное, с ним, а я вот слежу за грузом, чтобы его не смыло за борт.

– Вам помочь? – спросил я его.

– Нет. И вы идете туда, – орал Исаму, – а то здесь вас смоеет с палубы к чёртовой матери. А я проверю крепления.

Мы, с большим усилием, преодолевая порывы ветра и держась за канаты, направились к спуску в машинное отделение. У самого входа в него нас накрыло такой сильной волной, что мы кубарем скатились вниз. В машинном отделении старик сутился вокруг работающего двигателя. Меня и монахов бросало из стороны в сторону, мы то приседали, то оказывались в воздухе, пол уходил из-под ног. Однако старик в этом ограниченном пространстве, казалось, чувствовал себя как рыба в воде. Он передвигался с ловкостью юноши. Ничего не осталось от его шаркающей походки. Все его движения были выверены, стремительны и точны. Он то переключал какие-то рычаги, то хватал маслёнку и заливал масло в какие-то отверстия, то гаечным ключом подтягивал какие-то болты. Его сноровке мог позавидовать любой бывалый моторист.

В машинном отделении Натали не оказалось.

– Где американка? – спросил я его, испытывая некоторое волнение.

– Её здесь не было, – ответил он, – я думал, что она с вами. Шторм начался так внезапно, что я не успел вас предупредить.

– Так где же она?! – в ужасе воскликнул я.

– Да вы не переживайте, – ответил старик, – она, наверное, спустилась в носовой кубрик. Мы её там и хотели разместить, но она предпочла остаться на палубе с вами. Нужно сходить туда и проверить, может быть, ей что-то нужно. Но вы не выходите сами, а то вас сдует с палубы. Внук освободиться, я пошлю его к ней.

Я немного успокоился.

– Сейчас всё зависит от этого мотора, – продолжал весело говорить старик. – Это – сердце корабля. Если он заглохнет, корабль погибнет.

– И мы вместе с ним? – спросил Хотокэ.

– Не исключено, – ответил старик. – Но бывали и другие случаи. Например, под Сайпаном наш транспортный корабль был потоплен американской авиацией, так трое солдат держались на воде трое суток, пока не утих шторм.

– А сколько солдат утонуло?

– Утонули все. Только эти трое и спаслись.

Глядя на весёлого старика, можно было подумать, что он вернулся в свою молодость, когда ещё служил на военном флоте и топил американские авианосцы.

– Сколько этот шторм продлится? – спросил его Мосэ.

– Не знаю, – ответил старик. – Главное, чтобы выдержал мотор, и не сломался руль. Сыну удавалось выводить корабль и не из такого шторма. За умение оставаться наплаву ему дали кличку Тако.

– Мы знаем, – сказал Мосэ, но в это время почувствовал, что его желудок подступает к горлу.

– У вас есть здесь туалет? – спросил он старика.

– Нет, – ответил тот. – Терпи.

Мосэ почувствовал, что ещё мгновение и его вырвет прямо на машину. Он бросился к лестнице и стал подниматься на палубу.

– Куда? – крикнул старик. – Вернись! А то смоеет, как щепку.

Но было уже поздно. Мосэ вырвался наружу в то самое время, когда его желудок содрогнулся от рвотных конвульсий. Он рыгал прямо на палубу, но вода тут же смывала всю желчь, которая из него выходила. Ветер мотал его по корме из стороны в сторону, катая как пустой бочонок. Когда ему, зацепившемуся за поручни, немного полегчало. Он в ужасе увидел гигантскую волну, накатившую на Исаму, который держался изо всех сил за канат разорванного креп-

ления. Половину груза уже смыло с палубы за борт. В мгновение ока волна оторвала Исаму от каната утащила с собой в морскую пучину.

Как только порыв ветра ослаб, Мосэ бросился к машинному отделению и кубарем свалился вниз с лестницы.

– Исаму унесло в море, – заорал он не своим голосом.

Старик замер, мгновенно оценивая обстановку, но затем проворно устремился к лестнице, приказав на ходу нам не высовываться наружу и следить за манометром, чтобы стрелка не зашкаливала красное деление.

– Как это произошло? – спросил Хотокэ Мосэ.

Но тот, вместо ответа, опустился на скамейку и схватился за голову. Некоторое время мы находились втроём в машинном отделении, затем к нам спустился Тако, отец Исаму, бледный как смерть.

– Как это произошло? – спросил он у Мосэ.

Тот, уняв в теле дрожь, ответил:

– Мне стало плохо. И я поднялся наверх. Вижу, Исаму держится за канат, а его прямо волной уносит в море. Меня тоже волной сбilo с ног, и я ухватился за поручни. А потом Исаму исчез в воде. Я ему никак не мог помочь. Меня чуть самого не смыло за борт.

Тако тяжело опустился на скамейку рядом с Мосэ.

– Этот проклятый шторм, – выругался он. – Так внезапно налетел на нас, что мы даже не успели подготовиться. И по радио нам ничего не передали, как будто его и не было на локаторах. Откуда взялась такая сила, в десяти метрах от корабля ничего не видно. Я сообщил в службу спасения, что человек за бортом. Будут искать. Нам самим может понадобится помощь, где-то трос управления руля заедает. Мы можем двигаться только прямым ходом с незначительным отклонением. Да, сейчас самое главное – удержать корабль против волны. Техпомощь и службы спасения придут сюда, когда шторм немного утихнет.

– А что с Исаму? – вымолвил Мосэ. – У него есть шанс спастись?

– Исаму-тян хорошо плавает. Отличный матрос. Но выжить в такой шторм шансов мало. Не знаю, если выберемся живыми, увидим.

– Нам тоже грозит опасность? – спросил побледневший Хотокэ.

– Я же сказал, что у нас заклинило руль, – ответил ему Тако. – В такой ситуации всё может случиться. Ну, я пошёл, а то за рулём мой отец, а у него уже не те силы, что были раньше.

Тако тяжело поднялся со скамейки и выбрался из машинного отделения.

– Зря мы пустились в такое путешествие, – сказал Хотокэ, – сидели бы сейчас в нашей хижине и горя бы не знали.

Мосэ ничего ему не ответил.

Через некоторое время в машинное отделение спустился старик.

– Шторм стихает, – сообщил он. – Исаму нигде не видно. Может быть, ещё и выживет. Не впервой купаться в море. К нам выслали катер береговой охраны. Наверное, возьмут на буксир. Что-то случилось с рулевым управлением.

– Знаем, – ответил Хотокэ. – Капитан нам уже сообщил.

Некоторое время все молчали. И тут неожиданно для всех Мосэ заговорил:

– Я видел, как огромный корабль упал с неба прямо в море рядом с нашей шхуной.

Хотокэ посмотрел на своего товарища как на сумасшедшего, однако старик отнёсся к его сообщению очень серьёзно.

– А как он выглядел? – спросил он.

– Он был огромным. Таких я ни разу не видел. Похож на двухкилометровую сигару. В окружности – как небоскрёб.

Старик задумался.

– Но странное дело, – продолжил Мосэ. – Этот корабль был похож на космический звездолёт. Может быть, он и вызвал такую волну, которая накрыла нас.

– Этот корабль ты видел после того, как Исаму смыло с палубы? – спросил старик.

– Нет, – ответил тот, – до этого.

– Упокой его душу, – произнёс Хотокэ слова молитвы, вытащив из рукава свои чётки. – Наму-амидабуцу.

– Об упокоении его души ещё рано думать, – вдруг произнёс старик.

– Это почему же? – спросил Хотокэ. – Вы полагаете, что он может быть жив?

– Всякое бывает, – уклончиво ответил старик. – Может быть, когда-нибудь он и вернётся, но меня уж точно не будут в живых, да и отца его – тоже.

– Почему это? – удивился Хотокэ.

– Но вы же слышали сказку об Урасима Таро, когда тот побывал в гостях в подводном дворце «Рюгу». Правда, туда его доставила черепаха, жизнь которой он спас, заплатив за неё деньги мальчишкам. Погостил он там некоторое время, вернулся домой, а родственников его уже не было в живых, и местность вокруг вся изменилась. Потому что прошло очень много времени, но он остался таким же молодым, как и раньше. Принцесса Ото-химэ на прощание подарили ему шкатулку, и просила ни при каких обстоятельствах не заглядывать в неё. Но он от отчаяния, что никого из знакомых не встретил, открыл шкатулку, из которой поднялся дымок, и волосы у него поседели, как у меня, и лицо стало морщинистым. Он превратился в старика.

Старик замолчал, как будто сожалел о своём былом прошлом.

– Но это же сказка, – сказал Хотокэ.

– Да, сказка. Но у нас во флоте был случай, очень похожий на эту сказку. Бои тогда шли уже за Окинаву, американцы бомбили Токио, а что делалось на Окинаве – вообразить себе трудно. Мы яростно сопротивлялись, потому что знали, что это – наш последний рубеж. Тогда вместе с камикадзе появились морские смертники – кайтэн. Их садили в торпеды или в мини-подлодки и они, управляя ими, топили вражеские корабли. Кайтэн также как камикадзе наводили ужас на американцев. Так вот, однажды двум кайтэн командование дало задание уничтожить вражеский линкор. Они сели в две торпеды и с миноносца были выпущены в цель. Все видели по полоскам на воде, что они приближаются к линкору. Но неожиданно перед самым бортом линкора они исчезли. Взрывов не последовало. Через несколько минут камикадзе потопил этот линкор. Командование решило, что кайтэн погибли, не дойдя до цели. Их имена внесли в списки героев, хранящиеся в храме Ясукуни. Родители одного кайтэн жили на полуострове Ното в префектуре Исикава, а другого – в Хиросиме. И вот прошло уже много времени после войны и вдруг недалеко от Ното взрывается американский военный корабль. Когда комиссия расследует это происшествие, то выясняется, что корабль был подорван торпедой кайтэн времён второй мировой войны. Разгорается крупный скандал. Соединённые Штаты ничего не могут понять, как их союзница Япония могла атаковать их военный корабль. В конце концов, приходят к заключению, что это была диверсия со стороны Китая, Северной Кореи или Советского Союза. Далее ещё интереснее. Возле Хиросимы рыбаки обнаруживают неразорвавшуюся торпеду, времён прошлой войны с живым кайтэн, сидящим в ней. Они вылавливают торпеду и доставляют в порт. Полиция допрашивает молодого человека, но он несёт такую околесицу, что его помещают в психлечебницу. Он рассказывает врачам, что во время атаки линкора, их обоих похищают люди из дворца Морского Дракона «Рюгу». Там их принимают в подводном дворце как почётных гостей, угощают sake и всякими морскими деликатесами. Оба кайтэн очень озабочены и недовольны. Они объясняют, что наверху идёт война, и им нужно принести свою жизнь на алтарь отечества. Но им говорят, что война уже окончена, Япония потерпела поражение, и их включают в команду корабля «Рюгу», который является как бы подводным авианосцем. Представляете?! Он несёт ещё какой-то бред, но его уже признают сумасшедшим и отправляют в психушку. Второй кайтэн, по-видимому, погиб, подорвав аме-

риканский корабль. Что произошло со временем, никто понять не может. Как они выжили и проявились после столь длительного времени? Один остался в живых, а другой погиб. Вот такие дела.

Мосэ и Хотокэ слушали рассказ старика с большим вниманием.

– А что его родители? Признали в нём своего сына? – спросил Мосэ.

– Дело в том, – ответил старик, – что родители того, что жил в Хиросиме, погибли во время атомной бомбардировки. А родители другого матроса приезжали для встречи с ним из Ното в психлечебницу Хиросимы. И парень по фотографии опознал их сына. Кстати, управляемый торпедный аппарат этого парня хорошо сохранился, хотя прошло уже много времени. Так вот, его выставили в качестве экспоната в музее японской военной техники времён второй мировой войны в токийском храме Ясукуни. Там вы можете его посмотреть.

Старик опять вышел на палубу. Двое монахов остались одни.

– Что ты думаешь обо всём этом, – спросил Мосэ у Хотокэ.

– Какая-то чертовщина получается, – ответил тот. – Чудеса, да и только.

– Никакой чертовщины нет, – уверенно заявил Мосэ. – Это ещё раз подтверждает нашу теорию параллельного мира. И время там течёт совсем по-другому. Оно течёт намного медленнее. Выходя из него, люди как бы сохраняют своё время. Поэтому считается, что существа, обитающие там, живут вечно. Для нас и в самом деле их жизнь кажется вечностью. Это так называемый вход в четвёртое измерение.

– Почему же они воруют людей из нашего измерения? – спросил Хотокэ.

– И в их жизни могут быть сбои. Ты только представь, что там нет размножения, и отсутствует женский пол. Может быть, происходит какое-то вырождение. И чтобы улучшить свою породу, они пытаются похищать у нас людей. Здесь всё логично.

При этих словах Хотокэ рассмеялся и сказал:

– Если всё, что ты говоришь, ни выдумки и ни плод твоего воображения, то из этого следует, что если бы ты попал туда, то всё равно бы рано или поздно умер бы. Так, значит, вечности не существует и в том измерении?

– Для мухи-однодневки наша с тобой жизнь тоже кажется вечностью, – ответил Мосэ.

– Как же ты тогда объяснишь мне тот факт, что когда молодой Урасима Таро открыл коробку, подаренную принцессой Ото-химэ, то сразу же превратился в старика?

– Я думаю, что у тех обитателей из другого измерения есть какой-то свой секрет, позволяющий им сохранять свою форму в нашем мире. Какие-то свои правила, при нарушении которых, всё их существование рушится. Это как законы физики. Может быть, существуют законы метафизики, которых мы с тобой не знаем. Но как бы там ни было, подобные случаи доказывают нам лишь наличие многослойности нашего мира и сложность понятия самой материи.

В это время в машинное отделение спустился старик и сдержанно сообщил, что побывал в носовом кубрике и американки там не обнаружил.

– Как?! – вскричал я, вскакивая с места. – А где же она?

Старик смущённо пожал плечами. Монахи молчали.

– И что же? Её нет на шхуне? Как это понимать? – спросил я с дрожью в голосе. – Куда она девалась? Что это всё значит?!

Я понял, что задаю бессмысленные вопросы, но я уже не контролировал себя, продолжая погружаться в отчаянье.

– Вы же сказали, что она находится в носовом кубрике.

– Я просто сделал предположение, – ответил старик, – но я не видел, чтобы она туда спускалась. Последнее время её видели всегда с вами, и думали, что вы о ней заботитесь.

Я от отчаянья прикусил губу, то тут на меня нахлынула новая волна возбуждения, и я закричал:

– Если она выпала в море, то её нужно спасать. Немедленно! В такой шторм трудно бороться со стихией.

– Мы уже сообщили в службу спасения, – сказал бледный старик, – сейчас эти службы ищут её и моего внука.

Я бросился вон из машинного отделения, взбежал по ступеням наверх, и очутился в объятиях бушующей стихии.

Держась за поручни, я вглядывался в накатывающие волны. И тут я вспомнил, как уже видел во сне голову моей возлюбленной, плывущую в океане. Это была подсказка отца Гонгэ, но я истолковал её совсем по-другому. Брызгами от удара волн меня окатывало с головы до ног. Я ощущал на губах вкус солёной морской воды, а может быть, и слёз. В какой-то момент я полностью потерял над собой контроль, и чуть было сам не бросился в пучину волн. Помню лишь, как силой меня увели с палубы старик и оба монаха, держа за руки. Несколько раз я пытался вырваться из их объятий. Потом всё потемнело в моих глазах. Возможно, что со мной случился нервных обморок, или я потерял сознание, стукнувшись головой о что-нибудь твёрдое, но боли не чувствовал.

Через некоторое время я очнулся, лёжа на топчане. Старик хлопотал у мотора, следя за приборами. Рядом со мной сидели оба монаха и участливо что-то говорили мне, пытаясь успокоить. Но их речь доносилась до меня как будто издалека. Некоторые отрывки фраз я понимал, но многие слова как бы пролетали надо мной, не проникая в моё сознание.

– Но разве можно доводить себя до такого отчаянья, – говорил Мосэ, обращаясь ко мне, как к своему лучшему другу. – От таких переживаний можно умереть.

– Мне всё равно, – промолвил я, едва шевеля губами.

– А что собственно произошло? – продолжал он. – Ведь нам ничего не известно о её судьбе. Где она? Что с ней? Мы ничего не знаем. Пока не обнаружат её тело, нельзя её считать погибшей. К тому же велика вероятность её спасения. Ведь её уже ищут. Так что не нужно отчаиваться, нужно просто набраться терпения и ждать, пока всё не прояснится. Может быть, она и не упала в море.

– А куда же она делась? – слабым голосом спросил я.

– Ну, мало ли куда, вы же не видели, что она оказалась за бортом. Может быть, она спряталась от бури здесь где-нибудь на шхуне.

– Но на шхуне нет так много места, чтобы где-то спрятаться, – возразил я.

– Возможно, она спряталась не на шхуне, – сказал Мосэ.

– Если не на шхуне, то где?

– Ну мало ли что придёт женщине в голову. А потом ночью её никто не видел. А когда началась буря, её уже не было нигде. Может быть, её взяла на борт летающая тарелка, я сам лично видел, как она упала с неба и погрузилась в море, перед тем как меня вырвало. Кстати, я слышал, что пришельцы с летающих тарелок часто похищают женщин, чтобы вживить им чип или зачать с ними эмбрион, который они потом извлекают, чтобы вырастить своего детёныша, похожего на нас.

– Что вы такое говорите?! – вскричал я возмущённо.

– Я просто делаю предположение, – ответил миролюбиво Мосэ, – мы же должны учесть все варианты. А может быть, она уже давно связана с пришельцами и является их тайным агентом на земле.

– Не говорите ерунды!

– Но она каким-то образом же исчезла со шхуны, – заметил Мосэ, – и я думаю, что это она сделала очень необычным способом, раз никто из нас не заметил её исчезновения. Ведь и такое может быть.

– Каким же это образом? – удивился я.

– Но некоторые люди каким-то образом перемещаются в пространстве, – продолжал Мосэ, – мы с моим собратом тоже умеем это делать. Можно в мгновение ока из одного места переместиться в другое. Это искусство мы с Хотокэ уже давно освоили.

Хотокэ утвердительно кивнул головой и подтвердил:

– Мы бы вам этого не сказали, но вы находитесь в таком состоянии, что лучше вам это знать. Если потренируетесь, то и вы сами сможете переноситься на любые расстояния.

– Но она этого не могла сделать, – твёрдо сказал я.

– Откуда вы это знаете? – спросил Мосэ. – Разве вы знаете все её способности?

Я приподнял голову с топчана и ответил:

– Этого я не знаю. Уже более семи лет как мы с ней расстались.

– Вот видите, – сказал Мосэ, – за эти семь лет она могла такому научиться, что вам и не снилось. Женщины очень способные в таких делах.

– Но она не могла этого сделать, – настаивал я на своём, – потому что она не верила в мистику, а полностью полагалась на науку.

– Вы даже представить себе не можете, какие способности открываются у человека во время опасности, – убеждал меня Мосэ. – И люди науки этого не знают. Им только кажется, что они всё знают и всё понимают в этом мире. Природа же часто открывает им такие чудеса, преподносит такие сюрпризы, что все их научные знания мгновенно распадаются, и они себя чувствуют в этом мире как слепые котята. Ведь мы с вами специально едем по стране, чтобы разобраться с этими явлениями.

– А вдруг Натали погибла?! – с болью в сердце воскликнул я. – Что тогда?

– Она не может погибнуть, – стал успокаивать меня Мосэ, – потому что женщины живучи как кошки. К тому же женщина выносливее мужчины. Скорее погибнет Исаму, чем ваша Натали. Все мы – как пузыри на воде, возникаем и исчезаем, но когда мы исчезаем, то это не значит, что мы больше не существуем в этом мире, потому что все мы состоим из воды, и используя всё тот же материал, мы снова возникаем, и так до бесконечности.

– Но если Натали уже погибла, то как же она может снова возникнуть? – удивился я.

– Мы поняли, что вы её очень любите, – сказал Мосэ, – а это значит, что она существует в вашем воображении. Благодаря вашей великой и самоотверженной любви, в которой мы только что убедились, она если и исчезла, то вновь может появиться.

– Каким же образом? – удивился я.

– Очень просто, – ответил Мосэ, – если бы вы знали шесть ступенчатых буддистских учений Санрон, Дзёдзицу, Куся, Хоссо, Рицу и Кэгон, то вы бы об этом не спрашивали.

– Неужели, если бы я знал эти учения, то смог бы вернуть её к жизни?

– Смогли бы, – спокойно ответил Мосэ, – и очень даже просто.

Я сел на кровати и, не замечая качки, с воодушевлением воскликнул:

– Если это можно сделать, так говорите же мне быстрее, как ей можно помочь!

Мосэ оживился и потёр руки, а затем начал говорить:

– Начнём по порядку. Только вы наберитесь терпения, и не перебивайте меня, какими бы не показались вам мои слова странными. Потому что во всех деталях проникновения в суть вещей и явлений нужно держаться последовательности – не забегать вперёд, но и не отставать от мысли. И не спорьте со мной, пока я не раскрою вам все эти учения до конца. Итак, начнём с учения Санрон.

– Это то учение, – пояснил Хотокэ, – которое на Востоке вытекает из текстов "Рассуждения о срединном видении сути" – "Тюганрон", "Рассуждения о двенадцати вратах" – "Дзюнимон-рон" и "Рассуждения в ста стихах" – "Хякурон".

– Так вот, – продолжил Мосэ – вначале нам надо понять, кто она – эта ваша Натали?

– Как это кто? – удивился я. – Она – женщина и моя возлюбленная.

– А была ли она на самом деле? Ведь вы заметили только её появление, а её исчезновения вы не видели. Возможно, что это была не женщина, а просто мираж в вашем воображении.

– Но и вы видели её, когда она вместе с Майклом появилась в вашем храме, – запротестовал я.

– Мы видели то, что увидели вы, – спокойно сказал Мосэ, – а в силу того, что вы её очень любите, то ваш воображаемый образ мог преобразоваться в некий устойчивый символ, который и передался нашему зрительному восприятию.

– Но разве такое возможно?! Уму непостижимо! – воскликнул я. – Вы хотите сказать, что я своими эмоциями создал этот образ из пустоты и передал его вам.

– Да, совершенно верно, – согласился Мосэ, – так может быть, и так чаще всего и бывает, когда какие-то идеи, эмоционально обозначенные, множатся и распространяются в восприятиях многих людей. Это и есть наш осязаемый мир, называемый майей или сансарой.

– Но я до неё дотрагивался, – не выдержал я, – я её любил, в конце концов.

– Всё это так, – подтвердил Хотокэ, – но ведь есть неразрывная, органическая связь между определением и определяемым. Все дела и вещи обязательно как-то проявляются, имеют внешнее выражение, а любые определения всегда что-то характеризуют. Следовательно, нет сущности без атрибута, и наоборот. Однако все дела и вещи могут быть названы, определены только лишь относительно друг друга. Поэтому, как говорит Нагарджуна, "Если нет себя, то и нет его" или её. Ваше наличие и определяет всё сущее вокруг. Это – принципиально важный момент – нечто выявляется при наличии некой точки отсчёта, которая в свою очередь, устанавливается также только относительно точки отсчёта, и так до бесконечности. Абсолютной точки отсчёта не существует. Поскольку за любым атрибутом должна стоять некая неотделимая от него сущность, то последняя также относительна, как и атрибут, а не истинно реальная, и таковой быть не может.

– Что вы имеете в виду?! – воскликнул я в недоумении. – Вы хотите сказать, что моя Натали является пустым местом, миражом, неким представлением в моём воображении? Но это – не так!

– Всё зависит от вас, и всё заключено в вас, – продолжал, как ни в чём не бывало, говорить Хотокэ, – если нет внутренней присущей причины, то нет и плода. Только все внешние причины, соединившись, порождают вещи. Все вещи возникают из различных причин, и поэтому не имеют собственной природы. А если у них нет собственной природы, то как они могут существовать? Они просто нереальны.

– Так вы считаете, что я выдумал мою Натали, полюбил её, поэтому она и существует в моём воображении? Может быть, и я сам нереален и являюсь фантомом?

– Совершенно верно, – увлечённо подхватил Мосэ, – вы не задумывались над тем, как могло такое случиться, что вы якобы не виделись с ней семь лет, и тут приехали в храм, и неожиданно её в этом храме встретили? Это какое же редкостное стечение обстоятельств должно было произойти? И вы уверены, что это была именно она, а не та сущность, которая проникла в ваше сознание. А потом вы сами-то уверены, что наличествуете в этом мире. Ведь когда вы засыпаете, вы покидаете этот мир. Из этого следует, что ни вы, ни ваша Натали не обладаете реальностью.

– Постойте, – воскликнул я, – вы меня совсем запутали. Вы намекаете на то, что её могла подменить какая-то сущность, приняв её облик? И что я тоже являюсь тенью, миражом, случайно посетившим этот мир?

– И такое может быть, но это – только один из вариантов объяснения её нереальности, и вашей тоже.

– Но я ж прикасался к её рукам, обнимал её.

– Это ничего не значит, – уверял меня Мосэ, – все ваши ощущения субъективны. Эта сущность могла проникнуть в ваш мозг и управлять всеми вашими чувствами.

– А как же её муж?

– И её муж мог проявиться через ваше сознание, ведь внутренне вы его ненавидите, а ненависть также, как и любовь, относится к разряду сильных чувств, которые могут использовать сущности, проникая в наш мир. Но мы считаем, что в реальности нет ни вашей Натали, ни её мужа, ни вас самих.

– Даже так, но почему? – обалдело спросил я.

– Все вещи, не имеющие собственной природы, и зависящие от внешних причин, пусты. А пустота также пуста в самой себе, но она преобразуется в некие миражи, чтобы тянуть или вести живые существа – такие же миражи, как и они сами, в нужные ей направления, очаровывая их временными именами. Ваша Натали и является таким миражом относительно вас. И вы тоже – относительно её. Но если вы внимательно к ней присмотритесь, то обнаружите, что она являет собой в этом мире пустое пространство в прямом физическом смысле этого слова, потому что к ней можно применить десять сравнений её с пустотой. Кстати, эти сравнения можно применить и к вам, как и к нам. Во-первых, это – отсутствие преград, так как она является для вас некой подвижной субстанцией, вы можете её представить в пустоте, но является ли ваше представление о ней истинной оценкой её подвижной сущности, и идентичен ли слепок этого представления ей самой. Думая о ней, вы часто обращаетесь к её образу, вы помещаете его в те или иные условия, трансформируете его, улучшая и приукрашая, что в конечном итоге превращает её образ в пленительный мираж, который завладевает вашим сознанием и всей вашей жизнью. Ведь ради неё вы даже готовы принять смерть. (В этом мы убедились, когда вы чуть было не бросились за борт, чтобы найти её в пучине моря). А то, что не имеет преград, и есть пустота. По этой же причине к ней применима и вездесущность, присущая пустоте, потому что она проникает в вас, в ваше сознание, в любом месте и в любое время, заполняя ваше воображение собой. Созданный в вашем воображении её образ всегда одинаков, никак не меняется и ничего не выделяет. Он притягателен, и ничто не может поколебать его, а одинаковость тоже присуща пустоте. К этому можно добавить ещё такие сравнения с пустотой как обширность вашей впечатлительности, в которой трансформируется её образ; бесформенность и постоянство к ней ваших чувств; саму чистоту её образа; неподвижность вашего представления о ней; позитивное отрицание всех границ, отделяющих её от вас, и влекущих вас к ней; самоотрицание, позволяющее вам из-за неё расстаться со своей жизнью, включающее в себя отрицание отрицания, которое отрицает свою собственную природу и устраняет одновременно привязанность к самой пустоте; и, наконец, невозможность охвата её образа, как и общее беспредельное пространство.

– Я её сравниваю со Вселенной, – неожиданно для себя проговорил я.

– Вот видите! – оживился Мосэ. – А что такое Вселенная? Это и есть пустота. Но посмотрим на это истинным срединным взглядом. Если мы поймём, что её реальность относительна, то, тем не менее, нельзя сказать, что её не существует вообще, вашей Натали, поскольку за её номинальным, несущественным различием стоит истинно сущее абсолютное. Ведь она же в вашем сознании существует.

– Это так, – сказал я.

– Но её бытие одновременно непостоянно и не непрерывно в вашем сознании, ведь так?

– Совершенно верно, – опять подтвердил я.

– Поэтому, чтобы добиться истинной реальности, нужно понять суть самой пустотности, чтобы докопаться до самой основы реальности и тех изменений, которые проецируются ею на наше восприятие, искажая свою абсолютную сущность в нашей реальности. Это явление пустоты Натали в вашем сознании всё же тождественно ей именно потому, что сущность Натали одновременно сочетает в себе, с одной стороны, недифференцированность и внутреннюю непротиворечивость образа вашего восприятия её и, с другой стороны, необусловленность и абсолютную целостность её наличия. Нагарджуна ставит между сансарой и нирваной знак

равенства, а это значит, что Натали существует в мире в своём сущностном оформившемся воплощении. И для того, чтобы овладеть её наличием, вы должны познать её абсолютное бытие, в котором и откроется её истинная сущность. Иными словами, познать её собственную природу, а не её феномен; узнать её истинный характер, чтобы проникнуть в её сущность; отказаться от крайностей в утверждении или отрицании её наличия или отсутствия; понять истинность её реальности в её абсолюте; отстраниться от привязанности, чтобы осмыслить её суть, и наконец, выйти за пределы её феноменального бытия и увидеть её истинное наличие. Если вы этого достигнете, то сразу же поймёте, жива она или нет, наличествует она в этом мире или нет, и что нужно сделать, чтобы её обналичить, иными словами, вернуть себе.

На какое-то мгновение Мосэ остановился в своих рассуждениях, пристально наблюдая за моей реакцией, желая убедиться, понимаю я его или нет. Но затем продолжил:

– Я вам говорю об этом так подробно, чтобы вы научились управлять материей, изменять её, разбирая её до пустоты в одном месте и восстанавливая её в другом. Если вы научитесь управлять материей, то вы сможете и управлять собой, мгновенно переноситься на большие расстояния. А вам этому нужно научиться, чтобы поспевать за нами, если вы решите нам помогать. Так что, вернуть вам вашу девушку – это не самое сложное в этом искусстве. Но если вы овладеете этим искусством, то сможете, не только оживлять людей и спасать их от любых опасностей, но и сами обретёте бессмертие, умея обращаться со своей энергетикой и формой.

– Неужели я смогу стать подобным Иисусу Христу? – с изумлением промолвил я.

– Иисус Христос был один из нас, – ответил Будда, – то что он делал, и мы способны делать. Но два тысячелетия назад он удалился от людей. Возможно, что пришло время ему опять ступить на землю, чтобы предотвратить конец света.

– Неужели он может вернуться на землю в моём облики? – высказал я свою затаённую мысль.

– Трудно сказать, – молвил Моисей, – двое древних мудрецов уже явились на землю в нашем облики. Если ты сможешь принять своей сущностью Христа, то ещё один миссия начнёт спасать свой народ от гибели.

В какой-то момент мне показалось, что я попал в некое запредельное пространство, и там именно те двое древних мудрецов и пророков произнесли только что услышанные мной слова.

Но это длилось всего одно мгновенье. Видение исчезло, и вновь я говорил с монахами Хотокэ и Мосэ на терпящей бедствие шхуне в открытом море, которые давали мне первые уроки своего тайного искусства.

– Постойте! Постойте! – воскликнул я, – я давно уже думал об этом. Неужели существует истинный, абсолютный мир, где все мы уже проявлены. А может быть, тот мир и является нашей естественной обителью, а на этот мир налагается лишь наша проекция из того мира. Ведь там мы существуем в нашей подлинной сущности, и нам только кажется, что в этом мире нас ведут по жизни ангелы. Может быть, мы сами являемся теми ангелами, а из того мира проецируем лишь свои тени на этот мир? Тогда я понимаю, почему тот потусторонний мир люди называют нирваной, Шамбалой, Небесным царством, а учёные – Единым информационным полем.

– Вот, именно, – сказал Мосэ мне ласково, – вы стоите уже на полпути к Истине. Да, все мы в этом мире имеем временную оболочку и пользуемся временными именами, как говорил Нагарджуна. И ваша Натали с точки зрения мирской истины может существовать и может не существовать в этом мире, но с точки зрения абсолютной истины её существование или несуществование не ставится под сомнение, ибо согласно учению о двух истинах – "ку" (пустоте) и "у" (наличии) открывается относительность определений и невозможность выяснения сущностных признаков чего бы то ни было. Для того, чтобы понять Истину, нужно сначала устранить ложное, и только затем высветлится истинное. Ведь даже в правильном взгляде на вещи существует два аспекта правильности – это сущностное правильное "тайсэ" и акцидентное,

прикладное правильное "ёсё". Первое является преодолением "двух истин", а второе – "сами истины" – действительная и мирская. О двух истинах и правильном взгляде кратко через восемь отрицаний сказано в проповеди Будды: "ничто не рождается и не исчезает, всё непостоянно и непрерывно, не-едино и не-различно, не-приходит и не-уходит". Поэтому и вы можете в любую минуту найти Натали и в любую минуту её потерять. Но это не будет означать, что она существует или не существует в этом мире.

– Так как же мне быть? – воскликнул я в отчаянье, и вдруг меня осенило. – Может быть, мне опять погрузиться в этот абсолютный мир, где я уже видел Будду и Моисея, и поискать её там? Но как я её найду? Там же мириады сущностей, проявленных и непроявленных. Я себя самого-то там не найду. Но если она является моей частицей, так как у нас есть уже общий плод – моя дочь, так, может быть, она сама проявится возле меня? И я смогу её выловить и спроецировать в этом мире.

– Но для того, чтобы вы это сделали, – сказал Хотокэ, – вам необходимо просветление, иными словами, погружение в саму нирвану и виденье "истинного вида всех дхарм", то есть тех пустотных конструкций из которых составляются все формы тел. То есть, нужно почерпнуть знания из другого учения школы Дзэдзицу по трактату "Дзэдзицу-рон" – "Рассуждения о достижения истины". Это учение о самой нирване, где в отличие от сансары с временными именами и телами при отсутствии собственной сущности, наличествует абсолютно реальные энергетические компоненты для строительства любой материи. Если вы овладеете ими и этим искусством, иными словами "конструированием концентрации" или "концентрацией конструирования", то сможете в нашем мире из ничего создавать любые тела и оживлять их. Но с этим нужно быть очень осторожным. Потому что у меня есть подозрение, что какой-то недоумок овладел этим искусством, и в настоящее время создаёт вокруг огромных деревьев в нашей стране выбросы странных существ и чудовищ. Но это лишь одно из моих предположений.

– Но вернёмся к учению школы Дзэдзицу, – перебил его Мосэ, – при помощи его знаний вы могли бы проверить свои знания, а именно: знали ли вы истинную Натали? И если вы поймёте, что совсем её не знали, то тогда смогли узнать бы, чем она проявила себя в земной жизни, и является ли она истинно тем существом, которое вы представляли в своём воображении.

– Но мне нужно совсем другое, – вскричал я, – я хочу вернуть её на корабль, спасти её или помочь ей. Время не терпит, каждая минута дорога, если она находится в морской пучине, то ей срочно нужно протянуть руку, а не рассуждать, что она собой представляет в жизни. Неужели вы, так много знающие и умеющие, не можете ей помочь, спасти её.

– Нет, – спокойно ответил Мосэ, – мы не можем ей помочь, потому что не связаны с ней кровными узами. Это не в наших силах, тем более это расходится с нашими принципами. То, что идёт своим путём, должно ему следовать.

– Если даже этот путь ведёт к гибели?! – воскликнул я.

– Мы не знаем к чему ведёт её путь – к гибели или к спасению.

И тут я понял, что мне сможет помочь только отец Гонгэ, но для того чтобы с ним поговорить, мне нужно было погрузиться в сон. И тогда я сказал:

– Я устал. Мне нужно немного поспать, а то силы покидают меня. Оставьте меня в покое.

Я откинулся на топчан, и тут же задремал, несмотря на качку, грохот мотора и шум бури, видно, и в самом деле все эти переживания истощили мои силы. И ко мне тут же явился отец Гонгэ, подобный Господу Богу. Он улыбнулся и сказал:

– Во всех испытаниях нужно сохранять спокойствие.

– Какое уж здесь спокойствие, – воскликнул я, – когда человек за бортом. Её нужно срочно спасать.

– Тогда протяни руку и спаси её, – спокойно сказал мне отец Гонгэ.

Я удивился, что во сне отец Гонгэ говорит со мной на «ты», в то время как в жизни всегда обращался ко мне на «вы». Но может быть, во сне он принимает меня за своего ученика, подумал я.

– Но я не могу этого сделать, ведь её унесло далеко в море от шхуны.

– Тогда прежде всего успокойся и соберись с духом, – посоветовал мне настоятель храма, – а то твои страсти несутся как кони, а мысли скачут как обезьяны. Этой спешкой ты никому не поможешь, а только навредишь. Ты пробовал помолиться за её спасение?

– Но разве это ей поможет сейчас?

– Вот, – упрекнул меня отец Гонгэ, – ты – в этом весь со своим нетерпением и поспешностью. Ты даже не дослушал до конца разъяснений моих монахов, которые тебе искренне хотели помочь.

– Чем?! – воскликнул я с обидой. – Вместо того, чтобы спасти её, они завели со мной разговоры о шести учениях.

– Но ты сам можешь повлиять на всю ситуацию.

– Как?! – опять воскликнул я.

– Молитвой, – ответил отец Гонгэ. – Ты даже не стал выслушивать третье их ученье школы Куся. А знание тобой этого учения очень помогло бы твоей женщине в данный момент.

– Так она ещё жива?! – с радостью и надеждой воскликнул я. – И что это за учение?

– Оно проповедует четыре благородные истины: теорию причинности, нереальность своего "я", освобождение от страдания и достижение нирваны.

– И как же это ученье сейчас может помочь Натали?

– Во-первых, ты поймёшь, почему это произошло. Узнаешь причину данного несчастья. Во-вторых, ты сможешь освободиться от своего земного "я" и обуздать свои волнения и страдания. Успокоившись и проникнув в нирвану, ты при помощи молитвы и слова сможешь повлиять на её судьбу, помочь ей справиться с её несчастьем, придать ей силы и восстановиться в её прежнем естестве. Ведь Бог создал человека на земле в качестве Своего Глагола. И любое человеческое слово с молитвой способно проникнуть в нирвану или Царство Божие и принести с собой желание исправить себя или исправить что-то в своей жизни. Именно это Слово способно через чистую энергетику влиять на абсолютное начало человека и помогать ему в жизни в физическом мире. Молитва – это своего рода коррекция жизненного пути каждого живого существа и залог успеха в начинании всех его благих дел. И то, что говорили тебе мои монахи, не пустые слова, а ты их слушал, как чириканье птичек.

При этих словах отец Гонгэ улыбнулся и задумчиво продолжил:

– Кстати, птичий язык – мудрёная вещь. Когда у меня жили птички, я часто вслушивался в их щебет, стараясь понять, о чём они говорят. Ведь слушая любую речь, любое звучание звуков, можно обнаружить много удивительного и, в конце концов, проникнуть в гармонию их сочетаний, уловить смысл и содержание тех символов звучания, которые могут раскрыть свои тайны. Именно таким путём я научился птичьему языку, сумел понять и расшифровать их речь. Ведь и в наше время так действуют разведчики перехвата шифрованных радиопередач, используя метод изучения птичьего языка? Главное здесь – полюбить птиц и почувствовать, что их волнует. Если бы ты смог понять птичий язык, то тебе было бы под силу увековечить их души. Жаль, что птицы не оставляют о себе никакой письменной памяти. Создаётся такое впечатление, что они, бедные, умирают полностью, не имея возможности увековечить себя. В связи с этим, мне вспоминаются один разговор моих учеников. Они трепетно относились к старинной литературе, часами просиживая в моей библиотеке. Как-то, перебирая полуистлевшие свитки древних писаний, они наткнулись на свиток «Дзюкинсё» – «Кое-что о десяти заповедях» старца буддиста-мирянина Рокухара Дзиродзаэмона, написавшего свой труд в 1252 году в травинной хижине у подножья Восточных гор. Этот старец мечтал обрести возрождение в Цветке Лотоса на Западном Облаке. Мои ученики тогда с восхищением процитировали его

слова: «Когда я собираю и рассматриваю древние и нынешние повести, я вижу, как сам дух этих повестей будто истлевают подо мхом. И как печально, что до нас иногда доходят лишь одни названия. Вслушиваясь и всматриваясь в быстротечность брэнного мира, мы понимаем, что он подобен быстрому течению порожистой реки». Они сознавали, что, разговаривая через книги с мёртвыми, автор испытывал такое же чувство, которое можно испытать и через тысячу лет. В такие минуты время возвращается, передавая эстафету от поколения к поколению, и всё бежит как бы по кругу, где мёртвые, оставив о себе сообщения, совсем не умирают, а продолжают жить с нами в вечности. И их послания к нам похожи на послания с того света. Так мои ученики даже через них научились проникать в нирвану и общаться с душами умерших авторов. Именно поэтому благодаря своему Глаголу человек считается сильнейшим среди других существ на земле, только не всегда об этом помнит.

Услышав эти слова, я мысленно произнёс молитву о спасении моей возлюбленной.

И отец Гонгэ услышал слова этой молитвы и похвалил меня. Он сказал:

– Есть вещи, на которые человек может повлиять, но существуют также и другие вещи и явления, на которые он повлиять не может и должен их принимать такими, какие они есть. Монах Сюндай, толкователь Сорая, живший на рубеже семнадцатого и восемнадцатого веков в своих диалогах "Учение о мудрости" – «Тэйгаку монто» говорил: «Мироздание – это огромное живое целое, смена тьмы и света, это живое движение «ки» – энергии. Всё, что имеется в мироздании – не только ветер и гром, дождь и снег, но всё – течение воды, горение огня, увядание трав и деревьев и даже жизнь и смерть человека, – всё это деяние богов, и даже мудрые не могут постичь этого. Поэтому даже если непостижимость тьмы и света, «ин» – «ё» называют богом, она раскрывается в переменах. Непостижимость означает невозможность постижения, и глуп тот учёный, который хочет понять и узнать то, что не смогли даже мудрецы прошлого». Говоря это, он считал богами те истинные и абсолютные сущности, которые живут и творят в нирване, в Царстве божьем. Одним из таких божеств является Натали. Обращаясь к ней, к её абсолютно сущности в Царстве Небесном, к её ангелу на Небе, ты помогаешь этому ангелу оказать ей помощь на земле.

– Но разве такое возможно?! – не поверил я.

– Ты действуешь через своего ангела, проникнув в нирвану, а он помогает другому ангелу спасти её на земле или в море. Что здесь не ясного?

– Всё это как-то странно, – сказал я. – У меня было совсем другое представление о том, что происходит на небесах.

– Мы все получаем очень искажённую картину того, что происходит на небесах, – согласился со мной отец Гонгэ, – но это не означает того, что там ничего не происходит, или что-то происходит не так, как мы себе это представляем. Например, Мотоори Норинага в восемнадцатом веке в «Кодзидан» – «Писание Кодзики» и «Когодан» – «Беседа после лекции» писал: «Сперва в пустоте восседали два божества – Аматаэрасу о-миками и Убусунагами, затем благодаря божественному духу Убусунагами появилось нечто пенообразное. Из него всё «чистое и светлое» поднялось вверх и составило «небо» (сора), а всё мутное и тяжёлое опустилось вниз и стало «преисподней» (ёми), а то, что осталось, затвердело и стало землёй (цути).

– Это что же такое? – невольно вырвалось у меня. – Зачатие? Половой контакт богов?

Но отец Гонгэ ничего мне не пояснил, а продолжил:

– Небо – это солнце, это «высокая небесная равнина (такамагахара), где властвует Аматаэрасу о-миками; «ад» (ёми) – это луна, и его правителем является Цукиёми-но микото. Над всеми морями и странами на земле властвует Сумэмима-но микото. Япония – это пуповина, от которой произошло «небо», место, порождённое богами Идзанаги и Идзанами. Другие же страны образовались в результате затвердения «пены прибоя», разлетевшейся в разные стороны, когда бог Идзанаги и богиня Идзанами родили Ооясима («четыре крупные провинции») и когда разделились моря и суша. Это страна, где родилась Аматаэрасу о-миками, и куда спу-

стился с небес Сумэмима-но микото. Небо, «высокая небесная равнина (такамагара) – это небесный мир, отделённый от земли пустотой, а преисподняя (ёми) – это мрачное пространство под землёй. Согласно «Тэнтидзу» – «схемы Вселенной», можно убедиться, что низшим миром по отношению к «высокой небесной равнине» на одном уровне в трёх направлениях расположены Япония, другие страны и «коренная страна», то есть преисподняя (ёми). А между ними расположен так называемый «Морской дворец» – Рюгу...». Сравни это с Библией, и ты найдёшь разительную схожесть. Но в данный момент ты находишься на Востоке, и тебе лучше молиться, чтобы твоя возлюбленная не попала во дворец морского дракона "Рюгу".

Услышав его речь, я страстно стал повторять слова молитвы во спасение моей возлюбленной. С этим бормотанием я и проснулся, когда прибыло спасательное судно. Оно взяло нас на буксир и повело в порт Кагосимы. Об этом нам сообщил старик. Он также сказал, что все береговые и спасательные службы ведут поиск упавших за борт американки и Исаму, и что как только немного стихнет ветер, в воздух поднимутся вертолёты.

Через некоторое время к нам спустился капитан корабля Тако. Он сообщил, что его подменил рулевой со службы спасения, и что через шесть часов судно пребудет в порт назначения. Затем он добавил, что поиски спасательных служб не принесли пока результатов. И ещё через минуту сказал, что по дороге они могут нас высадить на пристани Ибусуки.

Тако выглядел мрачным и измождённым. Помолчав немного, он, преодолевая какую-то внутреннюю тяжесть, спросил монахов:

– Это – правда, что Исаму ночью сказал вам, что Юкико ждёт от него ребёнка.

Оба монаха кивнули головами. Тако и старик обменялись взглядами.

– Ну что же, – вздохнул капитан. – Хотя бы будет у нас наследник.

День шестой «Красная птица в Эдемском саду»

Лишь бы на земле

Было счастье суждено,

А в других мирах –

Птицей или мошкой стать –

Право, всё равно!

Отото Табито (III-348) «Маньёсю»

Und Gott sprach: Es lasse die Erde aufgehen Gras und Kraut, das sich besame, und fruchtbare Baume, da ein jeglicher nach seiner Art Frucht trage und habe seinen eigenen Samen bei sich selbst auf Erden. Und es geschah also. Und die Erde ließ aufgehen Gras und Kraut, das sich besamte, ein jegliches nach seiner Art, und Baume, die da Frucht trugen und ihren eigenen Samen bei sich selbst hatten, ein jeglicher nach seiner Art. Und Gott sah, dass es gut war. Da ward aus Abend und Morgen der dritte Tag.

Судно высадило меня, Мосэ и Хотокэ на пристани Ибусуки. Прощаясь с капитаном и стариком, монахи поблагодарили за путешествие и пообещали молиться за чудесное спасание их сына и внука. Капитан предложил нам, если у нас появится желание, отвезти обратно в Ёсида через пару дней, когда судно будет отремонтировано и загружено товаром. Монахи и я ещё раз поблагодарили, но отказались.

Сойдя со шхуны, я ступил на землю другим человеком. До этого я считал, что занимаюсь довольно почетным ремеслом и принадлежу к небольшому кругу служителей Бога. Я думал, что отношусь к своей работе с большой серьёзностью и ответственностью, стараясь в поисках Истины виртуально выстроить в своём воображении некую модель мироздания, которая бы объяснила весь механизм происходящих на земле событий. Но сейчас-то я понимал, что все мои представления о мире всегда выглядели несовершенными, и, может быть, даже нелепыми. В них постоянно чего-либо не хватало, не было подлинного.

Я попытался понять, почему это произошло.

С древних времён мыслители тем только и занимаются, что пытаются отобразить картину подлинного мира. Литераторы сочиняют или рассказывают разные истории; историки отображают происходящие события, трактуя их по-своему; философы вырисовывают свои пространственные схемы движения мысли. И все они стараются делать это, исходя из своих способностей и возможностей, прилагая к этому все свои силы и своё воображение, что делает их работы всегда субъективными. К тому же всё это делается лишь для того, чтобы удовлетворить своё честолюбие.

Может быть, то же самое происходит и со мной? И может быть, человеческим путём невозможно приблизиться к Истине? Всё, за что берётся человек, превращается в заблуждение. Что бы он не делал, всё – неправильно! Если человек трудится только ради выгоды или славы, то можно ли его труд назвать совершенным. Так в чём же совершенство? В безызвестности? В незаинтересованности? Вряд ли. А может быть, само смирение и есть признание своей ничтожности, невозможности постичь Истину?

В мире очень мало безымянных трудов, незаинтересованных и объективных. Что же касается меня, то я даже сравнивать себя с ними не берусь, потому что не обладаю ни их проницательностью, ни их мудростью.

Эта поездка показала, насколько я невежественный и эгоистичный. Всю жизнь я чему-то учился, но учился всегда не тому, чему нужно было. Да и учителя мои были всегда не на высоте. И в конечном итоге, я понял, что совсем не знаю ни этого мира, ни себя в нём.

Я ступил на землю с тяжёлым сердцем, не только потому, что потерял свою любимую, но и потому, что потерял себя самого в этом мире. Я не знал, кто – я, что я могу, и в каком направлении мне нужно двигаться. Досада моя ещё возрастала оттого, что я только теперь осознал, что упустил в своей жизни много времени, занимаясь ни тем, что считал необходимым, и нисколько не приблизился к Истине. Мой мистический опыт был равен нулю. Я не был святым отцом, но страстно хотел им стать. И вот теперь я понимал, что нахожусь в самом начале этого пути.

Направляясь на поиски ботанического сада под открытым небом в Ибусуки, мы углубились в умозрительную беседу. Инициатором этой беседы являлся я. Я захотел продолжить наш разговор о буддийских учениях, который мы начали ещё на шхуне, но прерванный моим сном, потому, что надеялся с помощью знаний монахов вернуть к жизни Натали. А это было непростой задачей.

Во время моей лекции в Ёсида я даже не мог проникнуть в её мысли. Для меня она оставалась загадкой, и тем более сейчас, когда она исчезла, мне просто было необходимо установить с ней хоть какой-нибудь ментальный контакт.

Да, мы с не были разными людьми, но нас объединяла великая любовь. И я подумал, что было бы неплохо вести с ней постоянный диалог, вернее, монолог, как бы духовно разговаривая с ней. Я даже мог предположить её реакцию на мои слова, и, может быть даже, её ответы и суждения по той или иной философской проблеме. Может быть, так я смогу её реанимировать, встав на её точку зрения, руководствуясь её научной логикой. И для меня бы это явилось как бы интерактивным усвоением тех истин, которые мне откроют монахи. Но главное – это то, что я, может быть, с помощью такой формы общения установлю с ней духовную связь, узнаю, жива она или нет, где находится, и помогу ей.

Придя к такому решению, я сказал монахам:

– На корабле вы хотели поведать мне об учении Куся, которое проповедует четыре благородные истины.

Монахи посмотрели на меня удивлённо.

– Да-да, – продолжил я, – меня очень интересует эта тема.

– А нам показалось, что вы ей не предали никакого значения, – заметил Мосэ.

– Напротив, – возразил я, – как я понял, вы изложили мне теорию причинности, нереальности своего "я", освобождения от страдания и достижения нирваны. Мне кажется, что это учение сейчас может помочь Натали. Оно бы помогло мне понять, почему всё это произошло, узнать причину этого несчастья. С его помощью я смог бы освободиться от своего земного "я" и обуздать свои волнения и страдания. Успокоившись и проникнув в нирвану, я при помощи молитвы и слова смог бы повлиять на её судьбу, придать ей силы, помочь ей справиться с её несчастьем и поспособствовать её восстановлению в её прежнем состоянии и естестве.

– У вас хорошая память, – похвалил меня Хотокэ, – нам казалось, что вы и слушали наши объяснения невнимательно.

– Совсем нет, – сказал я, – я очень внимательно вас слушал. Более того, во многих положениях я с вами согласен. Ведь Бог создал человека на земле в качестве Своего Глагола. Не так ли? И при помощи одухотворённого Слова можно творить чудеса. Я слышал, что этим владеют на Востоке.

– Совершенно верно! – обрадованно воскликнул Мосэ. – Прежде чем понять ученье Хоссо, необходимо ознакомиться с ученьем Куся. Куся – это переименованное на японский манер учение "Абхидхарма-коша" мыслителя Васубандху. Коша или Куся является третьей корзиной хинаянистского канона. А вот как мы его используем в своей практике, я расскажу вам. Для того чтобы перенестись куда-либо с одного места на другое, необходимо мгновенно растворить свою сущность в одном месте, чтобы собрать её затем в другом. Но для того чтобы сущность не пострадала и не исчезла бесследно, мы, растворяя себя в реальности, перемещаемся на какое-то мгновение в свой дом – в своё абсолютное существо, которое находится в нирване, а затем перемещаем его в нужное место. Я уже упоминал о концепции "концентрации конструирования" и "конструирования концентрации". Все мы в отдельности представляем собой некую самость только потому, что осознаём себя как нечто отделённое от мира. Мы и наше сознание являемся энергией, подвижной и меняющейся. Если мы собираем эту энергию в одном месте, то становимся одними, если же перемещаем её в другое место, то становимся другими. Мы не обладаем материей, а полностью от неё зависим, но вместе с тем, мы можем управлять ею. Мы можем объединять вокруг себя дхармы, превращаясь в некий сгусток энергии, так, что наш дух, наша энергия материализуется в нечто существенное, что тоже не принадлежит нам, потому что мы являемся энергией, а не материей. Нас нет в этом мире, но мы в нём присутствуем. Отражением этой энергии является наше сознание, мы его можем помещать в разные состояния, проникая в ту или иную сферу. Я не буду вдаваться в теоретические объяснения основ этой школы, скажу только о практической пользе применения её знаний. Вкратце, это ученье представляет собой следующее: все дхармы материи "волнуются", ибо они все как бы находятся во взвешенном состоянии, и любые волнения окружения передаются им, поэтому главная цель этого учения – добиться "неволнения", некоего состояния "сомё уро муро". "Неволнение" дхарм прямым путём связано с нирваной. Успокоение дхарм это и есть обретение своей самости.

– Это мне понятно, – сказал я, – но что вы подразумеваете под словом дхарма?

– Дхарма – понятие многозначное, – сказал, загадочно улыбнувшись, Мосэ, – это – вещь в себе, конечное, неделимое "истинно-сущее". Видимым проявлением дхармы может быть элемент. Проявление этих "элементов" образует бесконечный во времени и безграничный в пространстве поток бытия, воспринимаемый нами как "дела и вещи". Каждая дхарма – это отдельная сущность, обладающая только для неё характерными качествами. Дхармы не могут "вплавляться" друг в друга, они сочетаются подобно мозаике. Их проявления мгновенны. Эти мгновенные проявления и могут быть нашим духом, потому что мы способны их сочетать, творить из них некие комбинации. Даосы называют их пылинками. Помните, какую методику они применяют для "концентрации конструирования"? "Прегради свой обмен, затвори свои врата, притупи свою остроту, освободись от разделённости, сгармонируй свой блеск, воссоедини свои пылинки". Вот этими пылинками и является наша самость, когда мы посредством концентрации и конструирования способны обрести в материальном мире свою сущность.

– Так вот, значит, из чего мы состоим! – воскликнул я, и тут же подумал, обращаясь мысленно к Натали:

"Вот видишь, любимая моя и ненаглядная, это почти то же самое, что в науке называется атомами. Ещё древние об этом знали, но вот только язык и понятия у древних были несколько другими. Но и они и мы говорим об одном и том же, только их взгляд на вещи был более утончённым, так как уже тогда они проникали своим внутренним видением в суть вещей, а может быть, эти знания им достались от более древних предков, обладавших развитой цивилизацией и более совершенными знаниями, чем наши. Как бы там не было, но здесь я пока не нахожу расхождения между их знаниями и тем, к чему последнее время пришли наши учёные. Ты можешь мне возразить, что это не доказано экспериментально, опытным путём. Но откуда

мы знаем, как они получили эти знания. Может быть, в их словах и кроется сама Истина. Ты только послушай, что он говорит"!

– Так вот, – продолжал говорить Мосэ, – все дхармы находятся во взаимосвязи и подчиняются закону всеобщей причинности. Именно посредством причинности можно объяснить возникновение и существование "феноменального бытия", кажущемся обыденному сознанию чем-то целым. Но дискретность, прерывистость проявления дхарм являются доказательством нереальности целого: "компоненты реальны, а комбинации есть видимость". Бесчисленное количество дхарм, по учению школы Куся, сводится к множеству разновидностей, которые характеризуются по разным признакам. Прежде всего выделяется два вида дхарм: "подверженные бытию" (уихо) и "неподверженные бытию" (муихо). Первые связаны с четырьмя процессами: рождением, пребыванием, изменением и исчезновением, проходящими в каждое мгновение. С этой точки зрения "еже мгновенное рождение-исчезновение дхарм, в сущности, не что иное как эмпирическое, чувственно-воспринимаемое бытие, которое сводится к цепи мимолётных комбинаций, составляющих сознательную личность". Вторые не связаны с этими процессами, они спокойны и не подвержены "быванию", или, иными словами, наличию. Дхармы первого типа называются "непостоянными" – "мудзэ", второго типа – "постоянными" – "дзэ", но те и другие дхармы вечны. "Волнение" их, как и они сами, не имеют начала.

"Какой проникновенный взгляд на вещи! – восхищённо воскликнул я мысленно, обращаясь к Натали. – Ты только послушай. Ведь они ушли намного дальше, чем наши представления о микромире. Только недавно ученые увидели ясную картину строения атома, где ядро атома окружено электронами, а само ядро атома состоит из протонов и нейтронов, а на более глубоком рассмотрении ядра атома обнаруживается квантовая природа фундаментальных частиц кварков, которые в свою очередь состоят из колеблющихся струн, согласно теории струн и колебаний, что может означать своего рода сжатые микро-торсионные поля, или простые волновые колебания света или звука в пустоте. Вот где происходит настоящее объединение древних знаний и современной науки".

– Я почему это говорю всё так подробно? – тем временем говорил Мосэ. – Да потому, чтобы вы поняли, как вам сохраниться в реальном мире, преодолеть колебания этого мира и обрести бессмертие.

– Но разве это возможно?! – воскликнул я.

– Вполне, – спокойно ответил Мосэ и продолжил, – спасение живого существа и, следовательно, достижение нирваны, заключается в прекращении "волнения" дхарм, в приведении их в "спокойное состояние", вследствие чего они не смогут более создавать "композиции, образующие личность и связанные с ней страдания". Вы вырываетесь из этого мира и станёте независимой от мира субстанцией.

– И кем же я буду?! – воскликнул я.

– Вы станете бессмертным. Обретя себя в нирване, вы станете неуязвимым, вас не заденут никакие вмешательства и волнения. Вы, концентрируясь в нирване, реконструируете ваше вечное нетленное строение души. Вы опять станете ангелом, своей совершенной сущностью, вернувшись в свой дом, каким и являетесь всегда. При успокоении своих дхарм, исчезнет для вас круг перерождений, и вы сможете, проникая в наш мир, обретать любую форму, которая вам понравится. Вы станете самим собой, совместив так своё земное существование с небесным. Обретение своей вечной сущности ещё называется просеиваньем дхарм через сито, в котором будут оставаться только "неподверженные бытию" дхармы. А это – именно то, что остаётся в вечности.

– Что это такое? – удивлённо спросил я. – Что вы считаете дхармами, "неподверженными бытию".

– Это так называемые "мурохо", – радостно сообщил мне Хотокэ, – а именно, те дхармы, которые являются носителями положительных психических состояний, это прежде всего, воз-

вышенные мысли, стремление к вечным ценностям. Повседневная жизнь человека засорена всевозможными недостойными словами и поступками, не говоря уже о мыслях. Но самое страшное в его жизни – это сквернословие. Сейчас многие молодые люди просто не могут обходиться без сквернословия и ругательных слов. К этому их понуждает всё современное виртуальное пространство, заполненное в средствах массовой информации насилием, сквернословием и насаждением самых низменных животных инстинктов. Таков современный мир. Речь идёт уже не о прозрении истины, а о всеобщей деградации человечества и разрушении всех общепринятых устоев общества. Человек должен являться Глаголом божественной Истины, а кем он является в современном мире, когда он в каждом предложении и на каждом шагу произносит мерзкие ругательные слова? Его духовное сито вылавливает из потока действительности только одни скабрёзности и ругательства. Произнося их, он каждое мгновение уничтожает себя. Вообще-то, активность дхарм "подверженных бытию" как раз и обуславливает бытие человека в брэнном мире со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

– Но как же себя нужно вести, чтобы не быть затронутым этим внешним влиянием? – спросил я.

– Все разновидности дхарм можно разделить на пять категорий, – сказал Мосэ. – Первые – это дхармы, относящиеся к чувственному и отвечающие за такие чувственные ощущения как запах, вкус, ощущение прикосновения, слышимое и видимое. Сюда же относится элемент, лежащий в основе характера личности – "мухёсики" – "не обнаружимое", то, что нельзя показать другим, определяющий её телесные, чувственные движения. Этот элемент, как считают буддисты, разновидность кармы. Вторые – это дхармы, относящиеся к сознанию – "синно-хо", некая чистая форма сознания, или сознание само по себе. Дхармы, констатирующие "синно", обуславливают осознание того, что слышится, видится, ощущается на вкус и, наконец, то, что представляется. Третьи связаны с психическими процессами – "синдзё-хо", эти дхармы приводят в действие чистое сознание и являются "элементами-двигателями" которые заставляют функционировать сознание, образуют то, что можно определить, как психические процессы, благодаря которым осознаётся восприятие, делаются различия. Четвертые – это дхармы, связанные с непсихическими процессами – "фусоогё-го", они также являются "элементами-двигателями", но на более высоком уровне, потому что активизируют дхармы вообще. Их можно понять, как действие, не имеющее соответствующего знака. Дхармы этой категории не составляют чего-то приобретающего какую-либо форму. Эти дхармы являются силами, благодаря которым дхармы первых трёх категорий получает возможность образовывать разные композиции. Почему я так подробно объясняю разновидность этих дхарм? Да потому, что любой буддист, погружаясь в медитацию в позе лотоса, старается настолько успокоить своё внутреннее состояние, чтобы овладеть управлением тех или иных дхарм. Так, буддист, поднявшийся на четвертый уровень и освоивший искусство управления дхармами четвёртого типа, способен управлять всеми живыми существами, внушать им ту или иную мысль, принуждать их к тому или иному действию, вызывать галлюцинации, вводить в транс, излечивать, оживлять или умерщвлять материю. Овладение этим типом дхарм позволяет ему оказывать влияние на связанность или несвязанность тех или иных дхарм, возникновение, существование или распад композиций дхарм, а также обуславливает связанность звуков, слов и предложений в речи. Буддист, овладевший этим искусством, может проникать в сознание любого существа, являться ему во снах или наяву, проводить обучение учеников на расстоянии.

– Как я понимаю, этим уровне овладел ваш наставник и учитель отец Гонгэ, – воскликнул я.

– Вот именно, – подтвердил Мосэ и продолжил, – и наконец, пятые – дхармы, неподверженные бытию. Они подразделяются на три разновидности: первые – обуславливающие подавление и успокоение дхарм, "подверженных бытию", посредством того, что "я" есть иллюзия – "тякумэцу-муи-хо"; вторые – делающие то же самое, однако посредством успокоения

дхарм, обуславливающих возникновение причин и факторов активности дхарм, "подверженных бытию" – "хитякумэцу-муи-хо"; третьи – конституирующие пространство, в котором разворачиваются действия всех других дхарм. Овладение этим типом дхарм позволяет каждому стать сверхчеловеком, изымать себя из реальности, вмешиваться в ход надвигающихся событий, переносить действия или события из одного места в другое, и самому перемещаться во времени и пространстве. То есть, делать то, чего вообще не стоит делать сверхчеловеку, чтобы не нарушать естественных ход событий или в них вмешиваться.

При этих словах Мосэ рассмеялся.

– Тогда зачем же этому учиться, – воскликнул я, – если эти знания не стоит применять на практике?!

– Чтобы путешествовать между мирами, – ответил, улыбаясь, Мосэ, – возможно, ваша Натали сейчас оказалась в другом мире, и чтобы вытащить её оттуда, вам необходимо туда проникнуть.

– Правильно! – воскликнул я. – Вы тысячу раз правы, для того, чтобы вернуть Натали в наш мир, я готов на любые испытания. Но какие есть миры?

– Исходя из того, что человеческое существование есть страдание, – сказал Мосэ, – существует некая система миров, иначе говоря, уровней бытия, по которым блуждают живые существа, переживая в той или иной степени мучения. Поток дхарм, проявление которых образует всевозможные композиции, делится на два мира, на две сферы: сферу, имеющую чувства – мир живых существ, и сферу сосуд – мир обитания. Мир обитания делится на пять миров состояний: адский, мир голодных духов, скотский, человеческий и божественный. Но человечество уже давно из человеческого мира скатилось в мир скотский, это когда люди живут растительной жизнью и не интересуются духовным миром, более того, скотский мир опускает мир человека до мира голодных духов, когда все чего-то жаждут, устраивают бойню и пожирают человеческие жизни. Это – мир насилия, но последнее самый низший мир уже скоро настанет. Это будет мир адский – мир воздаяния всем нам и наказания за наше нравственное падение. Другими словами, это – мир разрушения среды обитания, в который уже вступает человечество. Три низших состояний миров составляют общий мир ступеней желание – это общество потребления, основой которого являются желания и стремление двух типов – сексуальные желания и желания есть и пить. Вторую ступень составляет мир чувственной ступени, когда носители желаний успокоены, но в образовании композиций принимают участие дхармы, обретающие формы. И третья ступень – это ступень нечувственного мира, когда дхармы успокаиваются и в создании конфигураций не участвуют. На всех трёх ступенях, даже на высшей, функционируют "волнующиеся" дхармы, поэтому ступени относятся к эмпирическому чувственному бытию, сансаре, выход из которой – главнейшая цель буддиста. Таким образом нас окружают пять миров, и от нас самих зависит в каком мире мы будем находиться. Если мы будем обжираться, толстеть, предаваться пьянству и сексуальным утехам, то мы не выберемся из мира желаний и общества потребления. Если мы будем враждовать и строить козни ближнему, то мы погрязнем в мире голодных духов и войн, если мы будем вести растительный образ жизни, стремясь к накоплению и богатству, не уделяя внимания духовному миру, то мы так и останемся в скотском мире. И только когда мы начнём расти духовно, мы сохранимся в человеческом мире. Но для того, чтобы попасть в божественный мир, нам нужно не только сосредоточиться на постижении вечных ценностей, но и обладать ими. Но пока что большая часть человечества блуждает в этих низших мирах, предаваясь деяниям и ложным взглядам, ведущим к заблуждениям.

"Вот видишь, милая моя! – мысленно воскликнул я обращаясь к Натали. – Судя по словам монаха, мы сами создаём наши миры, в которых и находим среду нашего обитания. В каком же мире сейчас находишься ты"?

Но ответа не последовало.

– Так что же нам делать, чтобы попасть в высший мир? – с затаённой надеждой в сердце спросил я его.

– Есть три типа деяний, – ответил мне Мосэ, – деяние тела, деяние рта – речь, и деяние мысли. Каждое из них делится на десять хороших и десять плохих. Сердце должно вам подсказывать, какие дела хорошие, а какие – плохие. И не важно, когда появится результат этих дел, так или иначе, добрые всегда будут улучшать вашу структуру строения при конструировании вашей самости. А концентрация на хороших делах, поможет вам подниматься по лестнице совершенства. Но для того, чтобы не блуждать в этих мирах, нужно избегать главных заблуждений. Это – алчность, гнев и самодовольство. Вскоре мы столкнёмся с проявлениями этих трёх миров, из которых, мы думаем, происходит выброс негативной энергии в наш мир. Поэтому вам нужно подготовиться, защитить свои внутренние тылы, чтобы ваши слабости в решительный момент не нанесли вам удар в спину.

– И что же для этого нужно сделать?

– Вам нужно просветлиться, – со сдержанной серьёзностью ответил Мосэ, – чтобы плоды просветления помогли вам в вашей борьбе с проявленным злом, с которым мы, несомненно, столкнёмся. Все мы имеем свои слабости, и главная сейчас задача стоит перед нами – это их преодоление. Для того, чтобы получить от нас тайные знания, вам нужно подняться на восемь святых ступеней – "хатикэндзэ" или "хассэ". Эти ступени восхождения помогут вам последовательно успокоить дхармы, сузят их и в конечном счёте лишат их возможности конституировать какие-либо композиции, иными словами, прекратят "волнение" дхарм. Вы обретёте полное совершенное спокойствие и добьётесь просветления, получите мудрость и совершенное знание ""тиэ" (разум), которое отличается от мирского знания тем, что оно ведёт к освобождению от заблуждений. При помощи "благородных истин" вы обретёте "исчерпывающее знание" и "знание о не рождении", так называемое универсальное знание, которое поможет вам проникнуть в нирвану при помощи медитации. Цель медитации заключается в изменении психического состояния человека, так как на уровне обычного сознания невозможно достичь "высшей мудрости" и, следовательно, просветления. Как только выдастся нам минутка свободного времени, мы научим вас одному из приёмов медитации "чистому сосредоточению" – "дзэдзэ" или сосредоточению на "не волнении" – "муродзэ", которое введёт вас в транс и позволит проникнуть в нирвану.

В это время мы увидели вдалеке ворота ботанического сада, и Мосэ прервал своё обучение. Некоторое время мы шли молча. Затем Мосэ сказал, обращаясь к Хотокэ:

– Вместо Исаму волна могла смыть меня в морскую пучину.

– А ты мог ему помочь? – спросил Хотокэ.

– Не знаю. Я боялся, что и меня волна унесёт в море.

– Возникает проблема, как поступить в данной ситуации? – молвил Хотокэ. – Пожертвовать собой ради спасения ближнего, или пожертвовать ближним ради своего спасения? И поэтому тебя сейчас мучает совесть. Ведь так?

Мосэ кивнул головой.

– Я думаю, – продолжил Хотокэ, – что об этом нужно меньше всего думать. Судьба сама распорядится тобой. Самое главное, это – самому не распоряжаться своей жизнью. А то бывают и такие: захотел уйти из жизни, и ушёл. Этого ни в коем случае нельзя делать. Как говорят, Бог дал жизнь, Бог взял. У каждого из нас есть своё предназначение, о котором мы, может быть, даже не догадываемся.

– Так-то оно так, – согласился с ним Мосэ, – но всё же становится как-то не по себе, когда видишь, что у кого-то рядом с тобой забирают жизнь, а ты остаёшься невредимым.

– Если ты не смог ему ничем помочь, тогда твоя совесть может быть чиста.

– Я мог броситься к нему на помощь, – признался Мосэ, – но я даже плавать не умею.

– Пожертвовать собой ради спасения другого человека – героизм, – заметил Хотокэ, – вот умирать за компанию – глупость.

– Вот именно.

– Если бы ты мог его спасти, а сам погибнуть – это одно дело, – успокаивал его Хотокэ, – обычно так поступают христиане, жертвуя собой ради других. Ведь так поступил их Бог – Иисус Христос, показав им пример. Но просто, рисковать своей жизнью, не будучи уверен в успехе своего предприятия, – это другое дело. Вот иудеи считают большим грехом расставаться с жизнью. Они считают также грехом, когда вместо тебя, кто-то расстаётся с жизнью. Например, пришла твоя очередь предстать перед Создателем, а ты, вместо себя, посылаешь к нему другого. Вот это – грех. Бог сам должен выбрать, кого он хочет забрать, как в твоём случае. Так что тебе не стоит терзаться угрызением совести. Мы с тобой не мусульмане, которые сами стремятся предстать перед Богом и привести к нему с собой ещё массу народа, как делают это террористы-фундаменталисты. Мы с тобой – буддисты, и к своей смерти должны относиться легко, потому что смерть легче пуха. А вот чужую жизнь мы должны ценить.

Услышав эти слова, я с болью в сердце подумал о Натали. Господь даже не дал мне возможности попытаться спасти её жизнь, а я вот отдал бы свою жизнь за её спасение, не раздумывая.

Вскоре мы дошли до ворот ботанического сада, где у входа девушка, похожая на цветок лилии, за стойкой конторки продавала билеты. Хотокэ протиснув свою лысую голову в окошечко конторки, сказал:

– Нам нужно поговорить с Красной Птицей.

Девушка посмотрела не него удивлённо и ответила:

– Извините, но у нас ботанический сад, а не зоопарк.

Мосэ оттащил от конторки Хотокэ, и сам просунул свою лысую голову:

– Извините моего товарища, – молвил он. – Нам нужен профессор Онмёо-но-ками, который занимается здесь изучением ботаники.

Девушка кивнула головой и по телефону связалось с научно-исследовательской лабораторией, после чего сказала нам, чтобы мы подождали.

Глядя в ожидании через ограду на райский сад, Мосэ заметил, обращаясь к Хотокэ:

– Ты помнишь слова Осю Тюсяя, который жил почти двести лет назад, из его «Записок о глубинах чистой души» – «Сэнсин дото ки»? Так вот, он говорит следующее: «Путь – это одна Великая Пустота. Поэтому, постигая науки, мы возвращаемся к Великой Пустоте, там кончаются людские деяния. Тот, кто хочет вернуться к духу Великой Пустоты, должен усердно постигать своё врождённое знание».

Хотокэ кивнул головой.

– Глядя на эти растения и деревья, я думаю, что именно они обладают врождёнными знаниями, потому что только их спокойствие и неподвижность способны проникать в Великую Пустоту. Когда же мы медитируем, то с помощью этой пустоты проникаем в нирвану, но потом нам приходится вставать и заниматься делами, и наши врождённые знания слабеют. У меня создаётся впечатление, что чем больше мы двигаемся, тем больше отдаляемся от нирваны.

Хотокэ ничего не ответил на эти слова.

Вскоре появился служитель ботанического сада и протянул нам чашку воды и, ничего не сказав, поклонился.

– Что это значит? – спросил Мосэ, но Хотокэ дёрнул его за рукав сутаны.

Затем он взял чашку из рук служителя, положил в неё что-то и вернул её человеку. Тот поклонился, и не сказав ни слова скрылся с ней в аллее сада.

– Что это значит? – опять спросил Мосэ у Хотокэ.

– А разве ты не знаешь? – улыбнулся тот и рассказал следующее. – Дайба, прослышав об исключительной мудрости Рюдзю, решил отправиться из одной части страны, где обитал

сам, в другую, чтобы повидать провидца. Запылённый и усталый, Дайба достиг, наконец, дома Рюдзю и постучал в ворота. Открыли не сразу. Вышел ученик хозяина и спросил, кто стучится. Дайба ответил, что, узнав о глубокой мудрости великого наставника, он пришёл из дальних мест, терпя по пути лишения, дабы повидать его. Ученик передал всё услышанное наставнику. Тот приказал налить в маленькую плошку воды и вынести путнику. Когда это было сделано, и Дайба увидел плошку, он сразу же понял в чём дело. Вынув из ворота своей одежды иголку, Дайба бросил её на дно плошки и попросил вернуть хозяину. Как только Рюдзю увидел это, он приказал немедленно прибрать в келье и пригласил гостя войти.

– Но почему он это сделал? – удивился я. – Почему Дайба положил в плошку иголку? Ведь хозяин предложил путнику воды оттого, что тот пришёл издалека, устал и не прочь был бы промочить горло. Что здесь странного? Ему нужно было её выпить, а не отсылать обратно с иголкой.

Хотокэ улыбнулся и сказал:

– Плошка с водой путешествует от хозяина к путнику. Таким образом, хозяин хочет сказать, что его мудрость не более чем пригоршня воды в этой маленькой плошке. Но приход гостя, явившегося за десятки тысяч ри, всколыхнули его разум и чувства, и они плещутся теперь, подобно воде в плошке. Путник же опускает в плошку иглу и передаёт хозяину. Согласно признанию хозяина, гость познал его душу. Смысл этого действия состоит в том, что маленькая иголка мудрости хозяина может проникнуть на самое дно океана мысли и чувств гостя.

Я подумал, услышав этот рассказ, что "Восток – дело тонкое", здесь всё не так, как на Западе. Всё делается со скрытым значением и смыслом.

Вскоре служитель вернулся и проводил нас к Учителю. Мы вступили в райский сад, где росли пальмы и цвели разные экзотические деревья, привезённый с юга из тропиков. Озираясь по сторонам, мы рассматривали всякие диковинные растения, и несколько раз останавливались, засматриваясь на чудеса природы. Наконец, служитель привел нас к лаборатории. Не только я, но и монахи испытывали волнение перед встречей с бессмертным.

Через минуту к нам на встречу вышел старик, белый как лунь, и низко поклонился.

– Чем обязан столь нежданному визиту почтенных гостей, – спросил он нас и улыбнулся.

От таких слов почтенные гости пришли в явное смущение и растерялись.

– Извините нас, если мы вас побеспокоили и оторвали от неотложных дел, – наконец, придя в себя, вымолвил Мосэ, склонившийся в низком поклоне.

Я тоже поклонился, но промолчал и смотрел на него как на Господа-Бога.

Находясь в той же позе, Хотокэ добавил:

– Мы не отнимем у вас много вашего драгоценного времени.

– Пустяки, – улыбнулся старик, – я как раз собирался немного отдохнуть и погулять по саду. Мы можем это сделать вместе.

Мы ещё раз поклонились старику, и пошли вместе с ним по аллее, засаженной растениями юго-восточной Азии. Видя смущение своих гостей, Онмёо-но-ками взял на себя роль гида и стал рассказывать нам об особенностях флоры индонезийских островов, называя латинские имена и те, которыми пользуются аборигены, проживающие там.

– Это дерево называется, *rohon waringgi* – гордость ботанического сада, – сказал он, показывая на огромное дерево, растущее в глубине аллеи. – Обычно такие деревья не растут в этом климате. Когда я посадил его, то сомневался, что оно вырастет, а оно акклиматизировалось в японских условиях и даже плодоносит.

– Сколько же этому дереву лет? – удивлённо спросил я, поборов смущение.

– Чуть более четырех сотен лет.

В этот момент я явственно услышал смешок Натали. От неожиданности я вздрогнул и посмотрел по сторонам, но её нигде не было. Вероятно мне это почудилось.

– Но как вы могли его посадить?! – воскликнул я удивлённо.

– Я привёз его из южных островов в виде семечка.

– И вы вырастили его сами? – с недоверчивостью спросил я.

– Нет. Я его только посадил. Оно выросло само. Правда, должен признаться, что у меня лёгкая рука. Все деревья, которые я в своё время сажал в Японии, растут по сей день. Ни одно не погибло. Я умею сажать деревья, выбираю такие места, в которых из-под земли выходит жизненная энергия. В таких местах деревья могут расти вечно. Люди, живущие рядом с этими деревьями, могут набираться жизненной силы и тоже жить вечно.

– Сколько же вы посадили деревьев, и где они растут? – спросил я его удивлённо.

– Я сажал деревья в разных местах Японии, но есть и другие деревья, которые, может быть, посадил сам Господь-Бог. Разница между посаженными деревьями и выросшими самостоятельно состоит в том, что когда человек сажает дерево, он как бы закладывает в него свою программу, передавая ему свои знания. Это дерево несёт частичку того человека и в какой-то степени продляет ему жизнь. Не даром говорят, что те кто сажает деревья, живут долго, потому что в установившейся связи между человеком и деревом происходит обмен энергией. Чем больше сажает человек деревьев, тем дольше продляется его энергетическая сущность. Ведь даже европейцы это понимают, когда говорят, что нужно в жизни построить дом, вырастить ребёнка и посадить дерево. Но речь сейчас не об этом. В лесах по всему миру есть священные деревья, в которых проявляется вся энергетическая сила природы. Такие деревья порождает Небо и наделяет их удивительными свойствами памяти, делая их проводниками между землёй и небом. На островах Рюкю есть два таких дерева, потому что выход из земли живой энергии обнаруживается только в этих двух местах. На этом острове Кюсю растут четыре дерева. На соседнем острове Сикоку – два. На острове Хонсю их сорок, и на Хоккайдо – одно. Самое ближайшее такое дерево растёт недалеко отсюда рядом с городом Кагосима. Его называют Комоуно-косу. Это камфорное дерево в обхвате составляет тридцать три метра. Обычно камфорные деревья растут в жарких странах: на Тайване, в Индокитае и Индонезии. То, что оно выросло в этих климатических условиях является настоящим чудом.

– Какой же его возраст? – удивился я.

– Более тысячи лет, – пояснил старик. – А если быть точным, то 1300 лет.

– А какой возраст вашего самого старого дерева? – поинтересовался я.

– Пятьсот лет, – не моргнув глазом, молвил старик.

– Сколько же вам лет? – удивлённо спросил я его.

– Мне кажется, что я живу вечно, – уклончиво ответил Онмёо-но-ками.

Я опять услышал смешок, который наверняка принадлежал Натали.

Поймав на себе мой взгляд, профессор улыбнулся, подумав, что я и монахи, вероятно, решили, что имеют дело с выжившим из ума стариком. Обращаясь к монахам, он спросил, знают ли они, кого называют древесным божеством. Те покачали головами, ожидая, что скажет профессор.

– Нет, не подумайте, я не являюсь древесным божеством, – смеясь, молвил профессор, – древесным божеством служители религии синто считают Сусаноо-но-микото. Возвращаясь из мистической страны Кара-куни, где было много золота, он привёз на судне много сокровищ. И якобы по дороге он вырывал из тела волосы и втыкал в землю, из них-то и выросли деревья. Так, из его усов и бороды выросли криптомерии, их волос из груди – кипарисы, с поясницы – маки-но-ки, из ресниц – камфорные деревья, и так далее. Из камфорных деревьев и криптомерий местные жители стали строить корабли, кипарисы пускали на возведение дворцов, а маки-но-ки пускали на гробы. В соседней префектуре Миядзакэ растёт ещё одно камфорное дерево под названием Кётакэ-но-оосуку. В народе его ещё называют «Быком, потрясающим рогами». В обхвате оно составляет более двенадцати метров, а высотой – тридцать пять метров.

Перед моим внутренним взором вдруг возник облик самой Натали. Она мне улыбалась. Но в уголках её губ таилась ирония. Я тут же вступил с ней в мысленный спор:

"Ну что ты хочешь, мистическая страна Кара-куни – это "пустая страна" – Страна Пустоты, Космос, и божество Сусаноо-но-микото является пришельцем, который из других миров принёс с собой семена деревьев. Всё объясняется просто, как и сама религия синтоизма".

– Но это всё легенды, – заметил я вслух. – И всё же, скажите, учитель, для чего вы садили деревья, и почему вы выбирали для них места, и что вы хотели этим добиться?

– Это очень хороший вопрос, – улыбнувшись, сказал профессор, – дело в том, что на земле существуют особые святые места, через которые Высшему Разуму или, как в народе говорят, Богу, легче всего передавать знания людям. Я отыскивал такие места и там сажал мои деревья, которые аккумулировали в себе эту земную энергию, чтобы передавать нашу информацию божествам, живущий в иных мирах. Так что на земле растут два вида деревьев: посаженные людьми и выращенные природой, в которых мы и можем услышать отголоски далёких божеств. Второй вид – наиболее ценный для нас. Синтоистам, особо чувствительным к проявлению этой энергии, удавалось определять силу этих деревьев, и они брали их под защиту, объявляя местными божествами. Так что у многих таких деревьев воздвигнуты синтоистские храмы. Эти деревья со временем накапливают в себе божественную энергию в виде небесных знаний или другими словами божественных откровений.

– Удивительно, – воскликнул Мосэ, – и что же представляют собой эти божественные откровения?

– Вы же знаете, что Бог через Моисея еврейскому народу передал первые небесные знания вначале в виде электронных скрижалей, но Моисей их разбил. И тогда Бог, убедившись в варварстве людей, передал им каменные скрижали, на которых были высечены заповеди. Их можно считать первой страницей божественной книги откровений, в грубом исполнении. Но обычно среди совершенных существ знания передаются не через каменные скрижали, а в виде энергетических сгустков, несущих информацию. Но я должен вас сказать, что Высший разум здесь на этих островах через свои деревья передал все знания человечеству, но не в форме каменных пластин, а в форме голографических сгустков энергии, сформатированных в виде свитков, к которым привыкли местные жители и учёные. Они не видимы глазу обычного человека, а раскрываются лишь перед теми, кто может настроиться на их волну колебаний. Так что эти деревья можно считать носителями информации, и только человек совершенный может, соприкоснувшись с этим деревом, увидеть невидимую страницу истинно божьего писания. Высший Разум это сделал для будущего человечества, когда оно настолько созреет, что сможет воспользоваться этими знаниями, чтобы обрести божественное могущество. Но к сожалению, человечество ещё не доросло до этого уровня, чтобы обладать таким сильным оружием. Более того по всему миру производится вырубка деревьев. Так что человечество само себя лишает своего будущего и своих знаний. И этими знаниями стали пользоваться тёмные силы, которые вы называете тёмными духами или чертями. Дело в том, что эти деревья, носители скрытой энергетической силы, являются своего рода дверями в потусторонний мир, откуда через них и хлынули разные тёмные сущности в наш физический мир. И ваша задача заключатся в том, чтобы закрыть эти двери проникновения и прочесть все божественные откровения, если вы это сможете, а затем поделиться ими с людьми, но лишь с теми, которые их достойны. Ведь сильное оружие всегда должно храниться втайне, чтобы им не воспользовались тёмные силы. И так уже к некоторым тёмным силам на земле попали эти небесные знания, и они, обладая ими, настолько окрепли, что вам придётся трудно бороться с ними. К тому же те сущности, которые через открытые двери прорываются в наш мир, могут соединиться с этими силами и, тогда мир погибнет.

Набравшись храбрости, Мосэ прервал старика вопросом:

– Скажите, учитель, а вы сами были в Кара-куни и встречались с чертями?

– Бывал, – скромно ответил Повелитель Светлого и Тёмного Пути.

– Тогда вы знаете самого главного черта, и, может быть, что-то слышали об «Учении шести углов»?

В это время старик с нами вышел на берег моря, где кончался ботанический сад. Далеко на юг уходила дорожка из островов в сторону Окинавы, называемая общим именем Рюкю. Старик пригласил нас сесть в тени кипарисов и, глядя вдаль, на убегающие острова, заметил:

– Вот по этому самому пути из южных морей пришёл один народ и расселился на японском архипелаге. Давно это было.

– Может быть, это был еврейский народ, который в своё время Моисей водил по пустыне? – спросил его Мосэ.

– Не знаю, – ответил тот, – но для того народа Япония стала своей Землёй Обетованной так же, как для евреев их земля. Здесь они нашли свой рай. Вы только обернитесь и посмотрите вокруг, не напоминает ли вам ботанический сад истинный рай. Здесь собрано столько диковинных растений со всей земли, что по разнообразию его можно сравнить только с Эдемом.

Я и монахи осмотрелись по сторонам, и у меня возникло такое же чувство как у Адама, который с Евой пробудился в раю. Старик смотрел на нас как бог и говорил нам такие вещи, от которых мурашки пробежали по телу.

– Вы говорите, чёрт, – начал старик, – в своё время я прочитал одну мудрую книгу еврейского народа – Тору и там нигде не увидел упоминания о черте. В ней говорилось о змее-искусителе, который соблазнил Еву, дав её запретный плод с Древа Познания. За это Бог и выгнал Адама и Еву из рая. О чёрте стали говорить христиане. Вы не задумывались, почему евреи никогда не упоминали о чёрте?

– Нет, – произнёс взволнованный Мосэ.

– Тора – мудрая книга, – продолжал старик, – но её столько раз переделывали и приспособляли под свои взгляды, что многое в ней извратили. Нет, конечно же, не евреи, а те, которые пытались примазаться к этому святому писанию. «Учение о шести углах» тоже возникло из этого копирования. Одно из отколовшихся колен израилевых проникло в Японию ещё в незапамятные времена. Оно научило японцев первой грамоте – катакане. Если вы сравните японские тексты со страницами Торы, то вы заметите, что многие буквы срисованы со святой книги. Японцы позднее на примере этих букв создали похожую свою азбуку хирагану, а иероглифы заимствовали из Китая. В этой стране нет ничего своего. Всё – чужое. Всё – заимствованное. И учение «Роккакурон» – «Учение о шести углах» возникло из каббалы.

При этих словах глаза у Мосэ заблестели.

– Вот! – воскликнул он, глядя на Хотокэ. – Это подтверждает мою теорию о том, что евреи приложили руку к японской цивилизации.

Хотокэ ничего не ответил, только отвёл взгляд в сторону, и казалось, внимательно разглядывал куст с экзотическим малайским названием «бунга-мавар».

– Само название чёрта возникло намного позже, – продолжал вещать Повелитель Светлого и Тёмного Начала, – чёрт – это тот, кто отклонился от черты, от истинного желания и учения Бога. Можно получить бессмертие, но всю жизнь свою оставаться в блуждании, во тьме и быть слепым. Можно получить обоюдоострый меч, но пользоваться им не во благо, а во зло. Можно вечно стремиться к Богу, но не приблизиться к нему ни на шаг.

– Учитель, – воскликнул Мосэ и упал перед ним на колени, – учитель, скажите, что означает этот знак?

И он тут же на песке написал пальцем звезду Давида.

– Учитель, – возбуждённо повторил Мосэ, – этот знак я часто вижу на некоторых буддийских храмах. Он имеет отношение к «Учению о шести углах»? Это же символ еврейского учения – иудаизма?

Старик посмотрел на знак и, усмехнувшись, заметил:

– Каждый толкует этот знак по-своему. Но этот знак появился ещё в допотопные времена, прежде чем перекочевать на щит царя Давида. Он означает связь неба с землёй. Взаимное общение человека с Богом и Бога с человеком через святые откровения. Взаимопроникновение земного и небесного, человеческого и божественного. Это – знак преодоления границ и преград, символ трансцендентности.

– Проникновение в другое измерение? – вскричал, не удержавшись, я, придя в великое возбуждение.

– Можно считать и так, – ответил старик.

– Познание будущего и всего, что связано с иным миром?

Старец развёл руками и сделал жест, который можно было понять и так и этак.

– Вот видишь! – торжествующе воскликнул Мосэ, обращая свой взгляд к Хотокэ, – я в это верил, и только что получил этому доказательство.

Хотокэ ничего не ответил. Мосэ немного успокоился и сел на скамейку рядом с нами.

– И все же, учитель, – произнёс он, обращаясь к старику, – расскажите нам, кто такой чёрт, и какое он имеет отношение к «Учению о шести углах».

Старик посмотрел в даль островов, уходящих за южный горизонт, и молвил:

– Раз уж вы хотите услышать мою историю, то наберитесь терпения. В двух словах её не расскажешь.

– Мы для этого и приехали, – вырвалось у Мосэ, но он тут же замолчал и принял сосредоточенный вид.

– Чёрт – это наше вырождение. Отклонения от праведного Пути. Преступление той черты, за которой мы идём к гибели. Я имею в виду, как одного человека, так и всё человечество. Путь чёрта – это путь к безумию. В Библии христиан в Первом послании к коринфянам сказано: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сём, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом». Возьмём, к примеру, Российскую Империю. Как могла самая христианнейшая страна в мире, самая верующая в Бога держава в одночасье сделаться сатанинской и атеистической. Не случилось ли это по причине её мудрой интеллигенции? А весь её народ, и русские православные, и мусульмане, и еврейские иудеи в мгновение ока превратились в чертей и сынов дьявола? Весь 20-й век был во всём мире веком безумия, разрушения блистательных цивилизаций и высших государственных образований – империй, а 21-й век станет веком разрушения мировых религий. И выживет только одна религия.

– Какая? – вскричал изумлённый Мосэ.

Но старец, не обращая на его вопрос, спокойно продолжал:

– Сейчас в мире продолжается всеобщее разрушение, разрушение наших душ, и это разрушение называется дьяволом, созидание же и строительство называется Богом. Но в мире уже ничего не строится, всё разрушается. Пока что вы не видите этого, но мудрецы это уже почувствовали. Никто ещё не знает, но грядёт конец человечества. Человечество само себя уничтожает. И конец света может случиться раньше, чем вы все предполагаете. Никому из людей не обрести Царства Божьего, потому что у них не будет будущего, до тех пор, пока они не исправятся. Мир становится безумным. Безумие, неизлечимые болезни и вырождение довершают своё дело.

Старец замолчал. Затем, глубоко вздохнув, продолжил:

– Я уже стар и хочу умереть, но я – бессмертен. И мне придётся быть свидетелем конца света. Кто же спасёт мир? Чёрт занёс уже свою секиру.

– Но кто этот чёрт? – в ужасе воскликнул я.

– Дьявол уже сидит в людях, – спокойно сказал старец. – Он почти во всех. И от него им уже нет спасения.

Мосэ вытер дрожащей рукой пот со лба.

– Неужели нет никакого выхода? – в отчаянии воскликнул он.

– Думаю, что выхода нет, и не будет его до тех пор, пока человечество не найдёт путь к спасению, – ответил тот. – И если оно не сможет побороть свою деградацию, то не сумеет переместиться в другое измерение, в другой мир, оставив всё плохое умирать с гибелью этого мира.

– Вы имеете в виду трансцендентальность?

– Да, – ответил старик.

– Но что для этого нужно сделать? Учитель, есть хоть малейший шанс у нас.

– Есть, но он настолько малый и невыполнимый до такой степени, что я не хочу даже говорить о нём.

– Учитель, скажите, прошу вас.

Старец подумал с минуту, как бы не решаясь открыть тайну, и молвил:

– Я предвидел, что мир погрузится в хаос, и с нетерпением ждал вас, чтобы вы вернули Слово Божье будущим потомкам. И вот вы появились. И у меня появилась надежда как-исправить человечество, донести сокровенные знания до человека, знания, им забытые. Но главное – не допустить их проникновения в среду тёмных сущностей.

При этих словах, я почему-то вспомнил о Майкле.

– Тонкие сущности, – продолжал старик, – стали слетаться к этим деревьям со всех сторон как пчёлы на мёд. При этом возникла проблема. Я никак не могу понять, кто они, чтобы вступить с ними в контакт. Для того, чтобы узнать их поближе, мне нужны люди, подобные вам, с очень высокой степенью духовности и совершенным интеллектом. Я старался повсюду отыскать таких людей, но безуспешно. Никто не подходит на эту роль. К тому же, эти люди должны быть храбрецами. Найдутся ли такие? Всё же вступать в общение с тонкими сущностями – равносильно общению с дьяволом. Задача таких смельчаков, заключается в следующем: во-первых, смогут ли они приобщиться сами к этой информации, а во-вторых, способны ли они уберечь её от тёмных сущностей, и не воспользуются ли ею во зло человечества. И прежде всего нужно защитить эти деревья с помощью освящения, иными словами, воздвигнуть защиту их чистоты от проникновения в них мирской грязи этого мира. Только так вы сможете очистить этот мир и спасти будущее живых существ на планете.

– Но почему вы думаете, что мы не справимся с этой задачей? – удивился Мосэ.

– А хватит ли у вас для этого способностей? – спросил старец, глядя на нас испытывающим взглядом.

Мы молчали. И старец продолжил:

– Но у меня уже нет времени заниматься поисками смельчаков, время неумолимо приближает конец света. Сейчас просто необходимо что-то делать, поэтому я и вверяю судьбу мира в ваши руки. Если у вас ничего не получится, то земля погибнет. Этот мир соединится с антимиром, и произойдёт самоуничтожение всего живого в этой части Вселенной.

– Мы сделаем всё, что в наших силах! – вскричал Мосэ. – Поэтому мы и прибыли сюда для встречи с вами.

– Но это – непростое дело, – заметил Онмёо-но-ками, – все эти места сейчас крепко охраняются не только тёмными силами, но и ещё кем-то, о ком мы ничего не знаем. И тех, кто приблизится к моим деревьям с целью заполучить это учение, ждут такие испытания, которые вряд ли кто-то выдержит.

– Но у нас нет выхода, вы же сами это сказали, и мы это сделаем, – поклялся Мосэ и бухнулся перед старцем на колени.

Хотокэ, слушая диалог своего товарища со старцем, всё больше приходил в возбуждение. И когда услышал последние слова старца тоже встал на колени и склонил свою голову.

– Учитель, – обратился он к старцу, – я присоединяюсь к клятве моего товарища сделать всё, чтобы спасти мир и оградить его от вторжения тонких существей.

Я молча присоединился к монахам, тоже встав на колени рядом с ними.

Взгляд старца просветлел. Он улыбнулся и сказал:

– Встаньте, не стойте на коленях, а то вы меня смущаете. Я знал ещё утром, что вы придёте ко мне, чтобы исполнить возложенную на вас миссию – спасти человечество. Как бессмертный, я обладаю предвиденьем. Поэтому, увидев вас, я низко поклонился, чем и ввёл вас в смущение. Извините меня. Откровенно говоря, я пока не могу вам сказать всей правды, немного позже вы сами всё узнаете и поймёте. Но на объяснения у меня сейчас нет времени. Скажу только, что мой выбор пал на вас ещё потому, что только вы, обладая высокой духовностью и развитым интеллектом, сможете систематизировать тонкие существей рядом с этими деревьями, понять, какое они имеют происхождение – земное или инопланетное, являются ли они духом умерших людей, использующих только наш земной опыт, или их занесло к нам космическим ветром, чтобы, познать наши духовные секреты, изложенные в свитках учения, напрямую переданного нам Господом, чтобы иметь связь с Небесной Истиной, понимать будущее и уметь изменять время и свою судьбу.

– С чего нам нужно начать? – деловито спросил старца Мосэ.

– К вечеру я составлю карту расположения всех священных деревьев, растущих в Японии, – сказал Повелитель Светлого и Тёмного Пути, – с этой картой вы отправитесь в дорогу, и начнёте освящение этих деревьев.

Монахи послушно кивнули головами. Взгляд старца упал на меня, и я смутился. Монахи молчали и выжидательное смотрели на меня. Наконец, я сообразил, что тоже должен что-то сказать старцу. Я низко поклонился ему и молвил:

– К сожалению, я ещё не обладаю теми свойствами, которые имеют высокочтимые монахи, и уж тем более не имею их способностей, но я бы очень хотел помочь им в их благородном деле спасения мира. Я прибыл издалека и думаю, что, напитавшись восточной мудростью, я принесу много полезного своим соотечественникам, помогу им спастись в предстоящей мировой катастрофе.

Старец улыбнулся и, качнув головой, сказал:

– Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Так, кажется, говорил Иисус Христос. Пути Запада и Востока разные, но перед нами всеми одна цель – быть достойными нашего Творца. А какой дорогой мы едем – это не имеет значения. Главное – это чтобы всем нам открывалась Истина. Я рад, что вы полны решимости присоединиться к нам по спасению мира, и надеюсь, что вскоре именно ваша страна станет местом спасения будущих поколений. Местом, где доброта и сострадание станет примером для всех живых существ на земле. А знаете? Почти пятьсот лет назад Фудзивара Сэйка в своих «Набросках о тысяче поколений» – «Тидай мотогуса» предсказывал: «Изначальное сердце Неба – это забота о том, чтобы вещи, наличествующие в мироздании, благоденствовали, человеческое сердце – наша сущность, отделившаяся от Неба, поэтому важным следует считать то, что, став сущностью человека, внушает людям сострадание».

Я ещё раз поклонился ему.

Старец посмотрел на часы и сказал:

– Мне надо идти. До вечера вы можете побыть в ботаническом саду. Отдыхайте, можете подкрепиться фруктами с деревьев. Вы – мои гости.

– Благодарим вас, профессор, – в один голос воскликнули монахи и склонились в глубоком поклоне. Я тоже поклонился.

Старец ушёл, а мы повалились на траву от изнеможения. Буря, переживания и бессонная ночь отняли все наши силы. Монахи тут же задремали, а я, находясь под впечатлением от сказанных слов старцем, погрузился в раздумья, как Иисус Христос в Гефсиманском саду.

чувствовал, что стою на пороге великий испытаний, но смогу ли я побороть все свои слабости, чтобы познать Истину? И нужна ли она мне? Ведь за этой чертой начинаются необратимые изменения, когда я перестану быть простым обыкновенным человеком, и стану некоей другой сущностью. И смогу ли я правильно распорядиться своим знаниями и своей силой? Ведь, как говорят французы: «Ноблес оближ» – положение обязывает. Смогу ли я не впасть в искушения, и оказаться достойным своего Создателя? Иначе меня в будущем может ожидать судьба демона.

В волнении я встал с травы и прошёлся по небольшой поляне между экзотических деревьями. Сад и впрямь напоминал эдемский рай, где Адам вкусил от запрещённого плода. И я мог получить здесь этот запретный плод, но не от женщины, которую я потерял, а от бессмертного, который, может быть, и является тем драконом, который соблазнил когда-то Еву. А, может быть, этот бессмертный и есть то Древо жизни, которое так тщательно скрывал от Адама Господь. Но вот пришло время, чтобы этой тайне раскрыться, и она поможет мне самому обрести бессмертие, которое я смогу потом передать другим.

Мысли роились в моей голове, как пчёлы в улеи. И я подумал: Раз судьба привела меня в этот таинственный сад, значит, пришло моё время приобщиться к вечным тайнам. И если мне выпала такая доля, и сию чашу не миновать, то не лучше ли будет для меня принять всё, как есть, и обрести этот мистический опыт, который поможет мне найти мой путь и выполнить своё предназначение на земле. И тут же я подумал, что если монахи делят весь мир на пять миров: желаний, страстей, скотско-растительный, человеческий и божественный, то мистический опыт даёт возможность соприкосновения с духовным, божественным миром. И я способен также и на внутреннее, а не только на внешнее постижение природного мира.

Но в этот момент я вновь ощутил себя школяром, простым семинаристом, хотя и никогда и не учился в семинарии. Я понял всю трагикомичность моего положения из-за моих притязаний на истинную святость и готовность понять мистическую сторону реальной жизни. Да кто я такой? Я не только ни святой отец, но и даже ни служитель церкви. Я – великий грешник, соблазнивший когда-то чистую и невинную девушку, которую потом бросил, уехав в Японию, и вот недавно, встретившись с ней, уже замужней, вновь совратил её, увлёк с собой в это опасное странствие, и даже не смог защитить. Ведь это я погубил её жизнь.

Имею ли я право прикасаться к святыням? Достоин ли я называться священником, спасителем мира. Всю мою жизнь я горел одним лишь желанием приблизиться к Истине, соприкоснуться с ней, чтобы познать глубину божественного мироздания. Но чтобы обрести божественную мудрость, не достаточно опираться на образование или подражание святым отцам, а необходимо самому, выбрав путь, совершить некий духовный подвиг, преодолеть те границы, которые отделяют мудреца и святого от обычного человека. А это – неустанная борьба самого с собой. Ведь я же понимаю, что многие люди на земле заражены безмерным честолюбием и наивными иллюзиями получить нечто такое, что их возвысит над всеми другими, будь то постижение Истины, приобретение известности и власти или получение богатства. Эта черта присуща всем. Каждый человек в жизни, так или иначе стремящийся к счастью и успеху, лелеет в своей душе желание стать выше других, стремится к недостижимому, заражаясь самообольщением, что он может сделаться лучше и удачливее. А иные, так вообще, мечтают быть пророками или великими подвижниками, воображая себя моисеями, буддами или христами. Но для того, чтобы стать таким подвижником, необходимо создать своё учение, в котором сама истина была бы выстраданной, а не заимствованной из других учений. Но мне это пока не по силам, потому что я очень мало знаю о мистическом опыте других людей. И для того, чтобы создать что-то своё, на верное, необходимо чему-то научиться у других.

Ведь все умные мыслящие люди, провидцы и мудрецы обязаны разбираться в неких знаниях, где малопонятные вещи для обыкновенных умов являются само собой разумеющимся. Это, так называемые, мистические тайны и скрытые истины. Если они не откроются, то о каком просветлении может идти речь? Нельзя заимствовать что-то, если ничего нет своего собственного.

И для начала нужно проникнуть внутрь себя и попытаться отыскать тот самый внутренний стержень, который напрямую связывает меня с природными знаниями. Мой стержень – Православие, христианство. И никто меня не переубедит, что другие религии мощнее и более приближены к Истине. Да, Будда учил человека, как самостоятельно исправить себя и привести себя к спасению. Моисей учил свой народ, как исправить свой народ и доминировать с ним над другими народами, и только Иисус Христос учил всех, как исправлять себя и помогать своему ближнему, не взирая на принадлежность его к какому-либо народу, и как спастись всем и спасти наш мир. И в этом смысле Православие является истинным христианством, которое не идёт ни на какие уступки и компромиссы со своей совестью. Только в нём обозначен ясный выбор между добром и злом.

Я вновь сел возле спящих монахов и подумал: Что же я здесь делаю? И почему я среди буддистов, а не среди своей братии? И тут же я подумал, что можно, оставаясь самим собой, изучить и другой мистический опыт. Ведь и у Иисуса Христа была возможность познакомиться с мудростью Востока, именно к нему с Востока пришла звезда и остановилась над тем местом, где он должен был родиться. И, может быть, я, следуя за этой же звездой, познаю истинность православного учения и проникну в его самую сакральную тайну. Ведь был же золотой век, когда древние христиане, общаясь с восточными мудрецами, смогли не только утвердиться в своей вере, но и познали все её мистические стороны, научившись творить чудеса. Да, тогда ещё существовали истинные святые, настоящие люди и подлинное понимание сущности природы Человека, Бога и Святого духа. Это сейчас уже все стали распушенными обывателями, которые пытаются своё развращённое, испорченное время сравнивать со счастливым прошлым, взирая на своих предков с чувством зависти и сожаления того, что утратили их свойства и умение находиться в гармонии с миром. Да, когда-то нашим предкам были известны те стародавние божественные истины, которые их зажигали благородным и безудержным стремлением к чему-то значительному, вечному, самоценному, побуждая их на духовный подвиг и преображение в желании превзойти себя и добиться невозможного. Но эта тяга к идеалам вновь может возвратиться в наше общество и вернуть людям стремление ещё раз попытаться стать совершенными, теми богочеловеками, которыми были наши предки, наделённые великой мудростью и знанием, как через трансцендентность обрести бессмертие.

Мне вдруг вспомнилась Родина. И перед моим внутренним взором промелькнули светлые картины моего прошлого: детства, юности, студенчества, когда я иногда целые дни проводил на природе, бродил по полям и лесам в одиночестве и, мне казалось, напрямую общался с Господом Богом. Я видел в синеве рек белые купола церквей с золочёными крестами, слышал колокольный звон, и очень часто думал о вечном, сидя на берегу чистых речных потоков.

Мне просто было необходимо общение с этими монахами, хотя бы для того, чтобы сравнить их мистический опыт с православным.

Когда я посещал церкви и стоял в толпе молящихся на богослужениях, то понимал, что именно в православии мистический опыт имеет ярко выраженный объективный характер. Я всей душой ощущал, глядя на лица верующих, что они участвуют в своём роде выхождении из своих тел и присутствуют на духовной встрече с проявлением мистических сил. Мои посещения церкви были самыми яркими страницами моей жизни, когда я сам участвовал в подлинной жизни Православия. И его мистика была похожа на некий воздух небес, напоённый благоуханным ладаном, окружающий меня и всех молящихся в церкви в той или иной степени уплотнённости. Он как бы, постоянно двигался, поднимался и уходил с лёгким дымком в глубину купола

к ликам святых и угодников, увлекая за собой мою душу. Стоило мне только войти в нашу православную церковь, и уже на пороге я ощущал эту особую мистическую атмосферу, которая погружала меня в некое пространство, отделённое от реального мира. А во время богослужения и молитвенного песнопения, мы все, находящиеся в церкви, как бы перемещались в Царство Божие, и напитывали себя такой чистотой, что её хватает до нового посещения церкви. Почему такое происходит только в нашем православном "намоленном храме"? – до сих пор я не мог понять. Может быть, из-за того, что именно на нас тогда опускалось облако славы божьей.

Я лёг на спину и устремил свой взгляд в небо. Оно было синем и чистым, и только одно облачко висело над нашим эдемским садом.

И раньше моя жизнь в Православии была связана с видением иных миров. Без этого видения она просто как бы и не существовала. Во время богослужения я как бы вместе со всеми проникал в этот мир божий, и, опираясь на воспоминание духовного предания, как бы напрямую общался с Господом, Матерью Божьей и святыми, и через это общение ощущал причастность к вещам невидимого мира. В той мистике я обретал свою новую реальность, и постоянно пребывал в ней. Мне казалось, что именно та нисходящая на меня атмосфера делала меня причастным к святости, к подлинности моего истинного существования во вневременном пространстве. Я ощущал только в своей церкви нечто неподдающееся ни описанию, ни объяснению, нечто такое, от чего чувства и переживания невозможно было сравнить ни с какими другими моими бдениями в буддистских монастырях и моим стремлением и потугой к просветлению. Именно та святость православия зажигала всегда во мне фонарь духовности, того особого состояния, которое невозможно сравнить с тем, что я переживал здесь, в Японии, стараясь с буддистами разжечь в себе дух просветления неведомо каким огнём, который пока так и не зажгёт ещё мой духовный фитиль. Может быть, мне не хватает того мистического реализма моей церкви и того состояния души во время православного богослужения, вне которого всё теряет свою силу, и не получается той совершающейся мистерии боговоплощения.

На этих мыслях я задремал и окончательно провалился в пустоту.

День седьмой «Летающий Заяц»

Этот бренный мир,

С чем сравнить могу тебя?

Рано на заре

Так от берега ладья

Отплывает без следа...

Песнь настоятеля буддийского монастыря Сами Мансэя (Ш-351) «Маньёсю»

Und Gott sprach: Es werden Lichter an der Feste des Himmels, die da scheiden Tag und Nacht und geben Zeichen, Zeiten, Tage und Jahre und seien Lichter an der Feste des Himmels, dass sie scheinen auf Erden. Und es geschah also.

Вдруг я неожиданно проснулся. Монахи ещё спали. Лёжа на спине, я устремил взгляд на небо и следил за движущимся облачком над нашим садом. Вот оно остановилось, зависло в воздухе как воздушный шар, расцвеченный пронизывающими лучами солнца. Облачко постоянно меняло свою конфигурацию. В какой-то момент я вдруг уловил в нём некую схожесть с лицом моей возлюбленной Натали. Оно мне показалось мертвенно бледным, как её посмертная маска.

Внутренне я содрогнулся от увиденного и подумал: Только не это, только бы она осталась в живых, только бы избежала смерти. Говорят, что люди становятся совершенными и наделёнными великой мудростью только одно-единственное мгновение – в момент смерти, и что смерть является не чем иным, как постижением конечного смысла, последним, наконец-то свершившимся актом самоотречения. Но я не хочу, я не желаю всей своей душой, чтобы моя ненаглядная возлюбленная Натали таким образом достигла этого совершенства, конечного результата своей жизни. Пусть она будет всегда такой, какой она есть, и не меняется. Я буду любить её даже глупенькой, но только бы она жила, пусть она будет несовершенной, пусть делает массу ошибок в своей жизни, пусть даже предаст меня, но только бы она оставалась в живых. Мне не нужна она мёртвая.

Но почему я в этом облаке увидел её лицо? Ведь именно лицо отображает личность. А что такое личность? Это – нечто свойственное только одной сущности, но это не сама сущность, самосознающая своё бытие, и ощущающая своё "я" в этом мире. Личность – это то, что нас напрямую связывает с самим Господом Богом, потому что в каждой личности отображена божественная сущность, это – не природа, а наше отображение Бога в нашем естестве. И личность женщины намного чище личности мужчины, потому что, как сущности, мы имеем в себе те же ипостаси и обладаем тем же духовным инструментарием, которым являются наш ум, сердце и дух. Но не случайно именно женское природное начало чистой и непорочной Девы Марии было способно зачать в себе от Святого Духа нашего Спасителя. Поэтому женщина является по своей природе нашей формой, которая при помощи нас отливается и рождает добро или зло. Вот почему я так привязан к своей Натали, потому что именно она является источником моей чистоты и моего исправления в жизни. Не женщина влияет на мужчину, а мужчина всегда влияет на женщину, делая её прекрасным ангельским созданием или дьявольским исчадием ада.

Всё зло таится в нас, в нашем мужском начале. Наконец-то я это понял. И я понял, почему я никак не мог проникнуть в её сознание. Да потому, что она является полным отражением меня, и то, что я в ней посеял, то и получал. Как я могу её познать, если я не способен познать даже самого себя, проникнуть во все тайные уголки своего сознания. Да и что представляет собой наше сознание, сознание нашего бытия или мира? Мне даже не известно, откуда проникают мысли в мой разум, и чьи это мысли: мои собственные, божественные, или они – от лукавого, а может быть, от какого-нибудь другого человека. Наш мир – это мир мыслей, а если точнее, то мир слов, и только тот потусторонний мир – это мир молчания. Там нет слов, мы ничего не слышим из того мира, но мысли из него к нам всё же приходят.

И где сейчас находится Натали? В этом мире или уже в потустороннем? Поэтому я не слышу её голоса, а слышу лишь её лёгкий слегка иронический смех. Как научиться мне общаться с ней? Как заставить её говорить со мной, если она уже находится в ином мире? Ведь если я смогу установить с ней связь, то, может быть, я смогу восстановить её тело, то есть соединить её душу с телом, оживить её, несмотря на то, что если она его давно покинула.

И я ещё раз горячо помолился за её спасение, вкладывая в эту молитву всю мою душу. Облачко рассеялось. Мои мысли начинали путаться, меня одолевал сон, а мои мысли расходились в двух направлениях. В них то, появлялся, то исчезал отец Гонгэ. Он говорил, как бы исповедуясь передо мной:

"Часто я задаюсь вопросом, как Ричик мог попасть под ноги моей сестры и расстаться с жизнью? Мне всегда казалось, что птицы – самые быстрые существа на свете. Самые подвижные, самые неуловимые. И сердце у них колотится намного быстрее, чем у других обитателей земли. Они обладают такими возможностями, каких нет ни у кого в мире. Они умеют летать. Полёт – их стихия. Иногда даже пуля не может их настичь в полёте. И вдруг, такая глупая смерть. Оказаться в то время и в том месте, когда на тебя кто-то наступает в темноте и лишает жизни. И это происходит при всех их неординарных способностях, наделённых Всевышнем. Какой-то абсурд. Думая об этом, начинаешь верить в судьбу".

Я вспомнил Натали в самом начале нашего знакомства, когда она была ещё чистой наивной девушкой. И она предстала в моём воспоминании студенткой училища хореографии, стройная, тоненькая с длинными ногами. В тот вечер мы сидели в кафе, и я впервые предложил ей выпить пива. После нескольких глотков из большой кружки она, вздохнув, мне призналась:

– Мне так хочется посмотреть весь мир, побывать во всех странах. Если я стану знаменитой балериной, то тогда смогу объехать весь мир. Только ради одного этого уже стоит учиться искусству балета.

– Но, – возразил я ей, – это слишком сложный путь, для того чтобы объехать мир, достаточно стать переводчицей и знать иностранные языки.

– Но языки можно учить, занимаясь балетом, – сказала она.

– Знаменитой балериной стать не так-то просто, – заметил я, – для этого нужно будет переспать с тем, кто будет продвигать тебя в этом искусстве. Уж такова судьба всех балерин и актрис. А если ты будешь знать хорошо иностранные языки, то сама необходимость заставит людей прибегать к твоим услугам. Так что определись, нравится тебе балет или иностранные языки, хочешь ли ты покорять зрителей своим искусством, ночуя в номерах со своим хореографом, или путешествовать более-менее независимо и посмотреть весь мир, полагаясь только на свои знания языка.

– Неужели всё так сложно, – вздохнув, произнесла она.

– Не знаю, – ответил я, – но каждый выбирает свой путь.

– Из меня бы получилась хорошая балерина, – сказала она, – мне так нравится танцевать на сцене, иногда я там ощущаю себя летящей птицей. Но я бы никогда не разделила ни с кем постель не по любви.

– Тогда тебя просто задвинут, и ты не станешь известной.

И тут я с ужасом понял, что, обучая её французскому языку, сам затащил её в постель.

И опять перед моим внутренним взором возникло лицо отца Гонгэ, он как бы продолжал свою исповедь:

"Каждому из нас предначертана смерть. Какая она будет, как произойдёт? – Этого мы не знаем. А если бы знали, смогли бы уберечься от неё? Мне кажется, что Ричик, что-то предчувствовал перед смертью, когда он носился по клетке и ругался. Может быть, он знал, что умрёт этой ночью? Но не знал, как это будет. Убегая от смерти, в темноте он столкнулся с ней. А может быть, ему так опротивела эта жизнь, что он сознательно полез под тапочек моей сестры. Такая мысль приводит меня в ужас. Если так, то, значит, я виноват в его смерти. Правда, я не знаю, почему, но чувствую свою вину. Может быть, нам не стоит вольнолюбивых птиц сажать в клетки и приручать. От этого они становятся слабыми и беспомощными, такими как Ричик, который даже не научился летать. Таких птичек нам не стоит увозить из того климата, где они живут. Окажись он один на воле у нас, то замёрз бы зимой. Почему мы, люди, не думаем о таких вещах? Может быть, мы и птицы тоже живём в разных измерениях, которые проявляются в одном нашем физическом мире. И, похищая птиц из своей среды и погружая в своё измерение, не совершаем ли мы насилие над природой»?

И тут опять в голове у меня возник образ Натали перед наши расставанием и моим отъездом в Японию. Она смотрела на меня грустными глазами и долго молчала. Это случилось сразу же после моего сообщения ей о командировке.

– Я не хочу, чтобы ты уезжал, – сказала она, – я не представляю, как буду жить без тебя. Ведь ты, как говорил Антуан де Сент-Экзюпери, несёшь ответственность за прирученных.

– Но ты же не цветок, – ответил я ей с некой долей легкомыслия, по своей глупости, – ты – вольная птичка. Если ты будешь цветком, то дождёшься меня, но если будешь птичкой, то в какую бы клетку я тебя не посадил, ты всё равно улетишь.

Когда я произносил эти жестокие слова, то заметил на её ресницах слезу. В сердце меня больно кольнуло.

"Я вспоминаю, как однажды летом я выставил их клетку во двор, – продолжал свои воспоминания отец Гонгэ, – и удивился их реакции. Они сидели притихшие и пугливые в закрытой клетке и молчали. Вокруг раздавался щебет птиц. К ним подлетали воробьи, переговариваясь между собой. А Ричик и Чарли сидели на своих жёрдочках словно застывшие. В ту минуту они вызывали в моём сердце нестерпимую жалость".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.